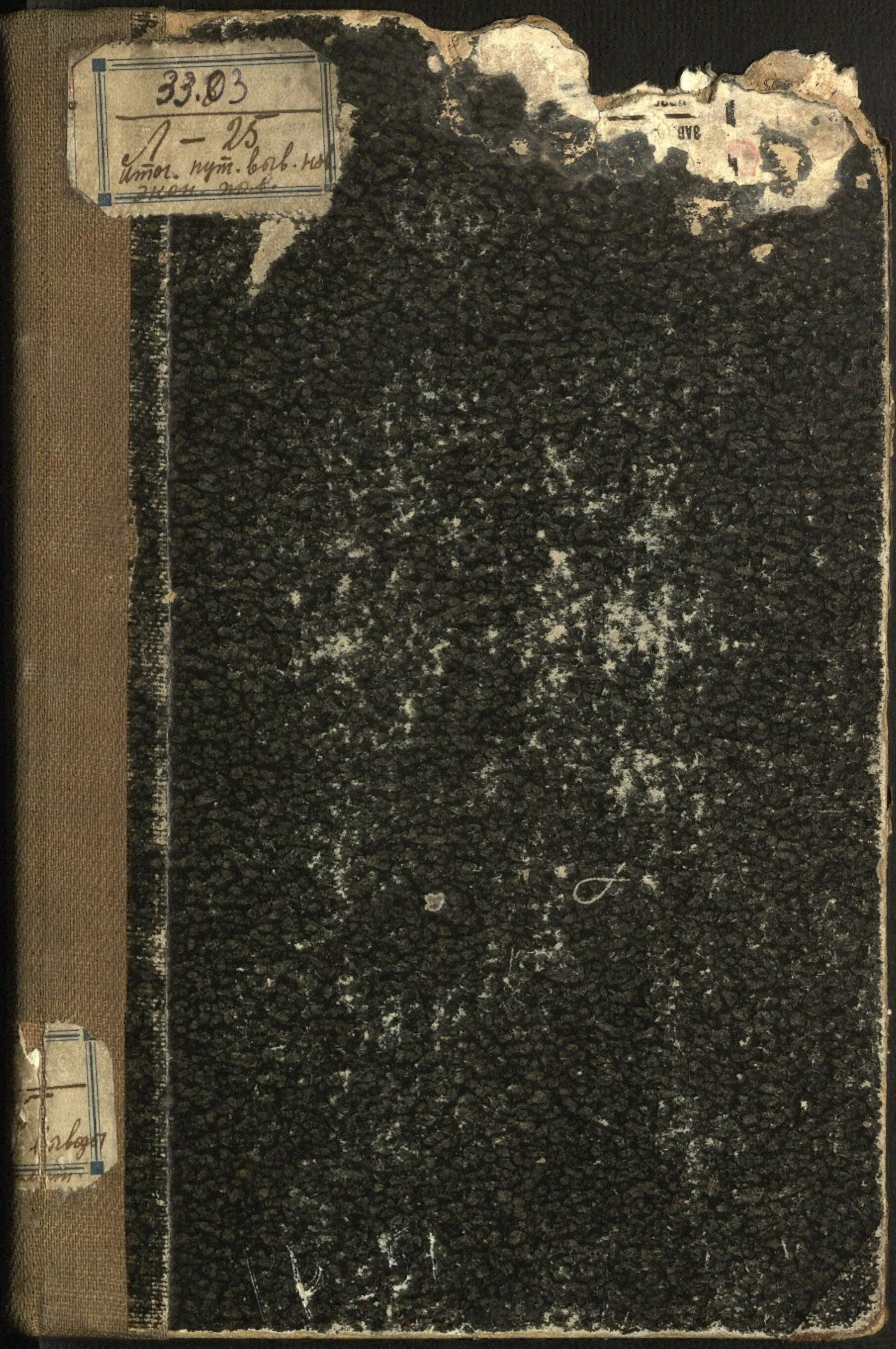

33.03
Л – 25

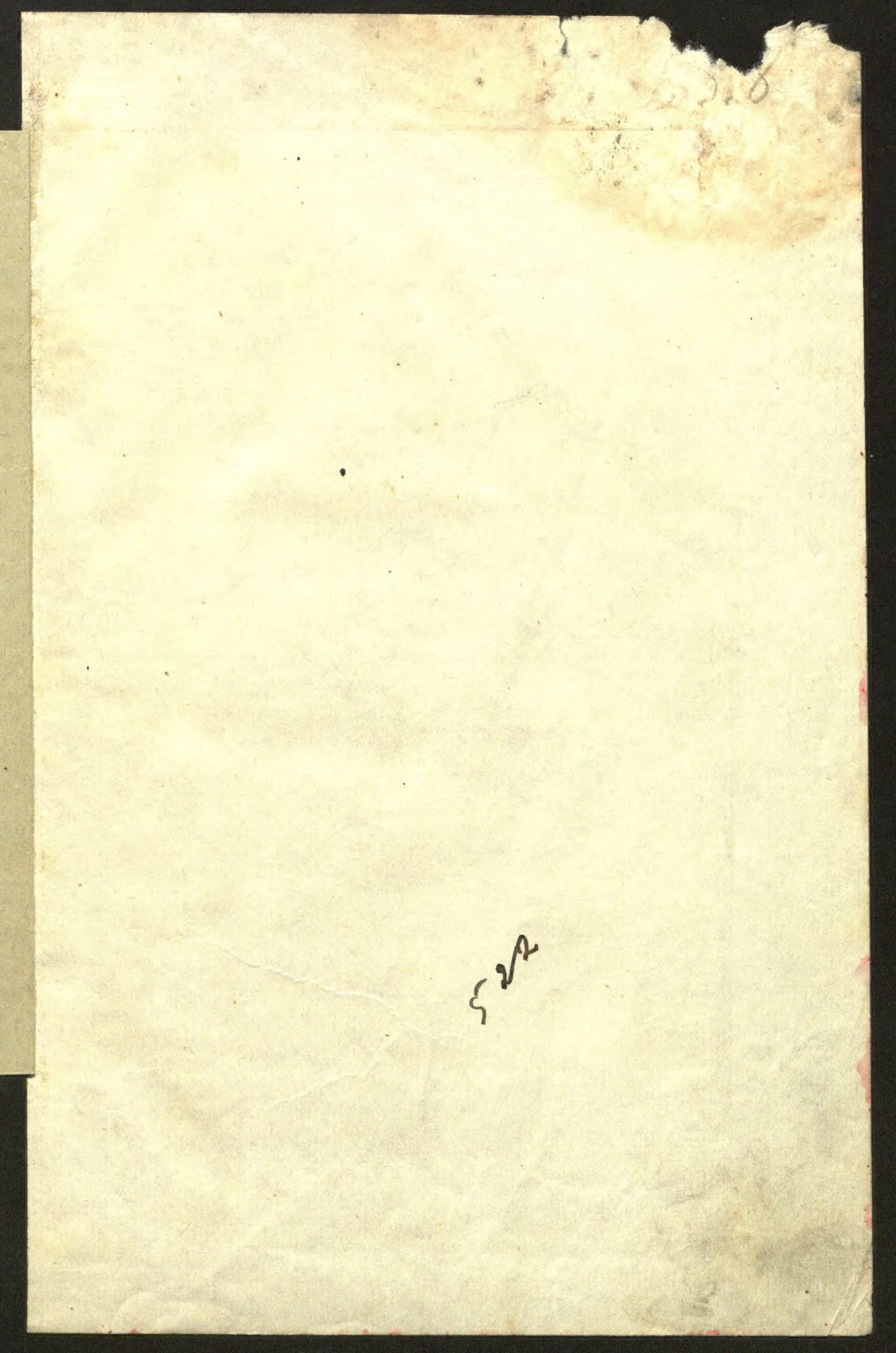
Автор Ларин, Ю.

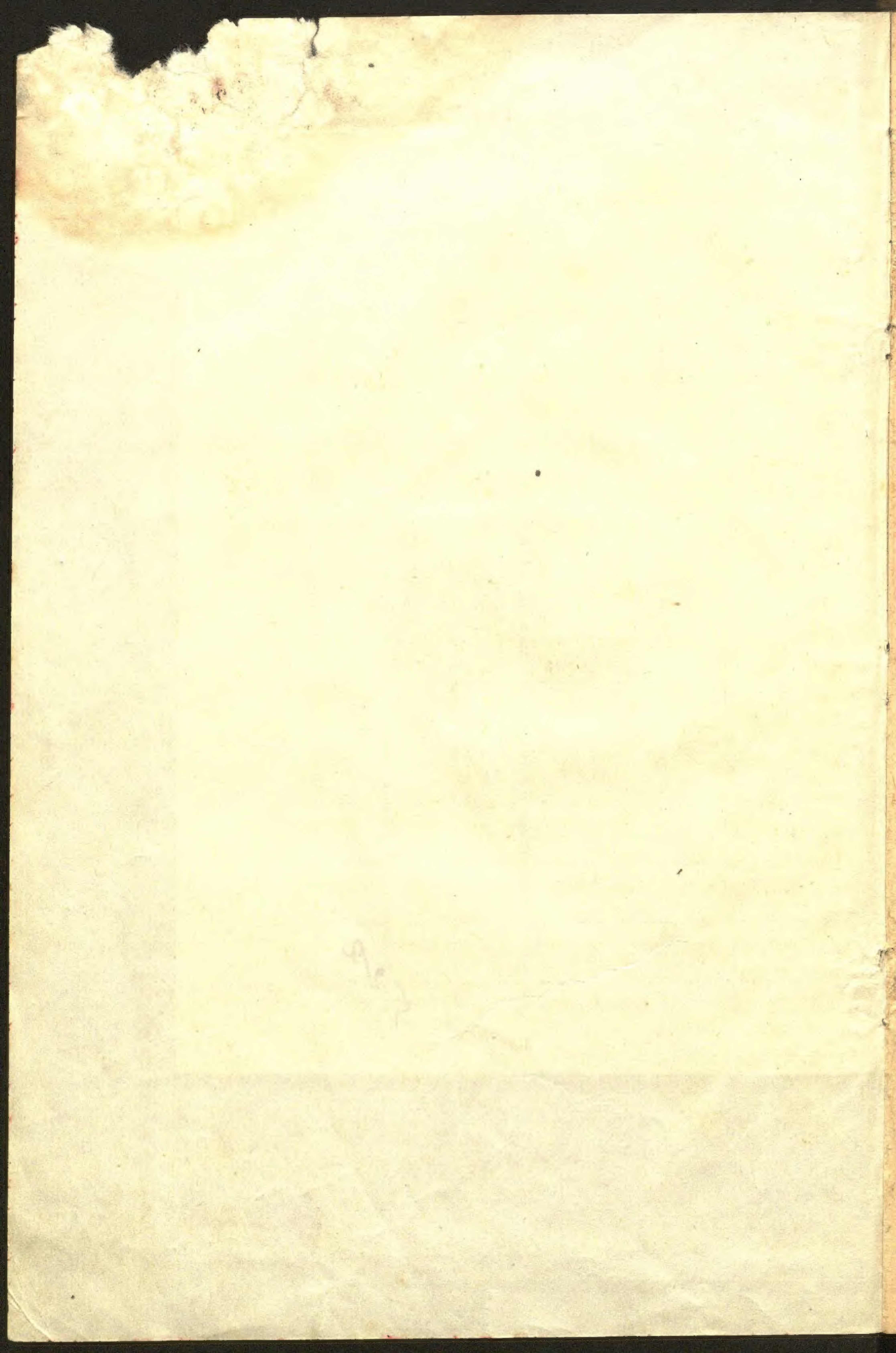
Название Итоги, пути, выводы нов. экономической политики.

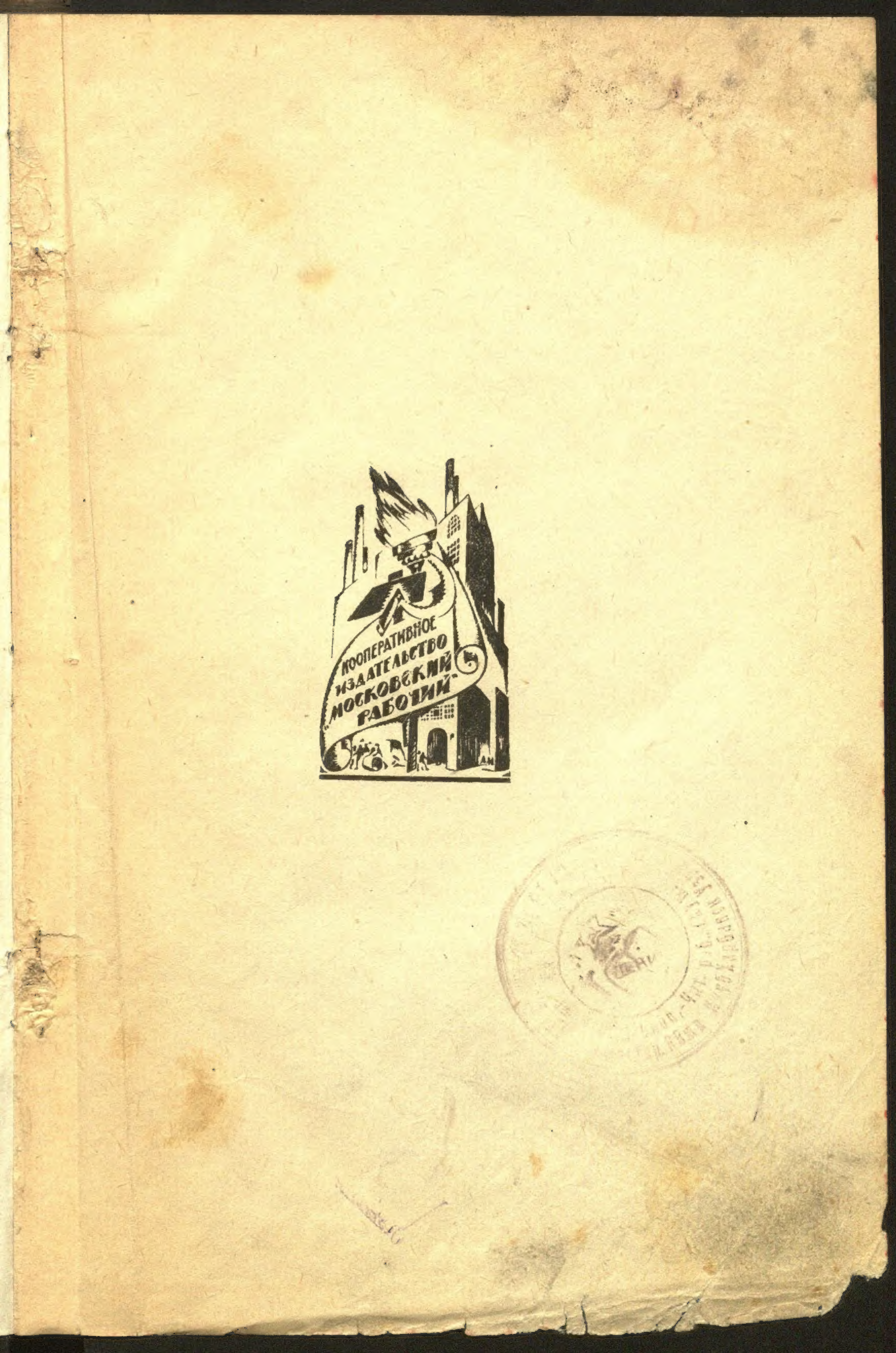
Взято	Возв.	Взято	Возв.	Взято	Возв.	Взято	Возв.
25 ФЕВ. 1931							
11 МАР. 1931							
28 МАР. 1931							
13. АПР. 1931							
29 АПР. 1931							
13 МАЙ 1931							
6 МАР. 1934							

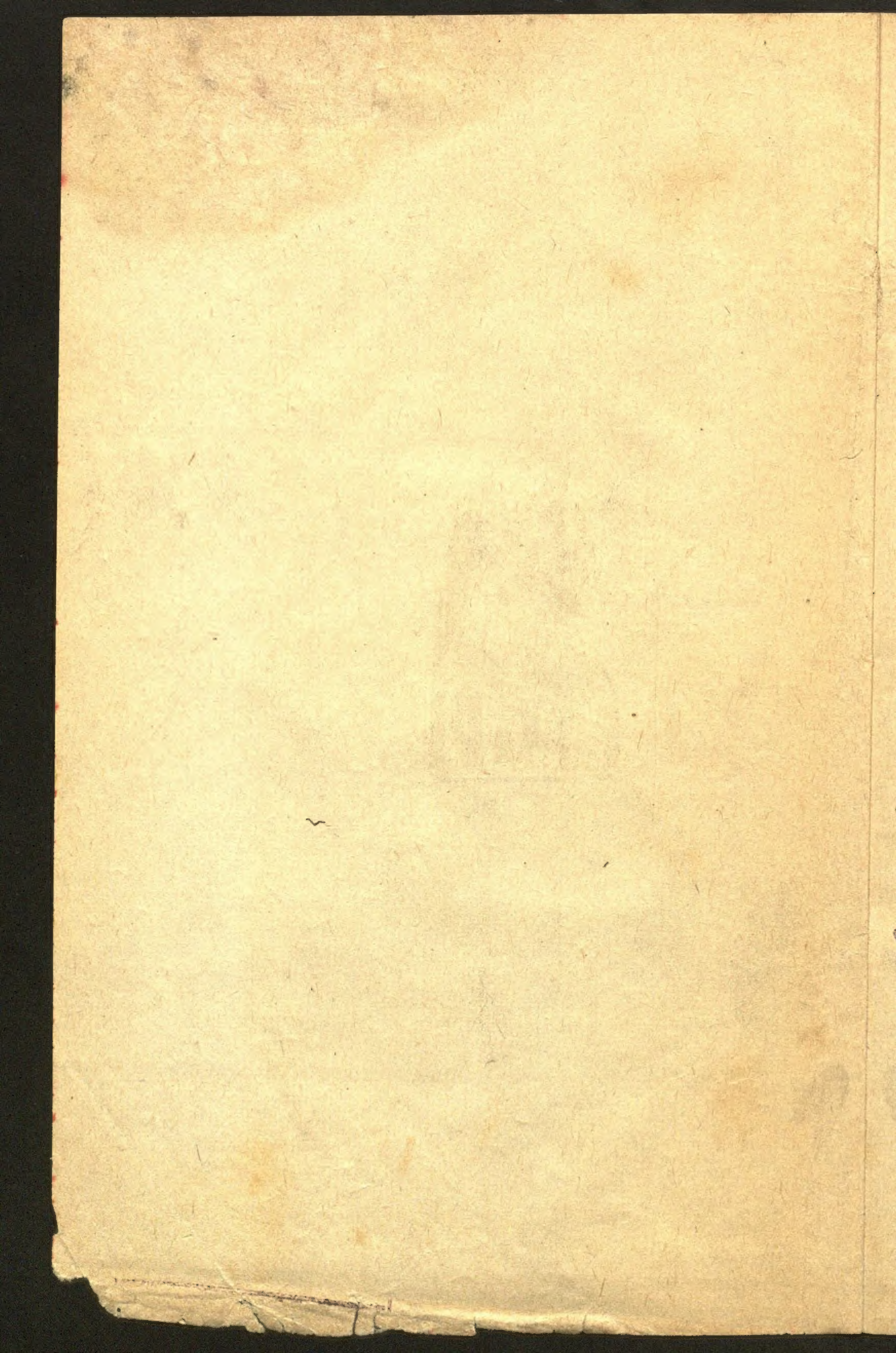
Тип. „Полиграф"—1591—26

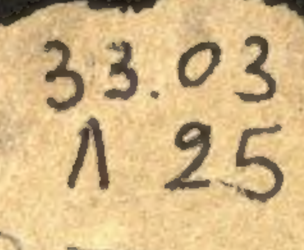
Взято	Возв.	Взято	Возв.	Взято	Возв.	Взято	Возв.






КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МОСКОВСКИЙ"
РАБОЧИЙ"



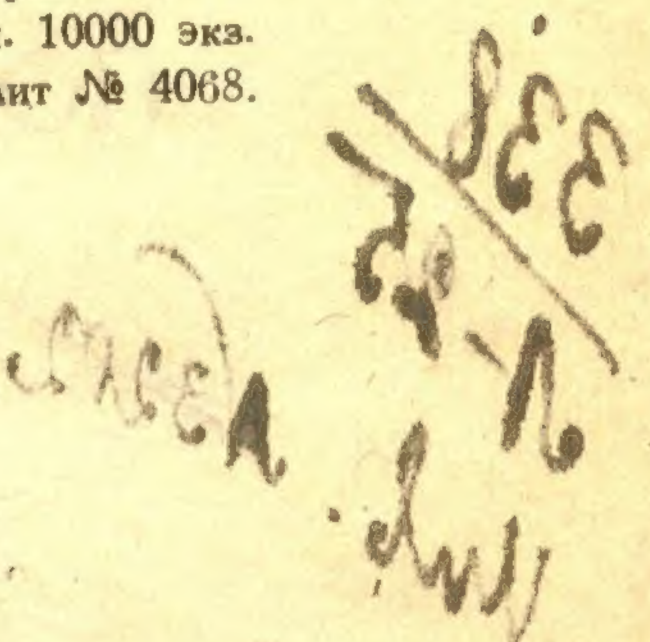


Ю. ЛАРИН

ИТОГИ, ПУТИ, ВЫВОДЫ
НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ» — 1923

Напечатано в типографии ГПУ
(Б. Лубянка, 18) в колич. 10000 экз.
в апреле 1923 г. Главлит № 4068.



ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпускаемая работа составлена между 24 февраля и 25 марта 1923 г., поэтому автор не мог пользоваться более поздними данными. Для некоторых глав («Организация промышленности» и «Обложение деревни») частично использованы некоторые опубликованные уже нами статьи. Во второй выпуск войдет часть, посвященная специально финансам, сельскому хозяйству и рабочему законодательству, которые в этой книжке рассматриваются лишь в связи с основными ее темами.

Работа по подведению итогов и по конкретной разработке перспектив новой экономической политики только начинается. Наше освещение и понимание сводятся к тому, что от первого—«стихийного» периода НЭП'а, благоприятствовавшего появлению правых уклонов, мы начинаем переходить ко второму—«плановому» периоду НЭП'а, когда эти правые уклоны будут изжиты. Во всяком случае мы старались дать достаточный материал для возможности читателю и самостоятельно составить себе представление об «итогах, путях и выводах» НЭП'а.

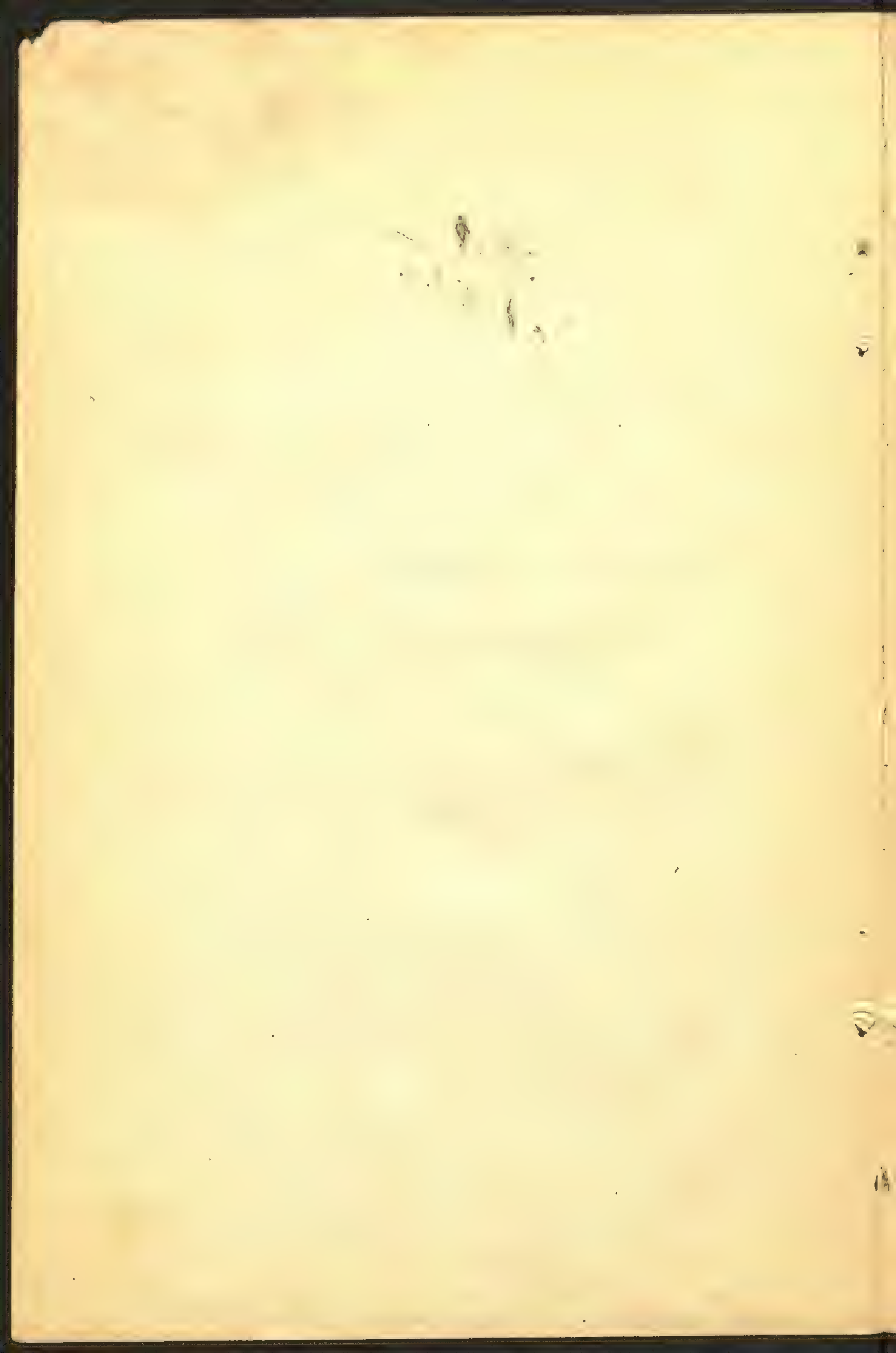
Конечно, автор не архивный изыскатель и не болотная мямля, и возможно, что на той или иной стороне вопроса ставит несколько более сильное ударение, больше ее подчеркивает, чем сделал бы какой-либо другой исследователь. В общем и целом, однако, автор надеется на достаточное соблюдение необходимых пропорций.

При весьма скромном состоянии наших статистических данных и прочих подобных обстоятельствах, возможно, найдутся какие-нибудь отдельные ошибки и т. п. Но основные черты даваемой картины и намечаемых перспектив представляются нам обоснованными достаточно твердо.

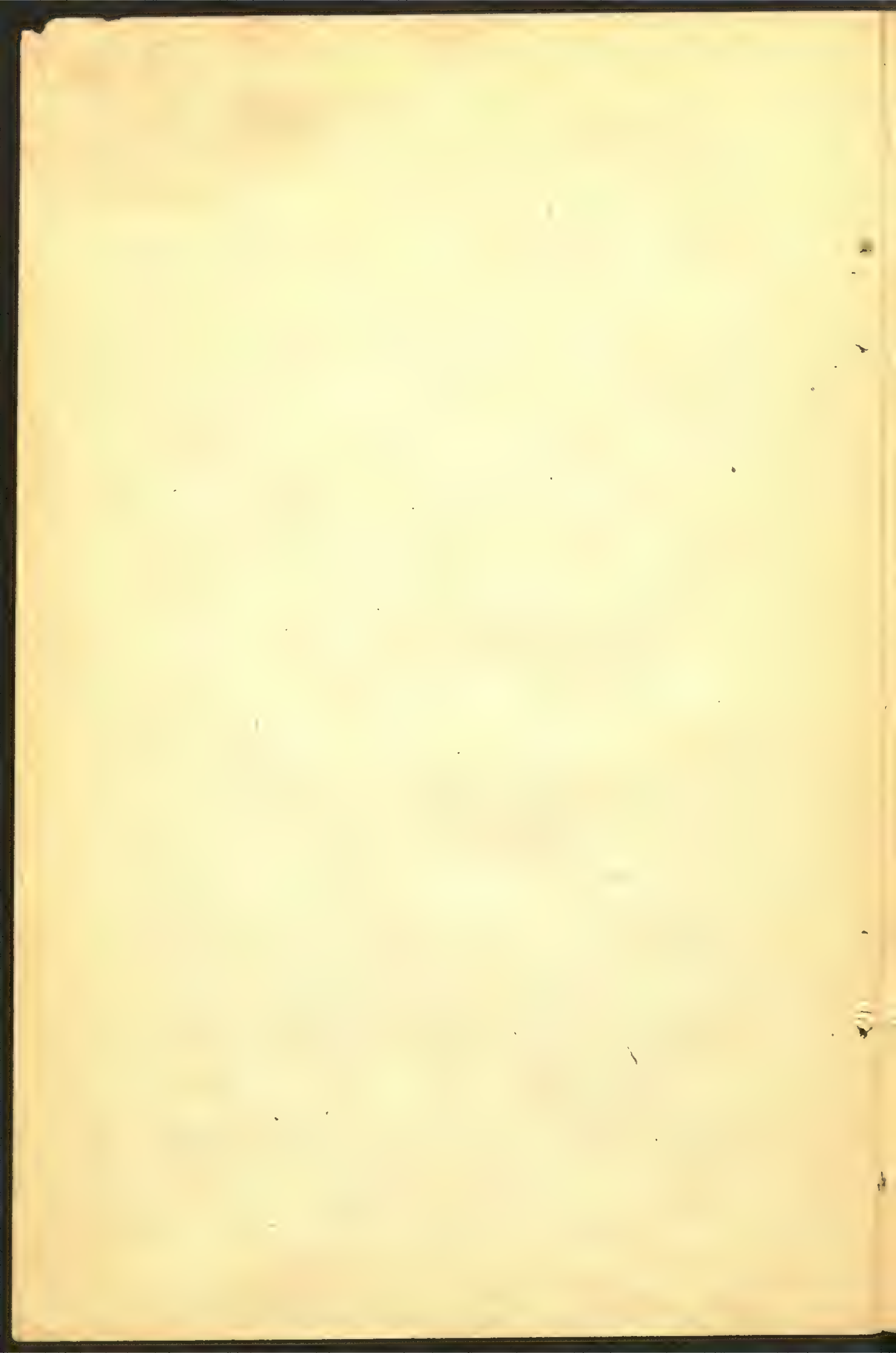
Ю. Ларин.

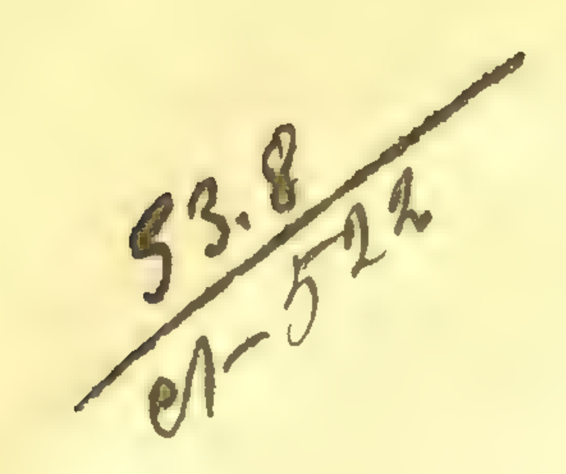
28 марта 1923 г.

ИТОГИ, ПУТИ, ВЫВОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ



I. РЫНОК И СОЦИАЛИЗМ





1. ПОСЛЕВОЕННОЕ ДВУХЛЕТИЕ.

Прекращение военных действий к началу 1921 г. послужило исходным пунктом для возможности постепенного поднятия государственного хозяйства пролетариата и хозяйства Советской России вообще.

а) Оно дало возможность увеличить приток всякого рода средств в промышленность и транспорт (отвлекавшихся ранее войной), поднять заработную плату и этим производительность труда.

б) Оно позволило расширить простор для почина как мест, так и различных хозяйственных единиц, увеличивая этим гибкость и способность государственного хозяйства в целом приспособляться к отдельным трудностям положения.

в) Оно сократило в несколько раз непроизводительные расходы страны на военную и чиновничью армии, что явилось основной предпосылкой для постепенного оздоровления финансов государства.

г) Оно дало возможность поставить взаимоотношения овладевшего государственной властью пролетариата с крестьянством на приемлемую для последнего почву признания товарного характера крестьянского хозяйства, что обеспечивает при данных условиях большую легкость воздействия на сельское хозяйство в общих интересах рабочего класса.

Изменение взаимоотношений с крестьянством (свобода торговли продуктами крестьянского хозяйства) стало необходимым прежде всего из-за крайней бедности государства фабрично-заводскими изделиями. При возможности широко снабжать ими деревню мыслимо было и сохранение системы разверстки или подобной ей без крестьянского недовольства и без задержки развития сельского хозяйства. Характерно сравнительно незначительное падение

посевной площади в годы военного коммунизма с 93,5 милл. дес. в 1917 г. до 86 милл. дес. в 1920 г. (по одобренному экон. секцией Госплана подсчету Вишневского, стр. 69). Это показывает, кстати, преувеличенность разговоров об уничтожении «военным коммунизмом» у крестьян «стимула» к производству посевов [1]).

При отсутствии изобильного снабжения фабрично-заводскими изделиями крестьяне могли сравнительно спокойно терпеть чуждые им «противотоварные» методы регулирования хозяйственных отношений пролетариатом («разверстка» и пр.), только пока чрезвычайно нуждались в военно-организаторской деятельности рабочего авангарда, направленной к отражению попыток восстановления помещичьей власти.

Поражение царских генералов на всех фронтах, ослабившее политическую зависимость крестьян от рабочих, и продолжающийся недостаток в фабричных продуктах для широкого удовлетворения ими деревни придали указанному выше изменению методов регулирования отношений с крестьянством (§ 1, п. г) принудительный для пролетариата характер (отсюда общественно-политическая атмосфера «отступления»).

Настоятельная необходимость иметь хорошо защищенный тыл на случай необходимости активного выступления на международной арене в интересах мировой пролетарской революции, отрядом которой является взявший в

---

[1]) О том же свидетельствует составленная т. А. П. Смирновым сводка о состоянии скотоводства по переписи 1916 г. и переписи 1922 г. (крупный рогатый скот, молодняк, овцы и козы)—см. „Продовольствие и Революция", № 1 за 1923 г.

Губернии.	Всего в переводе на крупный скот 1916 г.	1922 г.
1. Тверская, Рыбинская, Костромская, Ярослав., Иван.-Возн., Владимир., Московск., Калужск., Смоленская.	2.356 тыс. гол.	2.862 тыс. гол.
2. Петроград., Череповец., Новгородск., Псковская	1.228 „ „	1.329 „ „
3. Минск, Гомельск, Витебская. . .	1.481 „ „	1.463 „ „
4. Рязанск., Тульск., Орловск., Воронежск., Тамбовск., Нижегородская, Пензенская	4.114 „ „	3.371 „ „
Всего в 25 губерниях	9.179 тыс. гол.	9.025 тыс. гол.

Эти 25 губ. представляют собой ядро Советской России, которое, в отличие от Урала, Украины, Дона и т. д, никогда не занималось белогвардейцами на сколько-нибудь длительный промежуток и непрерывно находилось в 1918—1921 г.г. под воздействием „военного коммунизма" наиболее твердо и решительно проводившегося именно в этом районе.

свои руки государственную власть в России рабочий класс,—эта необходимость на предстоящие годы еще более закрепляет неизбежность сохранения товарно-рыночных методов в определении взаимоотношений с крестьянством.

Признание товарного характера сельского хозяйства, занимающего до 80% населения и дающего до 65% всего валового «национального дохода» страны (см. «Обложение деревни»)—потребовало перестройки сверху донизу всего государственного пролетарского хозяйства (организация промышленности, распределения, транспорта, финансов). Эта перестройка, не уничтожая ни диктатуры партии рабочего класса в государственном хозяйстве, ни самого государственного его характера (национализация промышленности и транспорта, монополия внешней торговли и т. д.)—должна была приспособить его к указанному «отступлению перед деревней» (перед мелко-буржуазной стихией). Такое приспособление заключается в применении «рыночных методов» ведения хозяйства («коммерческий расчет» в промышленности, торговля вместо распределения, деньги вместо натуры и т. д.), и пользование ими является неизбежной *внешней формой* государственного пролетарского хозяйства, пока существует совокупность указанных выше условий (недостаток фабрично-заводских изделий, напряженное международное положение, товарные методы регулирования отношений с крестьянством).

Последовавшие за окончанием войны два года (1921 и 1922) были поэтому временем скрещивающегося проявления обеих тенденций: благотворного влияния окончания войны на под'ем хозяйства (§ 1) и перестройки всего хозяйственного уклада на рыночные методы (§ 2). *Это было продолжением прежней политики самостоятельного пролетарского хозяйства, обогащенного прекращением войны и приноровлением к созданным им условиям.* Но вместе с тем свобода торговли и мелкого хозяйства создавала благоприятные условия и для открытого выступления и укрепления на экономической арене городской буржуазии, выдвинувшейся из разжившихся оптовиков-мешечников, из накравшихся советских служащих, из спекулянтов валютой, из уцелевших остатков прежних капиталистов.

Перестройка государственного пролетарского хозяйства с административно-ордерного на товарно-рыночный уклад неизбежно должна была повести к временному расстройству планового руководства хозяйством и потому к (тоже

временному) почти полному параличу непосредственной организации государством связи между государственным и крестьянским хозяйством, поскольку она должна была проявляться в новых формах. Потому эти новые формы,— торговая смычка с деревней,—в итоге двухлетия фактически оказываются на три четверти захваченными буржуазией (отчеты о торговых операциях 80 синдикатов и главных трестов ВСНХ показывают, что государственная промышленность почти на две трети вообще работает для самого государства, а из идущей на вольный рынок трети около 80% захватывается частными торговцами).

Значительный частный рынок существовал и в годы военного коммунизма. Его легализация и расширение после конца войны послужили исходным пунктом для выступления новой буржуазии и на политическую арену.

а) Начинается лихорадочный процесс оформления ее, идеологами общественного мнения промежуточных слоев путем литературной деятельности, заостряемой в сторону неизбежности, желательности и выгодности перехода к обычному буржуазному хозяйству (легальная буржуазная журналистика, меньшевики, сменовеховцы и пр.).

б) Кладется начало легальному оформлению представительных органов новой буржуазии (комитеты рыночных торговцев, союзы нэпмановских правлений жилтовариществ, общества арендаторов, местами шефство и т. д.).

в) Ясно намечается очередная политическая линия буржуазии, как стремление играть на разрыв союза между рабочими и крестьянами (ср. письмо Ленина о Рабкрине), используя для этого политически захваченную ею экономическую позицию (торгового посредничества с деревней).

г) Усиливаются (ранее приглушавшиеся и прикрывавшиеся) проявления буржуазных воззрений и навыков со стороны многочисленных буржуазных специалистов, действующих в рамках нашего советского аппарата. При этом растет их значение в нем и количественно: при «военном коммунизме» среди директоров государственных заводов около 60% приходилось на рабочих, а к 1923 г. их осталось лишь около 30—35%.

Параллельно этим процессам шла и фоном для них служила усиливавшаяся и экономически и политически эмансипация деревни от пролетарского господства. Экономически она выражалась, между прочим, также и в том, что крестьянин сеял собственный табак, носил самодельную ткань и т. д.—в большей против прежнего мере. Политическая эмансипация замедляется как в высшей степени бережным отношением партии пролетариата к

интересам крестьян, так и все еще остающейся опасностью возможности попыток помещичьей реставрации в случае крушения рабочего правительства. Но и она проявляется во все растущем вытеснении коммунистов в пользу беспартийных в органах крестьянского и, вообще, советского представительства [1]). Разумеется, было бы недопустимым упрощением приравнивать рост беспартийных соответственной потере влияния партии, ибо оно проявляется и через беспартийных. Но нельзя совсем не учитывать того факта, что процент избранных коммунистов стал ниже, хотя абсолютное количество коммунистов в деревне за эти годы значительно увеличилось.

Отхождение деревни от политического и экономического руководства коммунистических рабочих,—помимо роста государственного значения буржуазии, как таковой,—означало бы еще угрозу существованию значительной части русской промышленности. Крестьянам было бы выгоднее ввозить в данный момент более дешевые заграничные товары, оплачивая их сельско-хозяйственным экспортом, чем поддерживать неизбежно более дорогую русскую индустрию. В этом надлежит искать один из общественных корней того натиска за «свободу внешней торговли» (отмену монополии), свидетелем которого мы были за последние два года.

При таких условиях задача укрепления пролетарского руководства деревней, задача выбивания буржуазии из захваченных ею торговых позиций (в области организации взаимоотношений «города» и «деревни») становится на 1923 год первостепенной очередной политической задачей, осуществляемой экономическими методами.

---

[1]) По опубликованным в издании ВЦИК „5 лет власти советов" данным НКВД, среди членов с'ездов советов процент беспартийных составлял:

	Уездные с'езды.	Губернские с'езды.
Вторая половина 1918 г.	18,3%	5,7%
Первая „ 1919 г.	33,8%	10,1%
Вторая „ 1919 г.	45,5%	20,4%
За весь 1920 г.	56,3%	21,2%
Первая половина 1921 г.	58,3%	25,1%
Вторая „ 1921 г.	55,2%	25,5%
Первая „ 1922 г.	61,2%	—

За весь период в целом темп роста беспартийных в губернских с,ездах еще быстрее, чем в уездных. По тем же данным, в 1922 г. рабочие (теперешние и бывшие) составляли среди членов губисполкомов 40% и среди членов уисполкомов 32%. Этот процент обязательно должен быть повышен не менее, чем до двух третей.

Губс'ездов в первой половине 1922 г. не было, поэтому отсутствуют данные. За 1920 г. данные НКВД неразделены по полугодиям.

Для правильной ее постановки необходим двусторонний подход: как со стороны доли рабочего в продукции промышленности в частности и в национальном доходе вообще (проблема производительности труда), так и со стороны нормальных для настоящего времени ценностных соотношений индустрии и сельского хозяйства (проблема здорового развертывания хозяйства). Организационная же сторона вопроса заключается в выковывании на опыте жизни методов, при помощи которых действующая в товарно-рыночных условиях пролетарская диктатура может **органически преодолевать этот самый рынок** на пути к полному установлению социалистического строя отношений—на этот раз уже не в рамках всеобщего обнищания, но в условиях все растущего хозяйственного возрождения.

Усиление буржуазного и мелкобуржуазного давления на авангард пролетариата извне в годы «нэпа» происходило при обстановке, когда внутри него среди некоторых частей самого авангарда сопротивление этому давлению должно было оказаться ослабленным (опасность, указанная в свое время постановлением партийного с'езда).

Во-первых, в связи с общей перестройкой хозяйственного уклада после войны (см. §§ 1 и 2) имела место сначала вообще некоторая частичная «потеря масштаба». Или. как выразился тов. Сталин,—«осуществляя эти мероприятия (новой эк. политики), мы, как полагается, наделали массу ошибок, исказили их действительный характер». (Сталин, «Перспективы» в «Правде» от 1 декабря 1921 г.).

Потеря масштаба заключалась в том, что в первоначальной перестройке, последовавшей за окончанием войны,—использование благоприятных результатов этого окончания (§ 1) и ставший необходимым перевод государственного хозяйства на товарно-рыночные методы (§ 2)—некритически смешивались некоторыми с предположениями о могущих быть при данных условиях быстро достигнутыми крупных результатах, путем усиления участия буржуазии в промышленности, и о роли неорганизованной торговли («разбазаривания»). В практике «новой эк. политики» соединились потому не только прочные положительные черты, вытекавшие из указанных выше условий (как—увеличение размеров и изменение системы заработной платы, «раскрепощение» государственной промышленности от излишеств однобокого централизма, сокращение непроизводительных расходов и пр.), но и некоторые отрицательные моменты, сводившиеся, главным образом, к переоценке

экономических последствий активного выступления буржуазных элементов (переоценка подстегивалась, между прочим, опасениями перед последствиями наметившегося в 1921 г. голода и ослабляющим его влиянием на государство и его возможности).

К этим отрицательным моментам относятся:

а) переоценка ожиданий, возлагавшихся на аренду,— как известно роль частно-предпринимательской аренды в развитии промышленности оказалась ничтожной;

б) переоценка ожиданий, связывавшихся с возможностью капиталистических концессий для оживления промышленности,—как известно, промышленные концессии фактически почти отсутствуют;

в) переоценка благотворного значения введения всеобщей нерегулируемой «стихийной» торговли всех со всеми — как известно, государственная промышленность успела уже оценить на деле убыточность этого примитивного «разбазаривания», отказалась от него, переходя к синдикатам и тому под., поняв необходимость планового начала и в торговле и осудив первоначальное господство правила «деньги на бочку» во взаимоотношениях между государственными органами;

г) сюда же можно отнести переоценку положительной роли буржуазных специалистов и беспартийных вообще— как известно, практика на опыте ввела здесь поправки;

д) одновременно недооценивались отрицательные моменты, напр., возможность захвата буржуазией торговой смычки с деревней. Необходимость применения нами рыночных методов (в чем заключалось значение новой экономической политики для изменения взаимоотношений государственного хозяйства с крестьянским) подменялась мыслью о неизбежности при нэпе широкого участия в хозяйстве буржуазии;

е) недооценка и временное ослабление общепланового начала в государственном хозяйстве и выпячивание разрозненных планов и действий отдельных «распыленных» госорганов;

ж) тенденция к ограничению партучастия в хозработе.

Все подобного рода первоначальные ошибки, увлечения и искажения [1]), как правильно отметил тов. Сталин

---

[1]) Речь шла здесь именно о „потере масштаба"—с принципиальной точки зрения допустимы в наших условиях, разумеется, и аренда и концессии и т. д. Возможно, что отдельные деятели или авторы теряли временами этот масштаб в таком размере, что количество грозило начать переходить в качество, но это оставалось их личной особенностью и не отразилось на фактически осуществленных государством мерах в области, напр., тех же концессий и аренд.

(см. выше), не помешали успешному действию основных положительных проявлений новой экономической политики. Но на почве всех этих ошибок и переоценок, менее устойчивая часть переживала идейно-политический сдвиг в сторону уменьшения противодействия буржуазному давлению извне, усиливавшийся «стихийным» характером первого периода нэпа.

Эта менее устойчивая часть с ослабленным противодействием буржуазному давлению складывалась из трех элементов.

Во-первых—из лиц, стоящих во главе собственного мелко-буржуазного хозяйства (самостоятельные крестьяне, самостоятельные ремесленники). При «военном коммунизме», когда хозяйственная практика государства состояла во все большем искоренении привычных методов буржуазного хозяйства (вплоть до введения бесплатности распределения), — наличность всех этих попутчиков из мелкой буржуазии не была опасной—они сами увлекались общим течением, господствовавшей линией развития. Наоборот, перестройка государственного хозяйства на товарно-рыночный лад после войны должна влиять консервирующим (сохраняющим и питающим) образом на прежнюю мелко-буржуазную психологию и идеологию этой части. Потому в попутчиках из других классов при наличности «нэпа» сам собою дан элемент с ослабленным противодействием буржуазному давлению извне. Их влияние отражается иногда через некоторые исполкомы, иногда через некоторые кооперативы и т. д.

Во-вторых, неустойчивой оказалась часть хозяйственников, пребывавшая все время в паническом ожидании сегодня одной, завтра другой очередной «катастрофы» с промышленностью, работающая в густом и тесном окружении буржуазными специалистами, зачастую без обладания экономической подготовкой и вообще достаточно выдержанным мировоззрением, к тому же почти оторвавшаяся фактически от политической работы и запутавшаяся в трудностях практического проведения новой экономической политики, подставляющая потому порой вместо хозяйственного расчета пролетарского государства—простую отрыжку отсталого реакционного капиталистического «либерализма» (напр., известные литературные выступления в январе 1923 г. с попытками взвалить причину дороговизны на чрезмерную высоту заработной платы).

В-третьих, неустойчивые элементы рекрутируются частью и из нехозяйственных интеллигентских кадров.

Здесь иногда сочетаются политическая усталость, расслабленность, размагниченность, с одной стороны,—с разочарованностью в быстром торжестве международной революции, с другой, и с неверием в возможность достаточно долго поддерживать собственными силами пролетарское государственное хозяйство и даже пролетарское государство вообще. Появляется своего рода молчаливо-скептическое «болото», непроизводящее шума (по рецепту германских оппортунистов: «это делают, но об этом не говорят»), пользующееся в надлежащих случаях полагающейся фразеологией (словесностью), но внутренне изверившееся, порою думающее о том, как бы отступить подальше, с привлечением внимания масс к этому поменьше.

Оставаясь суб'ективно приверженцами коммунистической борьбы рабочего класса и большею частью даже не осознавая об'ективного общественно-классового смысла своих позиций,—все эти элементы не имеют в настоящее время преобладания и организационно не выделены в какую-либо обособленную группу. Они являются не оформленным «правым крылом», а расплывчатым, неустойчивым «болотом». Как всякое оппортунистское течение, так и эти элементы идейно оформляются прежде всего не в области принципиальных формулировок, а в области практической линии. В их лице буржуазное давление извне до известной степени фактически находит бессознательный отклик извнутри. Поэтому, оценивая современное положение и очередные задачи, необходимо отдать себе отчет также в необходимости во время решительно одернуть проявившую неустойчивость часть, дабы выпрямить их линию, смысл которой может быть характеризован, как тенденция к пересмотру классовых отношений сравнительно с тем, как они определились фактом овладения пролетариатом государственной властью в Октябрьскую революцию, и тем, как они пронесены им в существенном и через годы нэпа.

Эта практическая линия остается недостигшей осуществления, ибо пошатнувшиеся («правые») элементы не имеют преобладания. Но, поскольку они существуют, смешно было бы закрывать на них глаза [1]).

[1]) За последние месяцы можно было отметить по нашей печати, напр., такие „чаяния“:

а) уменьшение реальной заработной платы во имя понижения продажной цены фабрично-заводских изделий в целях более благоприятного для сельско-хозяйственных продуктов соотношения цен;

б) удлинение на два часа в день рабочего дня в производствах, где по причине их вредности советским государством установлен сокращен-

Партия достаточно сильна и здорова для того, чтобы парализовать правый уклон совершенно безболезненно. Как сказал тов. Зиновьев в известном своем докладе о «Возрождении буржуазной идеологии и задачах партии» на августовской 1922 г. всероссийской партийной конференции: «та глава в истории нашей революции, которая называется нэпом, связана на политической арене с крупными опасностями, **которые надо ясно видеть и только тогда можно будет их избегнуть**». Во-время сигнализировать возможное назревание опасности является, поэтому, первейшим долгом,—и в этом отношении мы обязаны проявлять величайшую подозрительность, осторожность и чуткость. Надо, как пишет тот же тов. Зиновьев в «Правде» от 6 марта 1923 г.—«оберегать хозяйственное крыло партии от опасностей перерождения, которыми грозит ему буржуазная сторона нэпа».

Вред от правого болота заключается еще и в том, что оно именно своими тенденциями к крестьянско-буржуазному уклону, именно явной чрезмерностью своих практических чаяний,—**нервирует рабочий класс**, ставит профсоюзы в положение **обороняющихся** против разных «атак», толкает их на положение какой-то «оппозиции», легкомысленно играет доверием и расположением широких масс, питает и создает самые нежелательные тенденции—и делает это при том в период, когда поды-

---

ный рабочий день (угольная промышленность, химическая промышленность и др.);

в) усиление зависимости рабочих от усмотрения нанимателей путем отмены обязательности найма рабочих через биржу труда (выиграл бы и частный наниматель);

г) отмена **обязанности** хозорганов делать отчеты профсоюзам и собраниям рабочих о ходе производства и о связанных с этим вопросах, коммерческая тайна перед профсоюзами, а равно усиление независимости хозорганов при назначении директоров и т. п. от рекомендации союзов;

д) введение ответственности профсоюзов за коллективные договоры (одно из наиболее реакционных требований) и одновременно уничтожение уголовной ответственности хозяйственников, нарушающих коллективный договор;

е) пересмотр и изменение рабочего законодательства в духе уменьшения гарантий и прав, предоставленных рабочим относительно бронировки подростков и некоторых других пунктов (см. выше);

ж) лишение государства права давать отдельные обязательные предписания созданным им хозяйственным единицам во имя святости принципов „государственного невмешательства“;

з) открытие дверей широкой (и хаотической) **денационализации** государственных промышленных предприятий, путем допущения продажи их с публичного торга и т. п. за долги по истечении известных льготных сроков;

и) проповедь упразднения даже таких скромных проявлений **плана** в государственном хозяйстве, как принудительная организация **трестов**

мающееся состояние хозяйства страны совершенно не дает об'ективных оснований для такого отношения к делу.

Для преодоления заблуждений, ошибок и извращений правого крыла, надо не только большинством голосов отклонять «правые» практические предложения, — что не может вызвать сомнений при лозунге: «довольно отступления»,—но и по существу противопоставлять им анализ по всем очередным вопросам как внутренней, особенно хозяйственной, так и международной политики.

Настоящим мы хотим наметить, хотя бы в качестве предварительного наброска, тот материал и те соображения, какие должны быть приняты во внимание при таком анализе (разборе, оценке) в области «итогов, путей и выводов новой экономической политики».

2. РЫНОК И СОЦИАЛИЗМ.

После двухлетнего существования нэпа, с особой силой должно быть подчеркнуто, что необходимость направления его развития в сторону коммунизма, а не в сторону восстановления всей полноты буржуазных отношений— никоим образом не допускает веры в автоматически саморегулирующее благотворное влияние рынка.

государством „сверху",—и противопоставление этому „фритредерского" требования полной хозяйственной автономии каждого отдельного предприятия (возврат к „анархическому" хаосу буржуазного уклада);

к) поход за фактическую отмену государственной монополии внешней торговли под различными соусами (та же „ликвидационная" манера упразднять, вместо того, чтобы усовершенствовать);

л) тенденция к преувеличенному суживанию об'ема государственного хозяйства (напр. жел.-дорожной сети);

м) положительное отношение к существованию создавшихся представительных органов новой буржуазии, без которых на деле свободно можно обойтись (напр., нэпмановские правления жилтовариществ, комитеты рыночных торговцев);

н) „невмешательство" партийных организаций в советскую деятельность;

о) тенденция к облегчению падающего на сельское хозяйство бремени за счет эмиссии, особенно тяжело при данных условиях поражающей как раз промышленность и пролетариат, и путем мер для искусственного повышения хлебных цен на внутреннем рынке (помимо совершенно необходимого государственного экспорта). Совершенно утопичны мечты о крупном развертывании индустрии и транспорта для обслуживания 140 милл. населения за счет самой промышленности без крупной помощи крестьян (полезной, в конечном счете, и для них самих),—при определении размера которой должна быть, конечно, строжайше учтена обязательность сохранения союза рабочих и крестьян.

Задачей нашей, как организаторов социализма, остается преодолеть рынок, но только подходя к этому преодолению применением товарно-рыночных методов, а не воспрещением без оговорок и без экономической подготовки.

Отказаться от организованного вмешательства государства в стихию рынка, упразднить учреждения, принудительно-сплачивающие государственные предприятия (тресты), и провозгласить автономию каждого отдельного государственного предприятия (как это предлагали в начале 1923 г. в ряде статей замглавтоп тов. Трифонов и др.) означало бы именно поддаться такому «перенэпиванью», слепой вере в благодетельность примитивных буржуазных методов «свободной конкуренции». Это значит совершенно забыть, к чему привела, в конце концов, буржуазная система хозяйства Европу и к чему приводила ее систематически—к периодическим хозяйственным кризисам и катастрофам, к громаднейшей растрате производительных сил, к таким «накладным расходам» на народное хозяйство, какие даже бюрократичнейший из наших трестов видит только в приятных сновидениях.

Рабочая Россия не настолько богата, чтобы отказом от планового хозяйства (каким является упразднение трестов, отрицание синдикатов и т. п.) допустить у себя роскошь кризисов от непропорциональности производства и т. п. Довольно с нас и того, сужающего рынок обеднения страны, которое заставляет сжимать весь темп развертыванья хозяйства вообще и промышленности в частности.

Рабочая Россия не в настолько дружественных отношениях с противостоящими ей государствами капиталистов, чтобы согласиться на выполнение практической программы известного идеолога русской буржуазии проф. Гриневицкого. Как известно, в своих трудах проф. Гриневицкий, один из наиболее авторитетных буржуазных исследователей русского хозяйства (чья книга—знамя и святыня буржуазной идеологии в России), показал, что в условиях свободного рыночного хозяйства неизбежно на предстоящие годы отмирание в России более сложных отраслей обрабатывающей промышленности (металлические заводы и пр.). Потому он находил целесообразным для буржуазии сконцентрировать внимание на производстве и добыче, главным образом, всяких материалов и сырья (руда, уголь, нефть и т. д.), а продукты сложной обрабатывающей промышленности преимущественно ввозить из-за границы. Это обойдется дешевле, а в условиях рыночного хозяйства решает сравнительная дешевизна—в Рос-

сии же не могут в должной степени быть теперь доходными многие предприятия тяжелой индустрии и т. п. Все «убыточное» надо сбросить со счетов и выключить из жизни.

Такое международное «разделение труда», при котором Россия превращается в поставщика промышленного сырья и полуфабрикатов для стран более развитого капитализма, было бы на известный исторический период приемлемо для русской буржуазии, рассматривающей себя, как часть буржуазии международной.

Тем более, что значительная часть промышленных предприятий в России принадлежит иностранному капиталу, и что этот выход — превращение России в сырьевое дополнение к странам индустриального капитализма — открывал буржуазии, казалось, дорогу и к политическому соглашению с крестьянством на почве определенных экономических выгод. Крестьяне освобождались от обязанности оплачивать сравнительно дорогие русские промышленные изделия и получали вместо того более дешевые — европейские.

Разумеется, потеря или отказ от развития собственной обрабатывающей индустрии в ряде важнейших ее отраслей—означали также и политическую зависимость от тех стран, в аграрно-сырьевое дополнение к которым, Россия, таким образом, превращалась. Все это шло по линии развертывавшихся в то время перспектив «экономического союза с Антантой» (в промышленности и банках у нас действовал, главным образом, антантовский капитал, а не германский). Даже переход власти в конце 1917 г. в руки рабочего класса рассматривался только, как временный эпизод. — и указанная Гриневицким программа работы промышленности оставалась по-прежнему руководящей идеей и ученых трудов, и практических выступлений идеологов буржуазного развития России. Ибо таковы, при создавшихся условиях, веления «рыночной стихии».

Для нас такая безоговорочная теория равнения по рынку неприемлема. В более или менее отдаленном будущем, когда в Китае и Америке будет прочно господствовать социализм, настанет, конечно, период организованного международного перераспределения труда. Тогда, быть может, окажется действительно выгодным для человечества в какой-нибудь стране не развивать каких-либо, даже существенных отраслей хозяйства — пока с уверенностью предвидеть это трудно. Слишком сильно могут измениться самые методы господства человека над природой в самые ближайшие десятилетия,—наша жизнь и наука, можно

сказать, уже беременны такими изменениями,—и нельзя знать, останется ли, например, вообще, через двадцать лет добывание угля из-под земли, или будет заменено автоматическим сжиганием его под землей и использованием поднимающегося газа, может быть, отпадает и вообще надобность в угле, в виду овладения какой-нибудь другой формой энергии. Но, несомненно зато, что превращение в один социалистический лагерь только Европы, которое, вероятно, уже не за горами, не создаст достаточных предпосылок для упразднения в России, например, даже военных заводов.

Пролетарская диктатура безусловно требует удержания и дальнейшего развития на предстоящие годы всех имеющихся в России отраслей обрабатывающей, и в том числе тяжелой, промышленности—мы никоим образом не можем только плыть по линии наименьшего рыночного сопротивления. Заинтересованности же крестьян в немедленном получении дешевых европейских товаров, которой их манят наши противники, мы с успехом противопоставляем заинтересованность крестьян в сохранении конфискованных у помещиков земель и свободы от буржуазно-помещичьего гнета. Вторая выгода превышает первую, а по мере поднятия культуры и техники, будут создаваться условия и для общего уравнения себестоимости промышленного производства с европейской.

Рынок расценивает государственную продукцию только со стороны ее выгодности. Пролетарская государственная власть—со стороны важности и необходимости. Мы должны стремиться, разумеется, сделать наиболее выгодными все наши предприятия, поскольку общие интересы рабочего класса не требуют лучше сохранения данного предприятия невыгодным, чем его закрытия или чем понижения реальной заработной платы рабочих ниже известного уровня. Нечего уж и говорить о таких, всем понятных примерах, как содержание военных заводов (с питающей их частью металлургии, угледобывания и пр.), хотя для народного хозяйства в целом, разумеется, весьма убыточно тратить свой металл на пушки и снаряды, а не на плуги, топоры и машины.

Перевод всех предприятий всего об'ема государственного хозяйства на подчинение регулирующему влиянию только самого рынка («выживание в борьбе наиболее приспособленных») неприемлемо, однако, не только потому, что наградило бы Россию всеми отрицательными чертами капиталистического хозяйства, до обязательных промыш-

ленных кризисов включительно, и уничтожило бы целый ряд важных предприятий, давая этим сильный толчок к превращению нашему в аграрно-сырьевое дополнение к странам капитализма. Сверх того, оно было бы превосходным средством для увеличения накладных издержек народного хозяйства вообще и чрезвычайно облегчило бы уклон нэпа не к коммунизму, куда тянет его партия рабочего класса, а к капитализму, о чем мечтает и русская, и международная буржуазия.

Значение этих «суб'ективных факторов истории» не следует недооценивать. Марксизм вовсе не заключается в слепой вере, что логика и закономерность экономического развития сами собой приведут к социализму. Экономика действует через людей. Она, конечно, обусловливает их стремления и чаяния согласно положению каждого общественного класса в экономике страны. Но если данный класс в силу общей совокупности условий (как теперь пролетариат в Германии) лишь пассивно смотрит на жизнь, а не делает «суб'ективных», т.-е. активных выводов из своего общественно-экономического положения,— то происходит значительное замедление исторического развития, застой (опять-таки, как в Германии, где об'ективные экономические предпосылки уже вполне созрели для социализма) и иногда наступает даже регресс— гниение.

Мы никоим образом не можем предоставить все «рынку», ограничиваясь для себя уверенностью, что, в конце концов, все равно «все образуется» по хорошему, «по Марксу», а самим витать над рыночным хаосом в роли свято хранящего в глубине души социалистические упования некоего бесплотного марксистского голубя. Это было бы весьма вульгаризованное, карикатурное понимание марксистских методов отношения к действительности. Но оно иногда, к сожалению, заметно чувствуется в выступлениях «перенэпивающих», возлагающих все надежды на «стихийную мудрость рынка», товарищей (см., напр., указанные статьи Трифонова и др.).

Слабая мудрость, кстати, полагать, что самостоятельное торговое выступление на рынке каждого отдельного предприятия, хотя бы легкой индустрии, может повести к уменьшению накладных расходов на производство, по сравнению с наличностью трестов и синдикатов. Конечно, накладные расходы наших органов велики: отчасти вследствие недостаточности лишь постепенно образующегося опыта добросовестной части их руководителей, а, главным образом, вследствие недостаточности их обо-

рота, вследствие того, что они не вовлекли еще в свой оборот всю продукцию об'единяемых ими предприятий. Так, когда у Продасиликата месячный оборот выше на 50%, то процент накладных расходов вместо 36% к обороту равен только 7% (август и июнь 1922 г.). Когда у махорочного синдиката величина месячного оборота увеличивается вдвое, то накладные расходы вместо 44% к обороту составляют только 10% (ноябрь и сентябрь 1922 г.). Если у текстильного синдиката эти расходы составляют 17%, у Центробумтреста—24%, у Госспирта—25% (все цифры по анкете ВСНХ из «Эк. Жизни» за 1 марта), то в значительной степени по той же причине. С укрупнением Бумтреста, с концентрацией Госспирта, с решенным усилением реализации текстильной продукции именно через синдикат,—естественно должны падать и накладные расходы, приходящиеся на единицу оборачиваемого продукта. Примером может служить Центросоюз, у которого благодаря постепенному расширению оборота, накладные расходы составили в первой половине 1922 г. всего 8,6%, а во второй половине 1922 г. даже только 6% (до войны в 1913 г. составляли 3,2%—см. «Эк. Ж.» от 6 марта).

Нынешняя высота накладных расходов органов государственной торговли зависит как раз от наличности еще достаточно крупных остатков того хаоса «всеобщей, прямой, равной и тайной» самостоятельной торговли каждого предприятия, какой вошел в историю нэпа под именем «разбазариванья». Крутой поворот от военного коммунизма к рыночным методам ослабил вначале плановое руководство и плановую организованность государства. Гонимое нуждой в деньгах (естественно обострившейся при переходе к рыночным методам) все бросилось в диком беспорядке на рынок и поплыло по его стихии с громкими возгласами «деньги на бочку».

Результаты этой «торговой стихии» сказались довольно быстро, и похмелье не замедлило наступить, едва прошел год. «Торговали—веселились, подсчитали—прослезились». Как известно, по подсчетам т. Лежавы (Комвнуторг) и ВСНХ, оказалось, что на неорганизованной торговле («разбазариваньи») государственная промышленность потеряла за год свыше 150 милл. руб. золотом (куда больше, чем все накладные расходы всех теперешних синдикатов, взятых вместе). Тогда начался процесс приспособления государства к организованному управлению своими выступлениями на рынке, к изживанию беспомощности и дороговизны той всеобщей

«автономной» торговли, к какой часто хотят теперь вернуть сторонники саморегулирующего действия рынка, желающие освободить предприятия от подчинения трестам и их органам. Началось добровольное строительство трестами синдикатов и постепенное вовлечение продукции соответственных предприятий в обороты этих синдикатов.

Нынешние попытки поставить на очередь вопрос о возрождении и новом укреплении уже отжившей и отживающей практики «бесплановья» являются не только естественной попыткой «мертвого» хватать «живое», но и опираются на факт указанной выше дороговизны работы наших торгорганов. Однако, как уже было указано, в данном случае мы страдаем не от наличности синдикатов, а от недостаточности об'ема их работы, и лекарство заключается не в упразднении этого организующего государственно-планового начала, а в его дальнейшем развитии. К тому же, если даже нынешние высокие накладные расходы синдикатов сопоставить с тем, что получилось бы, если бы каждое отдельное предприятие заводило своих отдельных торговых агентов, конторы, лавки, рекламы, комиссионеров, вояжеров и т. д., и т. п., то легко сообразить, что такая организация оказалась бы еще более дорогой.

Опыт послевоенного двухлетия должен был научить даже тех, кому это неясно было теоретически, что попросту обезьянить буржуазное отношение к рынку, каким оно было десятки лет тому назад, для нас недостаточно. При этом недостаточно как с точки зрения быстрейшего и легчайшего увеличения размеров производства, так и с точки зрения строительства социализма.

Под углом зрения роста производства неограниченное господство рыночных отношений (особенно в их примитивном выражении) оказывается невыгодным в том отношении, что не дает использовать планомерным руководством сверху то облегчение финансирования, удешевление продукции и пр., какого позволяют сразу достигнуть целесообразное комбинированье, сочетание в одну хозяйственную единицу разнообразных предприятий или намеренное ограничение числа работающих единиц для достижения лучшей нагрузки каждой из них и т. п. меры. Предоставить всему этому совершаться в порядке стихийной рыночной борьбы между отдельными государственными предприятиями значило бы выбрать наиболее медленный и наиболее дорогой путь. Пока-то еще одни предприятия окажутся разоренными прево-

сходством других предприятий, пока исчерпают они все средства местной и центральной помощи, да и в какую сумму натуральных и денежных затрат и растрат станет подобного рода «концентрация» и «отбор лучших», и какой будет иметь политический резонанс, какое обширное поле открыто будет злонамеренности иных «буржуазных специалистов» и случайной непригодности директоров-коммунистов,—этого лучше и не обсуждать.

Отказ от «планового» устроения государством «сверху» государственной промышленности означал бы на деле отказ от тех преимуществ, какие в этом отношении дает Советской России упразднение частной собственности. И, однако, настолько глубокое потрясение произвел в умах нэп, что, несмотря на всю важность этих организационных преимуществ, несмотря на уроки двухлетнего опыта и ясность для марксистов общего вопроса о регулирующих пределах и характере регулирования рыночными методами,—все же и опять вытаскиваются из старого арсенала проржавевшие доспехи надежд на «саморегулирование рынка» и протестов против «перекраивания сверху». Последний раз мы могли это в широком масштабе наблюдать по поводу предложенного мной в ноябре 1922 г. общего пересмотра всех трестов для их укрупнения и комбинирования в виду явного несоответствия их типа и об'ема необходимости работы в условиях применения товарно-рыночных методов. В ряде выступлений по этому поводу в печати и на собраниях можно было заметить в достаточной мере дух некритического «перенэпивания»,—хотя, в конце концов, общий пересмотр всех трестов все же прошел в жизнь и в настоящее время начат производством.

Под углом зрения развития к социализму ясная постановка вопроса о нашем отношении к рынку имеет еще большее значение, чем в связи с наиболее дешевым и быстрым достижением роста производства. Социализм — это плановое хозяйство пролетариата, и дорога к нему идет через укрепление элементов планового хозяйства—через это нельзя ни перепрыгнуть, ни перейти.

Для организации социализма государственная власть пролетариата должна все в большей степени сосредоточивать в своих руках (централизованно) фактическую власть над хозяйством страны, должна получить возможность дирижировать (управлять) всеми отраслями производства так, как капельмейстер управляет оркестром.

Для организации социализма должна быть сведена на нет вся громадная трата сил и средств, какую общество

производит не на полезную работу, а на создание связи между хозяйствующими единицами в условиях единого плана, в условиях отсутствия организованного общественного управления всем производством. Денежное обращение, банки, торговля—все это должно уступить место распределению и снабжению, освобожденным от фетишистических оболочек буржуазного общества. Громадное упрощение, громадная экономия сил создается именно самым фактом «преднамеренной» общественной организации производства вместо «последующего» регулирования стихийными движениями рынка.

Для организации социализма необходимы, разумеется, еще и другие предпосылки, как политическая власть в руках пролетариата, достаточные технические предпосылки, возможность не дать задушить себя буржуазии извне,—но, поскольку все это не вызывает в настоящее время сомнения, мы ограничиваемся лишь вопросами рынка. И в этом отношении позиция у нас, конечно, может быть лишь одна: рынок для коммунистов есть неизбежное зло, которое по условиям положения предстоит преодолевать применением рыночных же методов.

Это означает, во-первых, стремление уже теперь к выделению из области подчинения стихийному влиянию и руководству рынка всех тех частей государственного хозяйства, которые такое выделение допускают. Само собою разумеется, что такое выделение из подчинения рынку не означает отказа от применения товарно-рыночных методов учета и «хозрасчетной» постановки предприятий.

Это означает, во-вторых, стремление к такому планомерному и организованному овладению рынком, чтобы можно было через него его методами влиять в нужном направлении также на распыленную сеть частных хозяйств (в частности, крестьянских), не входящих в непосредственный круг государственного хозяйства.

Таким образом, и частное хозяйство, хотя косвенно, подчиняется государству и вовлекается в общий план деятельности.

Это означает, в-третьих, постепенную подготовку элементов органического перерождения торговли и снабжения, которое не свалится в один день готовым с неба, а должно вырасти на основе постепенного охвата государ-

ством и его подсобными органами (кооперация) фактического аппарата распределения. Для того, чтобы придти к такому результату, надо иметь его в виду в построении всей своей торговой политики.

И, наконец, в-четвертых, это означает стремление обеспечить себе господство в области рыночно-хозяйственного регулирования прежде всего массой товаров, ростом государственного производства, интересам увеличения которого должны быть подчинены поэтому другие стороны правительственного воздействия на рынок и хозяйство (налоговая политика и пр.), поскольку они особенно могут служить соответственному перераспределению национального дохода. Плановое хозяйство государства, ослабление его зависимости от рыночной стихии и усиление подчинения рынка ему, господство через рынок над распыленными частными производителями и фактическое введение их в следование общему плану, органическая подготовка базы для замены торговли снабжением—все это может успешно и быстро развиваться лишь на основе богатства государства производственными достижениями, на основе товарного изобилия в его распоряжении.

Разумеется, для государства с пролетарской диктатурой методы обеспечения наибольшего производства будут существенно отличаться от методов, господствующих в странах с буржуазной диктатурой. Во-первых, оно будет достигаться не безудержной эксплоатацией рабочих, быстрым высасыванием из них всех соков и заменой затем новыми, а улучшением их положения для поднятия таким путем производительности их труда и его интенсивности (в пределах нормальных для улучшенного положения). Во-вторых, сравнительно с буржуазным государством, у него будет принципиально другое отношение к самому государственному хозяйству.

Буржуазное государство смотрит на наличность государственного хозяйства, на необходимость из'ятия некоторых отраслей и предприятий от частного капитала, как на печальную необходимость, как на беду своего рода, могущую быть оправданной лишь специальными удобствами для капитала в целом (напр., национализация железных дорог в Германии). Поскольку возможно, оно хотело бы и стремится ограничить область государственного хозяйства и очистить поле непосредственно частному капиталу «без фраз», в его чистом виде,—частному капиталу, политическим орудием которого оно является. Частичное сращивание государства с частным капиталом и даже общее

централизованное руководство в капиталистических странах промышленностью во время войны отнюдь не служит опровержением этому: война — плановое хозяйство и для капиталистических государств, иначе современную войну вести нельзя [1]. А по миновании ее буржуазные государства поспешили разрушить создавшийся было у них в военные годы аппарат и строй своеобразного «государственного капитализма»—буржуазного военного капитализма.

Наоборот, государство с рабочей властью на государственное хозяйство смотрит, как на правило, а на частный капитал, как на весьма неприятное исключение. Каждое сокращение об'ема государственного хозяйства в пользу частного должно восприниматься здесь весьма болезненно, со скрежетом зубовным, как поражение,—и его необходимо избегать, насколько только возможно без крупного вреда для целого. Аренда, концессия, создание смешанных государственно-капиталистических обществ—все это является здесь в сознании общественного мнения временным явлением, эпизодом, в «вечную» прочность которого не верят ни друзья, ни враги. Характернейшие факты в этом отношении встречаются на каждом шагу—и в день, когда пишутся эти строки, передо мной лежит «Правда» от 22 февраля со статьей т. Рабчинского (недискуссионной) «Частный капитал», где пред началом напечатан жирным шрифтом такой тезис: «нельзя ввести в госпредприятия частный капитал без того, чтобы он ими не овладел, при условии даже всемерного его ограничения». А в тексте статьи—и тут наш автор без сомнения выражает господствующее общественное мнение, почему его статья так характерна для фактического отношения рабочего государства к частному капиталу,—говорится следующее: «Если вы введете предпринимателей в госправления, хотя бы ограничив их тысячами условий договорных отношений, при обеспечении себя абсолютным большинством процентов акций, тогда госпредприятия на бумаге будут числиться государственными, а на деле станут частными. Мало этого, если вы получите 49% частного капитала, а дадите ему даже только пять проц. прав в правлении, предприниматель пойдет и на это, потому что и здесь будет хозяином дела».

---

[1]) Это, повидимому, совершенно забывают наши сторонники упразднения трестов и синдикатов и перехода от планового общегосударственного хозяйства к хозяйству несвязанных между собою организационно отдельных автономных предприятий. Два года отсутствия войны сильно, хотя и преждевременно, ослабило у них мысль о всегдашней возможности военных осложнений для Советской России.

Без сомнения, в этих замечаниях много верного и по существу, недаром они идут в центральном органе партии без всяких «дискуссионных» оговорок,—мы знаем из орехово-зуевского дела, что иногда даже и без формального участия в правлении частный капитал распоряжается, как у себя дома, поскольку имеет место совместная «коммерческая» деятельность с ним. Но еще характернее они в смысле общего отношения пролетарского государства к уступке, хотя бы в скромной части, своего государственного хозяйства влиянию частного капитала. Она может производиться только по самой крайней нужде, при исчерпании всех других источников, при действительно доказанной невозможности нести бремя на собственных плечах, хотя бы и ценой известных жертв. Лучше всего это отношение было продемонстрировано отказом советской власти на гаагской конференции 1922 г. получить ускоряющий наше хозяйственное возрождение широкий приток иностранного капитала ценой частичной денационализации русской промышленности (ценой возвращения французским, английским и бельгийским капиталистам их бывших предприятий).

Таким образом, к четырем указанным выше пунктам надо прибавить пятый: стремление к всемерному расширению об'ема непосредственного государственного хозяйства. Обратной стороной является в высшей степени *осторожное отношение ко всем проектам сужения об'ема* этого хозяйства, как бы «заманчивыми» ни казались они в смысле уменьшения государственного дефицита и т. д. Потому, напр., в начале 1923 г. окончательно отклонено (прошедшее уже было транспортную секцию Госплана) предложение сократить государственную сеть железных дорог примерно на 15 тысяч верст, почти на четверть, закрыв соответственные железные дороги (мотивировалось желанием уменьшить убытки и дефицитность нашего бюджета).—что предрешало, разумеется. сдачу их затем, как немогущих быть эксплоатируемыми государством, а аренду или на концессию.

Потому даже к решению вопросов о повышении нагрузки предприятий путем концентрации производства на некоторых из них и закрытия остальных—государство наше не подходит тем грубо-упрощенным путем, как идет частный предприниматель. Для него вопрос был бы решен колебанием десятых долей процента прибыли. У нас взвешиваются сначала перспективы будущего—если не сейчас, то, может быть, хоть через год-два предприятие сможет окупать себя, и тогда государство лучше временно готово

нести жертвы, чем задушить этот очаг настоящей политической силы и грядущего хозяйственного возрождения. У нас, чтобы быть сброшенным со счетов, предприятие должно быть не просто несколько убыточным по независящим от него причинам, но должно давать убыток, непосильный для государства, при отсутствии вместе с тем такой государственной или общественно-политической важности именно данного предприятия, при которой государство этот «непосильный» убыток все же на себе понесло бы.

Ибо в сохранении государственного хозяйства, в пронесении его неупраздненным во всех существенных частях даже через самые тяжелые годы (ныне для Советской России оканчивающиеся),—заключается такой залог дальнейшего развертывания экономической мощи пролетариата во всем хозяйстве страны, что ради этого организовавшийся в государство рабочий класс готов на все осуществимые на практике жертвы.

Выделение из подчинения стихии рыночных взаимоотношений всего, что возможно (из всей совокупности государственного хозяйства), может происходить прежде всего путем определенного урегулирования внутренних связей между собой разных частей государственного хозяйства.

Конечно, при хозяйственной структуре России нельзя думать, чтобы все государственное хозяйство в его целом явилось каким-то замкнутым кругом, изолированным от товарооборота с остальной страной и питающимся собственными соками. Когда-то Туган-Барановский изображал капитализм, как якобы способный самому себе служить достаточным рынком и основой неограниченного безболезненного развития. Капиталисты не знали этой теории и, будучи непросвещенными, упорно стремились к экспансии (расширению), все время дополняя свою область эксплоатации влиянием в некапиталистических и полукапиталистических странах и присоединением колоний.

Наша промышленность имеет «колонию» у себя под боком, в лице некапиталистического сельского хозяйства, и отказаться от общения с ним, конечно, не может. Тем не менее обширные части промышленности работают в крупной мере именно друг на друга или на другие хозяйственные органы. Например, металлопромышленность по утвержденному ВСНХ 8 февраля 1923 г. расписанию за период с 1 октября 1922 г. до 1 октября 1923 г. целых 87% своей продукции сдает госорганам по государственным заказам и только 13% реализует на вольном рынке («Труд» от 13 февр.). А так как госорганы приобретают ее изделия и

в порядке обычных рыночных сделок, а не только по предварительным твердым ведомственным заказам, то в общем на само государственное хозяйство металлопромышленность в 1923 г. работает не менее, чем на 90%, и на всю остальную страну не более, чем на 10%.

Трест тонких сукон «Моссукно» (по «Обзору» его работы за 1 ноября 1922 г.—1 ноября 1923 г., стр. 84) из всего реализованного им за год сукна (5.200 тыс. арш.) продал 36% военному ведомству, 34% прочим госучреждениям, 14%—кооперации и 16%—частным лицам. И здесь работа на государство не менее, чем на 70%. Почти целиком работают на государство нефтяная и угольная индустрия, на большую половину льняная промышленность и т. д., и т. п., не говоря уж о таких отраслях, как железные дороги или военные заводы. В общем, по бюджету ВСНХ на 1923 г., государственная промышленность 50,6% всей продукции сбывает по твердым ведомственным заказам, да вероятно не менее 10% поступает госорганам по отдельным сделкам или через посредников.

Выделение из рыночной стихии в соответственных частях всех этих отраслей должно происходить (и частью уже происходит) широким развитием с и с т е м ы п л а н о в ы х д о г о в о р о в. В период военного коммунизма передвижение продуктов из одних госорганов в другие происходило в порядке очень сложной, громоздкой и медлительной системы «централизованного планового распределения», получившей название «снабжения ордерами», поскольку речь шла о промышленности, или «довольствия карточками», поскольку вопрос шел об отдельном «компродском» потребителе. Печальные воспоминания о волоките, неудобствах и отсутствии уверенности в соответствии практики ордеру или карточке—все это и по сию пору заставляет дрожать обывателя или хозяйственника обывательского типа при одном слове: «плановое»—«чур, чур нас, изыде сатана, спаси господи и помилуй».

Система плановых договоров ничего общего не имеет с техникой «ордерного распределения» времен военного коммунизма. Между прочим, и сама техника вовсе не обязательно должна быть такой уродливой, какой она оказалась в России в силу недостаточной продуманности и деловитости ее постановки в условиях, к тому же, еще неполного знания в то время госорганами, где что у них находится (ведь, Россия в то время только завоевывалась, предприятия только национализировались и постепенно осваивались и т. д.),—и в условиях крайне плохой транспортной и почтово-телеграфной связи. Если бы, напр., теперь обстоя-

тельства привели почему-нибудь к восстановлению ордерно-разрешительной системы (даже в том доведенном до крайности виде, как это было, когда нельзя было получить даже для технических нужд с провинциального маслобойного завода десять пудов льняного масла без специального ордера Наркомпрода, согласованного с подлежащим Главком ВСНХ в Москве),—и то при достигнутом к настоящему времени уровню транспорта, Наркомпочтеля, общей деловитости и осведомленности о действительном положении,—даже «ордерная» система не была бы столь тяжела, особенно, если освободить ее от доведения до абсурда преувеличениями централизма и мелочной опеки [1]).

Однако, при системе плановых договоров не требуется никаких правительственных ордеров, никаких разрешений в каждом отдельном случае от «центра» или, хотя бы, от «мест»—вся техническая сторона дела совершается путем таких же «рыночных приемов» свободных

---

[1]) Дело, конечно, прошлое. Как руководившему в 1919 г. „комиссией использования" (тогдашним центральным плановым распределительным органом государства, исполнителями постановлений которого в подлежащих частях были Наркомпрод и ВСНХ), мне всего виднее были эти нелепости. Но попытки добиться, напр., хотя бы права для губерний самим брать с находящихся в их пределах фабрик и заводов те количества данных продуктов, какие им приходились по общегосударственной разверстке ком. исп. (с освобождением от ордерных разрешений центра при каждой отдельной получке), или попытки освободить население от обязательной приписки „карточки" к отдельной лавке с длинными „очередями" (заменив германской карточной системой, сводившей неудобства и „хвосты" до минимума сравнительно с русской) и т. п. — наталкивались на непреодолимое для законодательного изменения противодействие (как отклонен был в вежливой форме и вообще всеросс. с'ездом совнархозов доклад мой о необходимости разумного ограничения „планового распределения" только действительно важными для государства предметами с устранением „ордерных" извращений сверхбюрократизма и упрощением техники). Тогда пришлось помогать делу административным усмотрением. То, в нарушение всех законов, предписывая выдать для профсоюзов около 50 миллионов аршин мануфактуры для создания „прозодежды" без всяких карточек и т. п. (пока Компрод собирался жаловаться СНК на самоуправство и пока СНК рассматривал, дело на практике двигалось уже так далеко, что оставалось только санкционировать полезное начинание); то телефонируя Мельничанскому, чтобы он прислал „своих ребят" для немедленного вывоза со складов для московских рабочих нескольких сот тысяч трикотажных изделий, то „спасая" подобным же образом какую-нибудь губернию или отрасль с металлическими изделиями и т. д. Но подобная личная практика не могла, конечно, устранить недостатков самой системы, да и не везде и всякий мог себе ее спокойно позволить. Система же оставалась непоколебленной и самой своей практикой дискредитировала идею планового хозяйства вообще. Этим компрометированием и об'ясняется в значительной степени, почему пришлось выдержать довольно оживленную борьбу, пока удалось в начале уже 1921 г, добиться учреждения Госплана, как необходимого планового центрального органа.

сношений, расчетов, приемки и сдачи, как при любой сделке на вольном рынке. Государство только заранее составляет обязательный для всех хозорганов план, устанавливающий, какое количество, каких основных продуктов каждый из них должен поставить другому в определенный операционный период (обычно год). Все хозорганы обязаны затем в пределах этого плана заключить между собою договоры о выполнении его (с точным указанием сроков и порядка сдачи продуктов и пр.). Расчеты производятся на основании проверенной государственными органами себестоимости изделий с начислением установленного государством процента, при том, разумеется, не наличными, а в порядке широкого использования государственных органов взаимного расчета (при Госбанке), с предоставлением необходимого взаимного кредита и т. д.

Широкое развитие системы обязательных плановых договоров означает достижение того продуманного, централизованно-проводимого, «преднамеренного» планового распределения необходимых промышленности и транспорту вещественных ресурсов, какое ставил своей задачей военный коммунизм, только другими методами. *Оно изъемлет во всех этих отношениях государственное хозяйство от рыночных случайностей и рыночного хаоса*, делает невозможными такие случаи, как остановка работы государственного завода в Москве из-за отсутствия чугуна, когда тот же чугун другими государственными органами (держателями его) продается частным лицам, или такие факты, как повышение хлебных цен для рабочих петроградских заводов вдвое за три недели при общей сравнительной устойчивости их в стране вследствие внезапной приостановки отпуска питерским рабочим кооперативам муки «Хлебопродуктом», имеющим собственные рыночные соображения, не считающиеся со степенью государственной важности той или иной сделки, какую он заключает, а лишь с максимальными «коммерческими» результатами [1].

При отсутствии господства системы плановых договоров государственные предприятия, между прочим, не гарантированы, что именно они получат необходимые им материалы, что эти материалы не уйдут в руки каких-либо частных посредников, от которых потом придется перекупать их на худших условиях, или вообще получат иное народно-хозяйственное назначение, само по себе имеющее важ-

---

[1]) Согласно „Эк. Жизни" от 17 февр., в итоге фунт хлеба стоил в Петрограде 20 января 37 коп., а 10 февраля—67 коп. (в знаках 1923 г.).

ность, но меньшую по сравнению с потребностями государства (напр., предположим, направление кровельного железа полностью в деревню для замены деревянных крыш увеличивающего свое благосостояние крестьянства железными—и отсутствие его для фабрик и заводов).

Система плановых договоров, сохраняя рыночные методы в сношениях и расчетах между госорганами, об'единяет их в то же время плановым единством государственной воли и из'емлет из подчинения стихийной воле свободного рынка. В настоящее время ею может быть охвачена большая половина работы, как государственной промышленности, так и государственного транспорта. Впоследствии, в 1924 и 1925 гг. доля продукции государственной промышленности, могущей быть предоставленной частному потреблению (рабочему, крестьянскому и буржуазному), быть может, несколько увеличится, хотя доля непосредственно государственного потребления будет все же без сомнения главенствовать и в предстоящие годы. Ибо потребности государственного хозяйства, т.-е. общие потребности хозяйства страны, удовлетворяются в настоящее время настолько неполно, что всякое улучшение еще долго должно будет направляться на удовлетворение именно этих потребностей. Стоит только вспомнить потребность железных дорог в металле, потребность транспорта и индустрии в дальнейшей замене дров углем и нефтью, потребность государства в мешках для продналогового хлеба (которая и теперь при наличности выписки многих миллионов мешков из-за границы занимает все же половину льнопромышленности), потребность в образовании военного суконно-шерстяного и кожевенных изделий запаса и т. д., и т. п., чтобы совершенно не сомневаться в решительном преобладании именно государственного спроса на продукцию промышленности в предстоящие годы.

Разумеется, соответственные промышленные предприятия будут, таким образом, лишь отчасти (но в большей части) из'яты из непланового рыночного оборота, потому что почти каждому предприятию необходима закупка каких-нибудь продуктов непромышленного хозяйства (дрова, лен и т. д., и т. п.), даже если считать, что зерно-фураж и хлебный фонд для рабочих передается государством из продналога, т.-е. в плановом порядке обязательных договоров между Компродом и соответственными трестами и т. д. Но во всяком случае этим путем для государственных предприятий в очень большой степени устраняется

зависимость от неурегулированных стихийных рыночных отношений. А в ослаблении зависимости от неурегулированного подчинения рынку и заключается шаг к тому преодолению рынка новыми способами, не методами военного коммунизма, какое мы должны осуществлять для реальности постепенного движения от нэпа к социализму, а не к чистому товарному хозяйству.

Ослабление зависимости государственной промышленности от случайно-произвольного характера обычных рыночных сделок должно быть, поэтому, в реально возможных пределах одной из главных задач планового участия государства в направлении хозяйственной жизни. Практическое разрешение этой задачи должно было бы составлять один из существенных элементов текущей работы Госплана. Зародышем проведения системы плановых договоров в жизнь во всем об'еме является предрешенное уже СТО образование «комитета государственных заказов», которому «вменяется в обязанность устанавливать годовые или квартальные программы государственных заказов как внутри страны, так и за границей, на основе утвержденных Госпланом планов народного хозяйства, разбивать государственные заказы на централизованные и децентрализованные, устанавливать порядок расчетов по заказам и т. д.»(см. «Эк. Ж.» от 8 марта). Словом, восстанавливается «комиссия использования», но действущая уже с учетом новых рыночных форм. Так, в этом отношении, как и в других, в опыте самой жизни нарастают постепенно элементы перерождения первого «стихийного» периода нэпа во второй его «плановый» период (конечно, первый период называем «стихийным» лишь сравнительно и условно).

Второй момент, способный ослаблять зависимость государственных предприятий от подчинения неплановому, заранее не предрешенному, в своем роде случайно-произвольному характеру рыночных отношений,—это широкое применение начала комбинирования при об'единении государственных предприятий в крупные группы, управляемые в качестве единого хозяйственного целого (тресты).

В один круг, в одну единицу здесь соединяются предприятия, взаимно обслуживащие друг друга или хозяйственно связанные между собою отношениями поставщика и заказчика, покупателя и продавца (напр., соединяются: 1) добыча руды, 2) металлургия, 3) угольные копи, 4) заводы сел.-хоз. машин и паровозные, 5) лесопильные и де-

ревообделочные заводы, 6) огнеупорный кирпич, 7) совхозы, 8) под'ездной железнодорожный путь, 9) электростанции, 10) строит.-ремонт. предприятия и т. д.). В подобном крупном комбинате каждое участвующее в нем предприятие на большую половину (а некоторые почти полностью) имеет *в пределах самого комбината* и *достаточный рынок сбыта*, и *обеспеченные источники разнообразного снабжения*. Здесь перед нами замкнутый, органически построенный плановый круг, сообщающийся экономически с внешним миром лишь на гораздо меньшей поверхности, чем это было бы, если бы комбината не было и каждое предприятие принуждено было бы регулировать *всю сумму* своих отношений обычными неплановыми рыночными сделками.

Если из этих сношений с внешним миром вычесть еще осуществляемые с другими трестами и госорганами на основе системы плановых договоров, то окажется, что комбинат осуществляет связь с рынком путем обычных неплановых сделок лишь в той мере, в какой действительно имеет дело с *частным хозяйством, как таковым*. Он из'ят из подчинения рынку во всех своих взаимоотношениях с прочими частями государственного хозяйства, сохраняя вместе с тем «хозрасчет» во всем об'еме своей работы и являясь одной из крупных составных единиц общего государственно-планового руководства хозяйством. Между тем, *соединить план с рынком* является в нынешних условиях основной задачей для преодоления рынка в условиях применения товарно-рыночных *форм* хозяйства, для постепенного движения от нэпа вперед,—а не только для топтания на месте.

В организации работы наших государственных предприятий нам необходимо достаточно учитывать,—и это один из подтвержденных двухлетней практикой нэпа существенных выводов,—*двойственный характер* наших фабрик, заводов, горных промыслов, железных дорог. В отношении к частному хозяйству наше государственное хозяйство является тоже как бы частным хозяйством, только очень большим, и этот круг взаимоотношений является товарно-рыночным и *по существу*. Наоборот, во взаимоотношениях государственных предприятий между собой товарно-рыночной должна быть только форма, а существо является совсем иным—они являются составными частями одного государственного хозяйства социалистической власти. Товарно-рыночные методы оформления отношений в одном случае являются только формой, в другом—отвечают и существу дела, но должны быть применяемы

в обоих случаях (ибо раз нельзя в предстоящий период обойтись без их применения в отношениях с частным хозяйством, то и оформление внутренних расчетов и т. д. неизбежно прибегает к ним же). Но за формой нельзя забывать существо дела там, где речь идет о самом государственном хозяйстве пролетариата. *Оно не должно раствориться*, распуститься в стихии рынка *на массу автономных*, не связанных общим планом и руководством отдельных единиц, существующих каждая только во имя своих особых отдельных коммерческих интересов, могущих даже и не совпадать в том или ином случае с интересами целого, с интересами государственными. Между тем, в итоге нэповского двухлетия, в итоге почти полного поглощения внимания многих хозяйственников больше всего коммерчески-торговой стороной порученного им дела, стало замечаться местами *подчинение именно анархизирующему, распыляющему, центробежному влиянию рыночной стихии*. Появилось некоторое тяготение к своего рода промышленной «демократии», к стремлению провозгласить в государственной промышленности господство своего рода «принципов учредилки» в виде «всеобщего, равного и прямого» права каждого отдельного предприятия *на независимость*, на торговую *автономию*, на верховенство ближайших *частных выгод* данного предприятия над интересами целого. Отсюда такие примеры, как указанное выше прекращение отпуска «Хлебопродуктом» муки петроградским рабочим кооперативам, как требование махорочного Укртреста остановить лучшие во всей федерации, но расположенные в Великороссии махорочные фабрики, под угрозой иначе выйти из всероссийского махорсиндиката и т. д., и т. п.

В течение нэповского двухлетия несомненно проявилась у некоторых вредная и опасная тенденция к *недооценке планового начала в государственном хозяйстве*, чрезмерное увлечение саморегулирующим влиянием стихийной игры сил на товарном рынке. Государственное хозяйство фактически не рассматривается этими элементами, как своего рода большой комбинат, работающий в товарном общении с окружающим его крестьянским и отчасти буржуазным хозяйством, но представляется в виде рассыпавшейся храмины, каждый кирпич которой является *самоцелью*. Он живет и должен жить в их глазах в состоянии не взаимодействия и взаимоподдержки, направляемых единой общей волей государства, но в состоянии конкуренции, взаимной враж-

дебной борьбы с другими такими же «кирпичами», со всеми ее вредными чертами, как утаиванье «технических секретов», стремление к «коммерческой тайне» даже по адресу профсоюзов и т. д., и т. п. Потому теперь пора особенно подчеркнуть необходимость планового начала, подчеркнуть самую задачу преодоления рынка (хотя и новыми способами, сравнительно с эпохой военного коммунизма) и недопустимость указанной выше «либерально-демократической» тенденции в организации советского хозяйства. Торжество этой тенденции означало бы, что применение рыночных методов государственным социалистическим хозяйством было бы подменено перерождением этого хозяйства в частно-товарное по своему типу.

Не могла бы служить достаточным противоядием такому перерождению формальная принадлежность пролетарскому государству всей этой массы отдельных автономных предприятий, конкурирующих и потому взаимно враждебных, руководящихся лишь сепаратными интересами и противопоставляющих эти интересы целому, строящих свое отношение и к государству в целом, и к своим рабочим в частности, по типу частных буржуазных предприятий. Хотя бы чистый доход предприятий при этом сдавался в известной части в казну, но самый тип хозяйства был бы при этом частно-капиталистическим, а не «государственно-капиталистическим» (т.-е. не организованно руководимым государственным хозяйством социалистического пролетариата, обладающего политической властью в стране с преобладанием мелко-буржуазного населения и некоторой наличностью хозяйства торгово-промышленной буржуазии). Дело не только в передаче в казну части чистого дохода (что является отчасти налоговым вопросом), а в самом типе хозяйства, распыленного, автономного в каждой частице или государственно-организованного, планового.

Если во главе предприятий такого «распыленного» типа будут стоять не капиталисты-собственники, а «капиталисты по назначению», то в самом экономическом типе хозяйства, как неорганизованного товарного общества, от этого разницы не будет, и никакого постепенного «преодоления нэпа» и роста движения к социализму от этого не воспоследует. Разница будет в политических отношениях. В странах с диктатурой буржуазии, буржуазное по типу хозяйство охраняется всей мощью этой классовой диктатуры, и для того, чтобы изменить его тип, надо там произвести сначала победоносную социаль-

ную революцию. Наоборот, в стране с диктатурой пролетариата, если бы и допустить, что подобные экономические тенденции, по неопытности и неразвитости самой этой диктатуры, могли бы одержать временно даже полную победу, что совершенно истреблено было бы плановое руководство государства юридически принадлежащими ему хозяйственными единицами и т. д.,—то здесь достаточно было бы простого накопления наблюдений над тем, что из этого выходит. Политическая воля пролетарской диктатуры прояснилась бы тогда под влиянием этих наблюдений и оформилась, и необходимые для движения к социализму изменения в типе хозяйства, поворот от стихийно-товарного к плановому,—были бы произведены без всяких политических потрясений. Иначе сказать, при непоколебленности самого факта политической диктатуры пролетариата подобные уклоны, даже если бы допустить их временное торжество, еще не решили бы дела и не оказались бы прочными. Это не меняет, конечно, ни их вредности экономической для развития пролетарского хозяйства в России, ни их вредности политической для незыблемости и сплоченности воли и настроений широких рабочих масс, лежащих в основе политической диктатуры их авангарда.

Для того, чтобы в обстановке самого нэпа закладывать камни движения к будущему,—стремление к ослаблению нашей подчиненности рынку надо дополнять стремлением к увеличению зависимости негосударственного рынка от организованной воли государства. Надо развивать такой охват госторговлей всей торговой смычки с деревенским и рабочим рынком, чтобы этим самым в конечном итоге подготовить организацию снабжения, как государственного распределения вместо торговли. Разумеется такое превращение экономически в наших условиях может быть подготовлено не мгновенным «запрещением» частной торговли, а фактическим вытеснением ее органически растущей госторговлей. Это не означает обязанности нашей ждать, пока «естественным путем» вымрет последний частный торговец, но означает необходимость не только простого предварительного создания собственного разветвленного, эластичного и гибкого торгово-распределительного аппарата, но и фактический охват им (вместе с подсобной ему «полугосударственной» потребительной кооперацией), скажем, 80% всего торгового оборота страны сверх оборота, происходящего внутри самого государственного хозяйства.

До этого еще далеко, но очередные задачи должны быть ясны, чтобы они могли служить регулятивными

идеями (направляющими вехами) в нашей практике. В этом отношении, для завоевания такого господства над торговлей, над рынком (а через него и над распыленным крестьянским и частным хозяйством) большую службу должны нам сослужить прежде всего продналог, рабочая кооперация и система государственных (и центросоюзовских) массовых заказов. Все это сводится к из'ятию для начала из области стихийного удовлетворения рынком всего рабочего потребления с сохранением, однако, рыночных методов его организации, но являющихся на деле уже лишь формой проведения в жизнь государственного планового снабжения. Система массовых заказов на предметы крестьянского потребления (коса, плуг, ситец и т. д.), вместе с укреплением и оживлением сети центросоюзовских крестьянских первичных кооперативов, приводит к распространению этого из'ятия из области стихийного удовлетворения рынком и известной, все более расширяющейся, части крестьянского потребления. Замена «стихийной», «неплановой», «неконтролируемой» власти рынка осуществляемой через рынок плановой властью государства является нашей задачей в этой области уже в период нэпа, т.-е. в переходный к социализму период господства рыночных методов ведения хозяйства, используемых пролетарской властью для плановой его организации в целях направления к органическому перерождению в социализм.

Продналог дает возможность из'ять из подчинения рынку снабжение рабочего населения основным видом продовольствия, которое государство распределяет между рабочими кооперативами, получая за то от них обратно (по установленной им цене) соответственную часть заработной платы. Авансирование, предоставление государственного кредита рабочей кооперации, делает возможным из'ять из области удовлетворения нерегулируемыми рыночными сделками потребление рабочими промышленных продуктов. Мы фактически еще едва в начале развития рабочей кооперации (слишком недавно денежные доходы рабочего поднялись до уровня, позволяющего ему сверх продовольственного развить и промышленное рыночно-торговое потребление). Уже в 1918 г. расходы на пищу составляли в петроградских рабочих бюджетах 71%, а московских 72%, и доля эта все поднималась. Перелом наступил лишь в половине 1922 года. В декабре 1922 года расход на пищу в уральских рабочих бюджетах составляет уже только 45% (все цифры

по ст. т. Л. Гинзбурга «Зарплата и раббюджет» в «Труде» ВЦСПС), а в февральских (1923 г.) московских бюджетах даже уже только 34%. И мы видим, что за октябрь—декабрь 1922 г. оборот рабочей кооперации составляет в среднем уже 33,7% всего оборота Центросоюза, в отдельные месяцы (ноябрь) поднимаясь до 45%, почти до половины.

Между тем, рабочее потребление составляет весьма заметную часть «вольного рынка» как продовольственного, так и промышленного, особенно последнего. Если взять хлеб и считать $1\frac{1}{2}$ фунта в день в среднем на душу, то при 5 милл. чел. рабочих и служащих (что дает от 12 до 14 миллионов чел. всего рабочего населения, с членами семей) на них придется свыше 150 милл. пудов в год. А по расчету т. Попова, по данным ЦСУ, сверх продналога, на рынок для удовлетворения всех городских потребностей поступает около 150 милл. пудов. Иметь в своих руках продналог, означает, таким образом, для государства господство более, чем над половиной всего городского хлебного рынка (ибо из поступлений продналога снабжаются еще больницы, армия, тюрьмы и т. д.). Конечно, сверх того на внутридеревенском рынке тоже переходит из рук в руки не менее 250 милл. пудов зерна в год, но все же в общегосударственном масштабе продналог дает крупное преобладание на хлебном рынке государству, как держателю очень большой массы товара в одних руках. Общая сумма продналога за 1922—23 гг. в переводе на ржаные единицы около 420 милл. пуд., из них хлебом в натуре около 300 милл. Фактически хлебный рынок подчинен политике государства, и от его тактики зависит в крупнейшей мере самое движение рыночных цен на хлеб. *Тем самым в руки государства дано могущественное орудие воздействия на распыленное крестьянское хозяйство*,—надо им только пользоваться. Если в каком-либо районе страны желательно вызвать передвижку внутри крестьянского хозяйства, например, в сторону производства технических культур, то широкая систематическая реализация государственного хлеба в этом районе, которая держит уровень цен его ниже уровня цен технических растений (льна и т. д.), способна оказать чувствительное давление извне на сельское хозяйство данной области в желательном направлении. И наоборот.

Еще крупнее роль рабочего потребления в той части *промышленной продукции*, какая вообще поступает для удовлетворения личной потребности частных лиц (в том числе и государственых рабочих и служащих) и потребностей частного хозяйства. Мы знаем, что из годовой

продукции государственной промышленности (примерно, на миллиард рублей довоенных по оптовым ценам) государство берет себе до 600 милл. (для транспорта, армии, промышленности и пр.). Из остающихся 400 милл. на потребление 5 милл. рабочих и служащих с членами их семей по рабочим бюджетам начала 1923 г. приходится около 130 милл. руб. (по оптовым ценам), т.-е. около одной трети. Организовать снабжение рабочих этими промышленными продуктами через рабочие кооперативы, при помощи предоставления им соответственного кредита, дело сравнительно легкое, как по компактности и определенности спроса, так и по полной обеспеченности его финансового покрытия (гарантия кредита ежемесячными отчислениями из зарплаты) и по культурно-организационной подготовленности среды. Организация этого дела практически началась только в самые последние месяцы, и уже можно отметить ряд крупных достижений.

Между тем, из'ятие таким путем промышленного рабочего потребления из подчинения удовлетворению отдельными «неурегулированными» рыночными сделками означает еще крупный шаг вперед в деле созидания «преодоления рынка», как системы господства неплановых отношений частно-товарного типа.

Для постепенного из'ятия деревни, крестьянского хозяйства из области господства частной торговли, необходимы система массовых заказов (государственно-центросоюзовских) и снабжаемая соответственными промышленными изделиями сеть первичных крестьянских кооперативов. По данным Центросоюза, в России и на Украине (без Закавказья, Туркестана и Дальневосточья) имелось «живых», т.-е. фактически действовавших кооперативных лавок («Экономическая Жизнь», 1-е марта):

На первое января 1922 г. 17.600
На первое января 1923 г. 29.370

Сверх того было 6.740 «мертвых лавок», фактически неторговавших. Предполагая даже, что все они оживут, будем иметь приблизительно по одной кооперативной лавке на каждые 10 деревень—на этом очень далеко, конечно, не уедешь. Но лавки расположены в наиболее крупных селениях и потому могли бы обслужить, вероятно, не менее трети жителей. К тому же, как показывают эти данные, наблюдается довольно быстрый рост числа «живых» лавок, и в дальнейшем, поскольку через них будет действительно двинута в деревню промышленная продукция, можно ожидать не меньшего роста. Во всяком случае есть с чего начать и в этой области.

Поддерживая Центросоюз кредитом, государство должно дать ему возможность давать государственной промышленности твердые массовые заказы на год вперед на мануфактуру, керосин, простые сел.-хоз. орудия, гвозди и поделочный металл, на стекло, соль, сахар и разную утварь, посуду, спички и т. д. Ограничивая ассортимент этих товаров кругом имеющих бесспорный прочный сбыт и сравнительно однородных по качеству, Центросоюз может гарантировать государству возврат кредита с безоговорочной несомненностью. В этом отношении кредит будет вполне «здоровым», оправдывающим себя не только экономически и политически, но и коммерчески, без всякого риска для Наркомфина, для падения курса рубля и пр. Вместе с тем эта постановка дела достигает трех целей:

а) она на деле вырывает значительную (и все растущую) часть крестьянства от «смычки» с частными торговцами и закрепляет их за Центросоюзом, всецело находящимся в руках государства и являющимся на деле государственным органом.

б) Она освобождает государственую промышленность в значительной мере от зависимости на рынке с б ы т а от частного торговца и от господства неурегулированных рыночных отношений вообще—и этим вводит фактически и эту часть промышленной продукции в систему государственного планового хозяйства, господствующего над рыночной стихией.

в) Она наполняет живым товарным потоком существующую кооперативную сеть и этим не только удешевляет ее накладные расходы до возможности успешно конкурировать с частными торговцами, но и предрешает легкость и быстроту ее дальнейшего расширения.

Наконец, что касается потребления нерабочего населения городов (примерно, половины населения и удвоенного против рабочих потребления промышленных продуктов), то здесь путь лежит через захват нашими синдикатами и трестами не только оптовой, но и крупно-посреднической и розничной городской торговли. Во главе торговой деятельности государственных промышленных предприятий вообще должны стоять их общерусские синдикаты, как наиболее целесообразная форма и в смысле коммерческой организации, и в смысле основных единиц, рычагов, приводных ремней для планового воздействия государства на рынок вообще.

К 1 марта 1923 г. синдикаты (причисляя к ним всероссийские тресты и металлическую конвенцию) об'единяли фактически почти всю крупную и среднюю государственную

промышленность, примерно, с миллионом рабочих. Однако, реализация ими продукции входящих в них трестов и предприятий, налаживалась лишь весьма постепенно. Легче дело шло, конечно, в тех отраслях, где на лицо имелись крупные, твердые ведомственные заказы (углесиндикат, нефтесиндикат), или наличность также и производственного об'единения (всеросс. сахаротрест). Система обязательных плановых договоров и государственных (центросоюзовских) массовых заказов должна послужить серьезным орудием для крупного сосредоточения реализации и такими синдикатами, как текстильный, которому по особенностям товара добиться такого сосредоточения было весьма трудно. Но стоило в практике текстильной промышленности появиться п л а н о в о м у договору,—в виде соглашения о принятии на себя синдикатом снабжения фабрик хлопком,—как доля реализации продукции через него, не составлявшая в 1922 году и 10% производства хлопч.-бум. промышленности, начинает подниматься по подсчету синдиката до 40%. Одновременно открывается постепенно сеть провинциальных отделений, т.-е. синдикат переходит от исключительно оптовой, всероссийского масштаба торговли в Москве—к крупно-посреднической торговле по всей России. Открыв в дальнейшем отделения, не только в областных, но и во всех губернских городах, войдя таким образом в связь с широкой розницей и с первичными кооперативами города и деревни—он сможет обеспечить входящим в него трестам такие условия сбыта, такое его постоянство и об'ем, какого не может достигнуть отдельный трест, лишенный возможности раскинуть свою торговую сеть по всей России. А это настолько явно увеличит притягательную силу синдиката для трестов, настолько понизит для них торговые издержки по продаже своих изделий (и потерю на цене), что уже теперь, в начале 1923 г., состоялось постановление всероссийского совещания текстильных трестов стремиться довести реализацию через синдикат до 100% продукции.

Этот путь надо считать нормальным для всех синдикатов, как бы на первых порах ни скромен был фактический размах деятельности некоторых из них. Сосредоточивая в своем торговом ведении почти всю продукцию своей отрасли промышленности, они должны будут реализовать (продавать ее) следующими основными путями:

а) Поставка для государственных нужд по предварительным твердым заказам госорганов—мы знаем, что так реализуется в среднем половина всей продукции государственной промышленности (плановые договоры).

б) Реализация через рабочую кооперацию.

в) Массовые заказы Центросоюза для деревни при помощи верно оборачивающегося коммерческого государственного кредита.

г) Организация государственной розничной торговли для снабжения обывателя городских центров.

Разумеется, бессмысленно было бы каждому отдельному синдикату повсеместно открывать свои розничные лавки для какого-нибудь одного вида товаров. Это было бы и слишком дорого в смысле накладных расходов и не всегда удобно в смысле сезонности некоторых товаров. Здесь предстоит, повидимому, осуществление мысли, насколько мне известно, впервые выдвинутой в печати в 1919 г. одним из тогдашних руководителей Главчая тов. М. О. Зайдлером. Она заключается в соглашении между несколькими синдикатами (в то время Главками) для открытия «комбинированных» магазинов, например, соединяются для этого вместе чай, сахар, соль, спички, табак, бумага. Тогда это вполне здоровое предложение разбилось о противодействие высших органов (невозможность преодолеть ведомственную монополию Компрода и т. д.). Но теперь условия изменились, и жизнь пойдет, конечно, по пути охвата государством и розничной торговли в городах. Уже сейчас один трест за другим, соблазненные большой разницей между оптовыми и розничными ценами и явной выгодностью розничной торговли, открывают свои лавки и находят в них крупное подспорье. Правда, официальная линия ВСНХ, насколько возможно ее вообще нащупать, недавно была еще против выхода трестов за рамки оптовой торговли (что можно понять, как неправильно направленную реакцию против чрезмерного увлечения непосредственным «разбазариванием» в эпоху нэповской весны). Но вот, примерной оценке 1-го Льноправления, устанавливающего в своих розничных магазинах цены всего на 25% выше оптовых фабричных (прибавка много меньше средней, вообще господствующей на рынке), из этих 25% все его издержки на ведение розничной торговли покрываются 5%, а 20% остаются в качестве дохода. Такой опыт решает. Даже универмаг Мосторга (быв. Мюр и Мерилиз) дал за 1922 г. по отношению к валовому обороту 20% чистого дохода («Эк. Ж.» от 9-го марта).

Для снабжения частного городского обывателя (не рабочего) промышленными продуктами выбор приходится делать именно между государственной и частной розничной лавкой. В кооперативы эта часть городского населения, обы-

чно, не организована (а поскольку формально, на всякий случай, в них числится, не через них удовлетворяет свои потребности в промышленных изделиях). Да кооперативная ее организация нежелательна и политически.

Ведь, эта половина городского населения как раз и является той буржуазией (и поддерживающими ее мелко-буржуазными слоями), которая является определенным нашим политическим врагом и соперником за влияние на деревню. Поэтому, надо считать излишним все, что уничтожает распыленность этих слоев населения, что дает им ту или иную легальную зацепку из людской пыли превратиться в организованную общественную силу, Поэтому, надо вместе с петроградским советом считать подлежащим отмене право нэпмановских элементов, пользуясь своим большинством, организовывать буржуазные правления жилтовариществ, держащие в черном теле рабочих жильцов. Поэтому надо считать излишними демократически избираемые самоуправляющиеся «комитеты рыночных торговцев». Штрафовать за грязь и фальсификацию с успехом мог бы один советский комиссар над рынком и учреждать «рыночный орган самоуправления», хотя весьма либерально, но ненужно. Поэтому надо, наконец, считать непринадлежащим городской буржуазии и право организовываться или вступать и в потребительские кооперативы — пусть принуждены будут покупать в советских лавках или в частных. А поскольку синдикаты, обзаведясь своими или «комбинированными» розничными магазинами в губернских и уездных городах, перестанут вовсе продавать частным торговцам свой товар для розничной реализации в этих городах,—буржуазный обыватель принужден будет волей-неволей итти покупать именно в советскую лавку.

Конечно, в жизни не делается все так просто и сразу, но мы хотим наметить здесь лишь основные тенденции в области организации рынка, подлежащие осуществлению в педиод нэпа. Что у нас имеются также достаточные вспомогательные средства для содействия развитию именно в эту сторону—можно не сомневаться. Следует только ясно наметить себе пути движения. Напомним, например, о налогах и аренде. В интересах правильного развития нэпа в желательную для нас сторону торговой деятельности госорганов и признанных нами в качестве подсобных кооперативов, должны быть обеспечены налоговые и арендные преимущества. Если они составят даже 25 или 30% от высоты ставки, уплачиваемой частными торговцами, то потеря этих 25% Наркомфином или горсоветом более, чем окупится

общим выигрышем (в конечном счете, и налоговым) от преимущественного развития именно государственной, а не частной торговли.

Из наличия нэпа, как системы регулирования хозяйства рыночными методами, еще никоим образом не вытекает необходимость ставки на широкое развитие частной торговли, в том числе и розничной, и особенно в области «смычки» с рабочим потреблением и с деревней, а равно в области снабжения промышленности и транспорта изделиями государственных же предприятий. Мы старались показать здесь, совокупность каких экономических мероприятий не в отдаленные времена, а уже, начиная с нынешнего же времени, возможно вытеснять частный капитал из области торговли и ослаблять вообще власть над государственным хозяйством стихии рынка, пользуясь формально рыночными же методами.

Это «преодоление рынка» означает в конечном итоге в весьма большой степени упразднение вовсе частного вольного рынка и замену его государственным снабжением, но с рыночными методами учета, расчета и предоставления продукта потребителю. Разумеется, здесь речь идет об основном товарно-продуктовом потоке, а не о мелочах вроде продажи веников для подметания, живых цветов, картин, или модных корсетов. Страшные «карточки» и «ордера» не будут нужны, поскольку плановое государственное снабжение населения и хозяйства будет осуществляться в оболочке применения гибких рыночных методов, а не путем неуклюжего административного распределения «по пайкам и нарядам» на традиционно старо-русский чиновничьи-казарменный образец.

Нэп в его ныне господствующей форме—есть нэп «неблагоустроенный», так сказать, первый черновой набросок. Если не вечен даже и сам нэп, то уж совсем недолговечны его нынешние «черновые» формы. На наших глазах в самой жизни усиливаются тенденции, ведущие к организованному утверждению в нем самом государственного планового хозяйства и через него к социализму.

Нынешние формы нэпа, с широким участием частного капитала в организации хозяйственной жизни страны путем захвата торговой «смычки», отнюдь не долговечны. «Всерьез и надолго» только применение рыночных методов регулирования наших взаимоотношений с крестьянством и применение товарно-рыночных форм внутри государственного хозяйства. Но никоим образом не наличная роль буржуазных элементов и не тенденция к растворению государственного планового хозяйства в ры-

ночной стихии на разрозненные, изменившие самый экономический тип свой, части. И если даже не всегда у всех в нашей среде имеются ясные представления о намечающихся и необходимых дальнейших путях развития его в сторону к социализму — нас гонит все-же в эту сторону общее соотношение политических сил в современной России (хотя ясное представление, разумеется, не только не мешало бы, а много бы помогло).

Атмосфера рабочей диктатуры разлита в нашей стране. Мы писали постановления о почитании спецов «зеницами ока», мы уславливались считать, что профсоюзы «не имеют отношения» к управлению предприятием, мы шумно насаждали «гарантирующий приложение частного капитала правопорядок» (даже ВЧК превратили в ГПУ)—и на днях у меня было два посетителя. Председатель одного губпрофсовета, на вопрос, «сколько процентов среди директоров предприятий вашей губернии составляют рабочие», обстоятельно ответил: «на предприятиях, подчиненных губпрофсовету, мы провели почти все 100% рабочих, а о предприятиях, подчиненных центру, у меня точных сведений нет». По всем законам, собственно не существует предприятий, «подчиненных губпрофсовету». Но он, рабочий этой губернии, член губкома, председатель губпрофсовета, и делая не официальный доклад, а просто разговаривая, он и говорит «по неписаной конституции». А когда вы обращаете его внимание на обмолвку, он приятно ухмыляется во всю ширину. Для «высшей политики», надо понимать его усмешку, мы проголосуем все, что надо, но какая цена «зеницам ока», и у кого в руках остаются вожжи, про то все мы знаем превосходно без всяких разговоров.

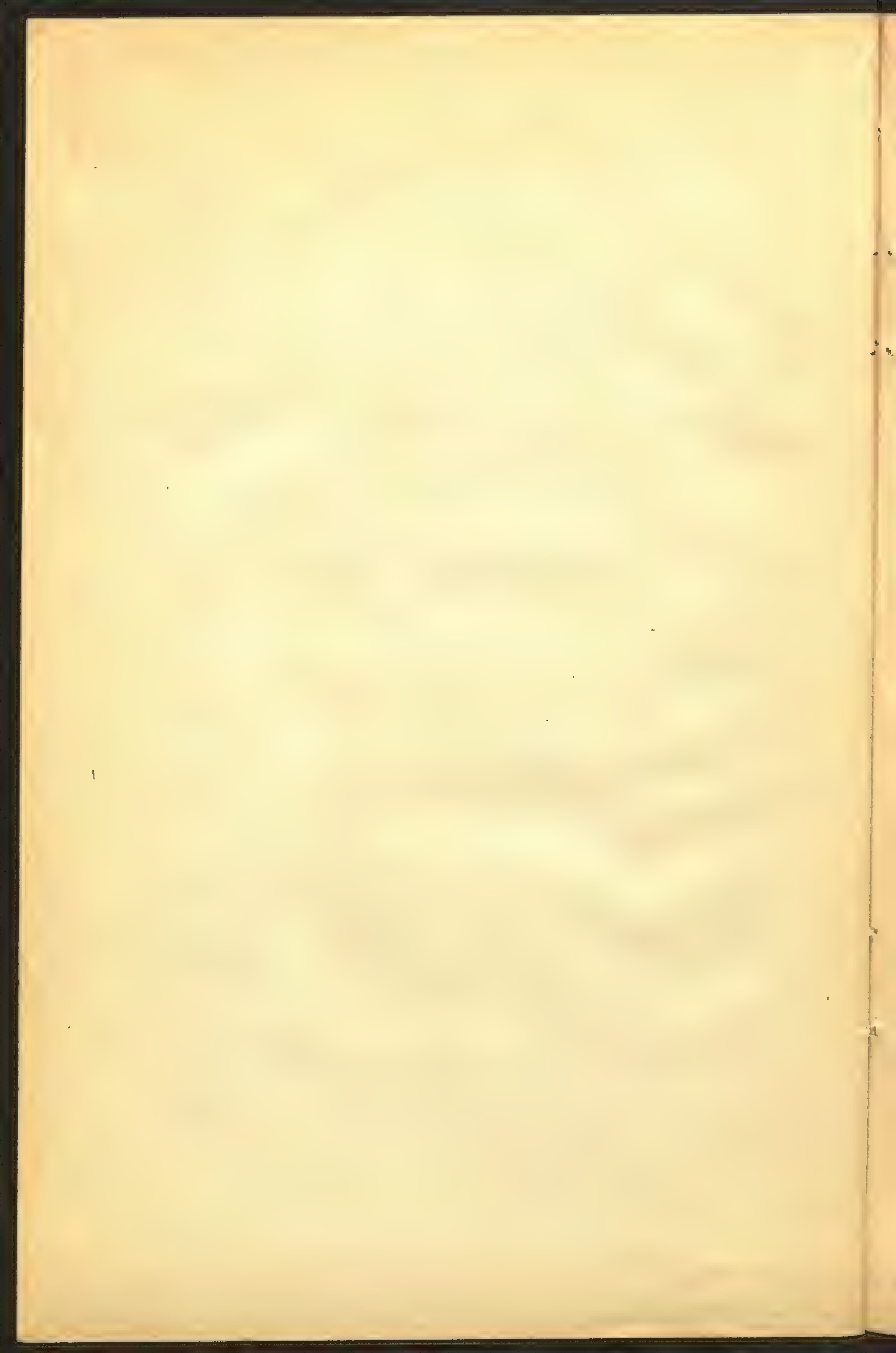
Другой товарищ — из Ростова-на-Дону. Оказывается, они по «нэпу» перешли на снабжение города хлебом частными булочными. Владельцы пекарен, «вложив частный капитал», пожелали с течением времени покруче использовать кон'юнктуру (положение рынка) и взвинтили цены. Им предложили понизить, но, ссылаясь на условия рынка и свои интересы, они отказались.—«Что же у вас сделали?»—«А у нас реквизировали все булочные».—«А потом что?»—«Отдали все булочные кооперативам, помогли им, и они организовали выпечку».—«Что же владельцы сделали?»—«А владельцев посадили в тюрьму за сговор с целью повышения цен на хлеб».

И просто, и законно (§ 1 нашего Гражданского кодекса, как известно, провозглашает, что государство охраняет вся-

кое частно-правовое отношение, поскольку это не противоречит его социальному назначению), и дело улажено, и все довольны.

Атмосфера рабочей диктатуры разлита в стране. В этом отношении «неписаная конституция» (которая всегда важнее) совершенно согласна с конституцией писаной. И в этом первый залог, что развитие нэпа пойдет к социализму, а не от социализма. Каковы бы ни были отдельные безобразия, уродства, извращения или глупости,—опирающееся на жизненный опыт здоровое чутье рабочего класса и его партии захотят и сумеют их понять, победить, устранить и двинуться вперед—всерьез и навсегда.

II. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ



Основным вопросом организации промышленности является организация труда (техническое оборудование не может быть быстро нами широко преобразовано и значительно увеличено, к тому же пока не используются полностью и наличные технические рессурсы страны).

При данных сырьевых, финансовых, и технических рессурсах и при данной организации производства (о чем ниже) результаты зависят от степени поднятия производительности труда, его качества и напряженности.

После войны перед страной стоял вопрос: стремиться к поднятию качества и напряженности труда путем добровольной его организации, путем заинтересовывания рабочих повышением заработной платы, повышением реального уровня жизни (ставшим возможным благодаря окончанию войны),—или итти путем принудительного воздействия, путем попыток организации труда без постепенного повышения уровня жизни пролетариата.

Находящееся в руках рабочих государство выбрало, разумеется, первый путь, как только окончание войны дало возможность увеличить долю «национального дохода», предоставляемую для непосредственного потребления рабочего населения (напр., увеличение хлебного снабжения рабочих из продналога вследствие уменьшения армии и т. д.). Потому 1921 и 1922 г.г. были временем постепенного заметного роста заработной платы.

Некоторое время процесс этот не вызывал никаких сомнений или возражений со стороны других общественных сил (крестьянства), ибо слишком тяжелое положение рабочих было более, чем очевидно. Реальная заработная плата составляла в 1920 г. едва треть довоенной, и продукты промышленности отдавались за бесценок в обмен на крестьянское продовольствие вопреки соотношению, какое было бы нормальным при наличности промышленного производства, упавшего гораздо ниже сельско-хозяйственного.

Получение крестьянами за бесценок промышленных изделий служило одной из

главных причин чрезвычайно низкого реального дохода промышленных рабочих.

Постепенно, по мере изживания в городе голода, по мере некоторого улучшения положения рабочих, созданная полуголодной обстановкой города ненормальность стала исчезать. Продовольственная крайность для некрестьянского населения прошла, и соотношение цен между промышленными и сельско-хозяйственными продуктами стало стремиться притти в соответствие с фактом большего фактического производственного вздорожания промышленных изделий сравнительно с продовольственными. Этот процесс приспособления цен к фактическим производственным отношениям в стране, — сам по себе вполне нормальный и даже неизбежный после изживания голода в городах, — поставил вновь на очередь вопрос о методах повышения производительности труда: дальнейшим ростом заинтересованности рабочих в результате (политика удержания и постепенного повышения реального уровня заработка) или признанием неизбежности для рабочих отдавать больше рабочей силы при понижающейся реальной плате (для удешевления продажных цен промышленных изделий).

Отчасти непосредственное давление крестьянского неудовольствия на «дороговизну» (выражаемое как крестьянскими кооперативами, так и имеющими дело с крестьянами торговыми организациями и частными торговцами), отчасти переоценка приученными опытом к осторожности городскими наблюдателями этого неудовольствия, не имевшего в себе ничего грозного (как по естественности, так и по размерам самого повода), отчасти сознательное (по прозрачным политическим причинам) раздувание, муссирование этого недовольства всеми нэпмановскими и тяготеющими к ним элементами (буржуазная интеллигенция)—все это придавало вопросу определенную окраску тенденции к изменению в пользу деревни сложившихся уже междуклассовых отношений, к перераспределению национального дохода, вопреки складывающейся экономике, — было агитацией за попытку вызвать к жизни искусственное государственное вмешательство в определенную сторону.

Но ни интересы развития всего народного хозяйства в целом, ни конкретная суть дела, ни длительные действительные интересы самого крестьянства не могли бы оправдать подобный поворот—все они ему противоречат. Между тем, тяготение к нему с неизбежностью должно было вызвать у уклонившихся в его сторону стремление возможно

большую часть государственной промышленности «свернуть» и передать тем или иным путем в частные руки. Ибо, очевидно, что если советскому государству легко и политически удобно организовывать труд и повышение его производительности на основе повышения реального заработка,—то решать эту задачу на основе понижения уровня жизни и одновременного усиленного использования рабочей силы ему не подходит, и такое дело лучше предоставить частным предпринимателям. А самим ограничиться выигрышной ролью помощи рабочим против чрезмерной эксплоатации их капиталистами. На такой почве легко находят отклик у «колебнувшихся» в эту сторону элементов такие мысли, как допущение обеспечения долгов промышленных предприятий продажей с торгов самих этих предприятий (открытие дверей для хаотической денационализации) или тенденция использовать периодические пересмотры государственного хозяйства для более значительного сокращения об'ема его, чем какое фактически неизбежно (напр., много упоминавшееся в печати в конце 1922 г. предложение о закрытии свыше 15 тыс. верст государственных железных дорог по невозможности сохранить их в государственном хозяйстве,—однако, сохранились и действуют).

Таким образом, та или иная постановка вопроса о заработной плате связывается в конце концов с определенным отношением к организации промышленности и транспорта, к судьбе проведенной нами их национализации.

Первая часть вопроса о заработной плате в нынешней его постановке заключается, таким образом, в освещении соотношения между заработной платой и рыночными условиями сбыта изделий промышленности. Не является ли доля заработной платы слишком высокой в продажной цене изделий промышленности? Не является ли для промышленности нынешний размер заработной платы непереносимым ни абсолютно, ни относительно (как это было формулировано, напр., одним из крупных хозяйственников, директором Льнотреста Нольдэ)? Не является ли необходимым его понизить для того, чтобы можно было изделия промышленности продавать дешевле крестьянам и таким образом достигнуть увеличения сбыта и более прочного положения промышленности? Для ответа на эти вопросы, во избежание споров о цифрах, я прибегаю к коварному способу пользоваться данными самих трестов, официально опубликованным в качестве отчета, представленного ВСНХ деся-

тому С'езду Советов, и другими указанными ниже материалами столь же официального характера.

Прежде всего, вопрос об общей сумме заработной платы, какая выплачивается в России промышленностью, по сравнению с общим размером продукции. Перед началом войны у нас было около четырех милл. рабочих в промышленности, а именно 3.200 тыс. фабрично-заводских и горных, 600 тыс. ремесленных и 200 тыс. строительных. Это в 1914 году. Сколько имеется в настоящее время? По отчетам статистики труда ВЦСПС, на первое июля 1922 г. во всех промышленных союзах, включая союз строителей, было 1.860 тыс. членов, т.-е. 46% того количества промышленных рабочих, какое было в России перед войной (всего в союзах организовано 5 милл. чел.). Наши промышленные профсозы охватили почти всех рабочих. Тов. Томский в одном из докладов указывал, что они охватили свыше 90% всего пролетариата, почти 96%. Кроме того, с первого июля 1922 г. до настоящего времени число рабочих несколько уменьшилось вследствие сокращения штатов, так что если небольшое количество их даже оставалось неорганизованными, то этот недоучет можно смело считать покрытым сокращением штатов. Таким образом, общее количество промышленных рабочих в России как на фабриках, заводах и горных промыслах, так и в ремесленных заведениях и в строительном деле составляет теперь несколько менее половины довоенного количества, около 46%.

Между прочим, отчасти потому, что так велик промышленный резерв (незанятых сейчас в промышленности), отчасти именно поэтому не так грозно то явление, которое известно у нас под именем уменьшения % подростков в составе промышленных рабочих. Ибо у нас кадры развивающейся промышленности могут пополняться не только подростающими силами новых квалифицированных рабочих, но и извлечением из остальной массы населения тех рабочих, которые перешли на другие занятия (часть, разумеется, просто погибла). Процент подростков на первое января 1922 г. был 5,2%, на 1 апреля уже 3,6%, на 1 июля только 3,3%. Следовательно, подростки составляли такую ничтожную величину в общем количестве промышленных рабочих, что можно считаться при изучении вопроса о заработной плате только с заработной платой обычного среднего взрослого рабочего, отвлекаясь от этих подростков. Правда, после выработанного мною закона об обязательном минимуме («бронировке») количества подростков, утвержденного 2-го мая 1922 г. президиумом ВЦИК, количество их стало

медленно увеличиваться, но пока увеличилось незначительно, так что это можно не принимать во внимание.

Итак, в общем количество рабочих в промышленности составляет примерно половину того, что было в мирное время. Теперь, какова общая сумма зарплаты, уплачиваемая всей промышленностью? Здесь мы имеем для промышленности за июль—сентябрь 1922 г. отчет статистики ВЦСПС, который охватывает по 22 губерниям 322 тыс. раб., при чем на одно предприятие в среднем приходится 900 чел. Это сведения о промышленности, главным образом, крупной и в значительной степени столичной, где положение рабочего лучше. Поэтому действительное состояние зарплаты, вероятно, несколько хуже, чем то, которое рисуется в этих цифрах—не менее, чем на десятую часть. По этим цифрам, заработная плата в процентах к довоенной плате 1913 г. в среднем по всей России составляла в июле 36,2%, в августе 40,5%, в сентябре 41,1%, в октябре 38,2%. Это, разумеется, средняя по России величина, при чем в столицах она была значительно выше общерусской (в октябре в Москве 57,4%, в Петрограде—42,6%). Что произошло в следующие месяцы? За ноябрь—январь нет еще опубликованной общерусской сводки, но есть данные о коллективных договорах, охватывающих около 350.000 рабочих в месяц (см. Л. Гинзбург, «Некоторые выводы» в «Труде» от 4 марта). Если взять первый разряд, то для ноября получим 44,4%, для декабря 45,8% и для января 47.7% по России в среднем. Если взять шестой разряд, то январьский размер окажется равным даже 53%. Средней общей сводки, повторяю, еще нет, но, очевидно, она лежит посередине, т.-е. около 50% за январь. Выше указано, почему эту цифру надо считать преувеличенной, по крайней мере, на десятую часть, а среднюю заработную плату по России в январе 1923 г. надо принять потому около 45% довоенного уровня. Можно считать, что на февраль и март этот уровень не двинулся сколько-нибудь значительно вверх—между прочим потому, что многие союзы заключали договоры в товарных рублях сразу на целый квартал (январь—март). Да и были отдельные снижения.

Обычно наши хозяйственники указывают на то, что нужно считать не только заработную плату, но и прочие расходы, падающие на рабочую силу, т.-е. на обслуживание нужд рабочих, помимо заработной платы, а именно расходы на социальное страхование, на культурные и лечебные учреждения и на содержание фабзавкомов. По отчету НКСО за май—ноябрь 1922 г., фактически сделанные предприятиями страховые взносы составляли только треть того, что следовало по закону, т.-е. в среднем 7% к заработ-

ной плате (следовало от 14 до 27%, смотря по предприятию). Культ-отчисления, по сводке ВЦСПС (т. Гинзбурга), составляют в среднем 4% от зараб. платы (по коллект. договорам). Наконец, по закону полагается еще 2% на фабзавкомы и очень небольшая в среднем величина на спец-одежду и спец-питание, а всего около 15%. Значит, весь расход на рабочую силу, считая все эти добавочные расходы, составляет около 52% довоенной платы. Но хозяева расходовали в пользу рабочих на социальное страхование, на ясли и т. п. и до войны около 5% к заработной плате. Следовательно, предприятие до войны всего платило 105%, а теперь промышленность расходует на это 52%, т.-е. примерно ровно половину всех расходов на рабочую силу, производившихся предпринимателями до войны из расчета на одного рабочего.

Теперь мы имеем такой результат. Общее количество рабочих в промышленности сейчас меньше половины довоенного количества. Средний уровень всех расходов на каждого из них около половины довоенного расхода на рабочую силу. Половина на половину дает одну четверть, т.-е. вся сумма зарплаты, выплачиваемая теперь промышленностью рабочим, плюс все фактически производимые добавочные расходы на страхование, культуру и фабзавкомы, составляют теперь лишь четверть расхода, который промышленность производила на рабочую силу перед войной, лишь 25%.

В каком это находится соответствии с продукцией? На счет суммы нынешнего производства в реальных довоенных рублях имеются материалы, во-первых, ВСНХ, во-вторых, ЦСУ и в-третьих, комиссии Совета Обороны по подготовке отчета к С'езду Советов. По всем этим отчетам продукция промышленности в текущем хозяйственном году равна в среднем около 25% довоенной продукции. Таким образом, вся абсолютная сумма расходов на заработную плату, на страхование и на все добавочные расходы вместе составляют около ¼ довоенной величины, и вся величина продукции в промышленности по реальным довоенным ценам также составляет около ¼ довоенной величины. Получается полное совпадение, если считать даже всю совокупность расходов на рабочую силу. А сама заработная плата, поскольку не считать страховых взносов, культурных отчислений и содержания фабзавкомов и др. добавочных расходов (т.-е. то, что действительно получает сам рабочий), составляет даже меньшую долю в продукции, чем до войны [1]).

[1]) По существу расход на лечение, школы, содержание фабзавкомов и т. п. вовсе не является расходом на рабочую силу, а особым налогом, который государство возложило на промышленность для выполнения за ее счет некоторых государственных функций.

Это заключение, этот вывод, который приходится сделать в общем по всей промышленности, наглядно подтверждается тем сравнением, которое легко может сделать каждый. Именно, в каждой отрасли промышленности оптовая фабричная продажная цена изделий возросла в гораздо большее количество раз, чем возросла величина заработной платы. Если бы оказалось, что отпускная цена продукта, по которой фабрика продает его, возросла в 20 милл. раз, а величина заработной платы только в 10 милл. раз, то всякому будет ясно, что, каковы бы ни были рыночные затруднения промышленности, они проистекают не из преувеличенного размера заработной платы, ибо на заработной плате предприятие, наоборот, наживает. Если бы это подтвердилось фактическим сопоставлением, то этим было бы доказано, что не только в абсолютном размере по всей промышленности доля заработной платы в продукции даже меньше, чем она была в мирное время, но и были бы опровергнуты всякие попытки приписать дороговизну изделий непомерному относительному росту расхода на рабочую силу. И вот здесь можно сделать такое сопоставление: сравнение средних оптовых цен по России на 11-е декабря (по индексу Госплана) с ростом заработной платы за ноябрь. Дело в том, что за ноябрь платится заработная плата обычно в начале декабря, поэтому оптовые цены я беру на 11 декабря [1]).

Заработная плата в металлической промышленности возросла в 5 милл. 200 тыс. раз против довоенной, а цены металлов в 10 милл. 300 тыс. раз против довоенных, т.-е. в два раза быстрее заработной платы. По данным ВСНХ об оптовых ценах за несколько месяцев перед тем, оказывается, что в сентябре 1922 г. заработная плата металлистов возросла в два миллиона сто тысяч раз против довоенной, а сред-

---

[1]) За ноябрь мы имеем последние разработанные детально данные о зарплате. В последующие месяцы, декабрь и январь,—реальные размеры зарплаты, как мы видели, существенно не изменились, а реальные цены промышленных изделий продолжали расти, так что соотношение изменилось еще больше не в пользу зарплаты. По оптовому индексу Госплана, все промышленные товары в среднем в товарных (довоенных) рублях стоили больше, чем в 1913 г.:

на 11 декабря 1922 г. . . . . на 20%
„ 1 января 1923 г. . . . . „ 24%
„ 1 февраля 1923 г. . . . . „ 31%
„ 1 марта 1923 г. . . . . „ 34%

няя цена металлов на 1 октября в 5.800 тыс. раз, т.-е. цена товара возросла более, чем в два раза, больше, чем рост заработной платы.

Следующая отрасль промышленности — текстильная. Здесь к началу декабря заработная плата возросла в 5.800 тыс. раз, цена товара в 22.600 тыс. раз, т.-е. здесь мы имеем уже отношение даже одного к четырем. Если в металлической промышленности продажная оптовая цена товара возросла только в два раза больше, чем заработная плата, то в текстильной промышленности в целых четыре раза. В этом отношении текстильная промышленность осталась такой, какой она была и до войны, т.-е. характеризуемой положением рабочих в отношении их доли к продукции гораздо худшим, чем в других отраслях промышленности, что не мешает абсолютно получать—иногда больше других. Это не есть временное явление, только декабрьское и в текстильной промышленности, это наблюдается и в предыдущие месяцы. В октябре заработная плата возросла у текстилей в 2.400 тыс. раз против довоенной, а цена товаров возросла в 8 милл. 400 тыс. раз, т.-е. то же примерно соотношение 1 к 4.

В химической промышленности в начале декабря заработная плата возросла в 9.100 тыс. раз, цена товара в 10.200 тыс. раз. В пищевой промышленности заработная плата возросла в 9.400 тыс. раз, а цена товаров в 21.800 тыс. раз, соотношение также одного к двум. В кожевенной промышленности заработная плата возросла к декабрю в 7.600 тыс. раз, а цена товаров в 13.700 тыс. раз, соотношение тоже одного к двум. У печатников заработная плата в 16 милл., а цены в 37 милл. раз.

Таким образом, по всем крупным отраслям промышленности, цены на их изделия выросли гораздо больше, обычно в два раза, чем выросла заработная плата, а в некоторых отраслях промышленности, например, в текстильной, даже в 4 раза больше. Так как о воображаемой чрезмерной заработной плате вопрос был поднят, между прочим, представителями льняной промышленности, то я особо заинтересовался, конечно, ценами на льняные изделия и получил в конце февраля такую справку от директора льноправления А. А. Польдэ: заработная плата возросла в 23 милл. раз, а продажные цены в 30 милл. раз против довоенного, т.-е. в льняной промышленности тоже перевес в пользу фабрики, хотя и не такой большой, как в текстильной промышленности вообще.

Следовательно, можно считать совершенно доказанными две вещи: во-первых, что общая масса заработной платы,

которую в настоящее время платит промышленность, даже прибавляя все добавочные расходы (страховые и пр.), не больше той, какую она платила до войны на такую же часть своей продукции. Здесь речь идет о всей сумме заработной платы всех рабочих, взятых вместе, а не о заработной плате отдельного рабочего. Если бы мы говорили только о том, что заработная плата отдельного рабочего сравнительно не велика, тогда бы хозяйственники могли сказать, что хотя заработная плата отдельного рабочего не велика, но теперь требуется так много рабочих для осуществления производства, что в общем заработная плата ложится большей тяжестью на продукцию, чем до войны. Поэтому я начал с того, что взял всю совокупность промышленных рабочих, средний уровень их заработной платы и всю ее сумму. Между прочим, по подсчету, сделанному тов. Струмилиным, по данным Госплана, заработная плата к продукции в среднем по всей государственной промышленности за 1922 г. составляла 9,2%. Если накинуть 15% на добавочные расходы (страхование и пр.), то будем иметь менее 11%. Между тем в 1908 г. одна только заработная плата (без страхования и пр.) составляла 13,7% продукции, т.-е. больше (по переписи 1908 г. для фабрично-заводской, горной и военной промышленности вместе).

Второе, что можно считать установленным, это то, что продажные цены на изделия промышленности росли раньше, и растут теперь, быстрее и выше роста заработной платы. Следовательно, рыночные затруднения возникают не из-за заработной платы, наоборот, на заработной плате промышленность наживается, а возникают из-за других причин.

К этому присоединяется еще третий момент, который заключается вот в чем. Мы видели, что вся сумма заработной платы составляет только четверть того, что промышленность платила до войны, мы видели также, что продукция промышленности составляет только четверть того, что она составляла до войны. Но реальная цена этой продукции, выраженная в довоенных товарных рублях, теперь возросла. Хотя у нас производится четверть того количества промышленных продуктов, которые Россия производила до войны, но по нынешней их реальной цене в товарных рублях это составляет больше четверти, ибо то же самое количество каких-нибудь промышленных продуктов, которое до войны стоило один довоенный товарный рубль, теперь стоит не один рубль, а несколько больше, при чем это увеличение на 1-е марта (на последнее число, на которое есть индекс Госплана) составляло 34%. Это означает, что реальная цена

той четверти продукции, которую промышленность теперь создает, в довоенных товарных рублях, составляет не четверть, а свыше 30% цены довоенной продукции, если считать в довоенных (товарных) рублях по нынешним ценам, а не по довоенным. Реальная цена всей массы заработной платы, как мы видели, понизилась, потому что четверть суммы всей довоенной заработной платы составляет—сумма нынешней заработной платы плюс добавочные расходы на страхование, на культурные нужды, на фабзавкомы. А сумма одной заработной платы составляет, следовательно, несколько меньше, примерно 21—22% довоенной суммы на ту же продукцию (25%). Наоборот, реальная цена продукции, выраженная в довоенных товарных рублях, повысилась, ибо хотя продукция составляет только 25% довоенной, но стоит по теперешним ценам свыше 30% довоенной суммы всей продукции. Реальная цена заработной платы понизилась, а если считать и добавочные расходы, то во всяком случае не увеличилась, а реальная цена продукции повысилась, хотя и то и другое составляет только по четверти довоенной суммы, если считать не по нынешним реальным ценам, а по тем, которые были до войны. Но мы существуем теперь, и ясно, что заработная плата теперь должна составлять не большую и не равную часть продукции, а скорее меньшую, чем она составляла до войны.

Пользуясь сведениями ВСНХ, опубликованными в отчете его к С'езду Советов, легко установить, что как раз меньше всего доля заработной платы в продукции тех отраслей, которые производят товары, идущие на крестьянский рынок. Наоборот, выше доля заработной платы в продукции тех отраслей, которые работают на государство, а не на крестьянский рынок. В продукции, предназначенной для широкого потребления и в частности для крестьянского рынка, доля заработной платы так велика, что если бы существующую заработную плату сократили даже на 25%, то это дало бы ничтожную разницу в цене для потребителя.

Сельско-хозяйственное машиностроение в 1921—1922 хозяйственном году на одного рабочего, по подсчету ВСНХ, дало выработки в год 566 довоенных рублей. Заработная плата в этом хозяйственном году с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. была в среднем 8 руб. в месяц, т.-е. 96 руб. в год, что составляет 17% продукции. А по переписи русской фабрично-заводской и горной промышленности, произведенной до войны старым царским министерством торговли и промышленности в 1908 г., заработная плата в

производстве сельско-хозяйственных машин в России составляла тогда 21,8% продукции. Следовательно, до войны она составляла почти 22%, теперь она составляет в сельскохозяйственном машиностроении только 17¼, т.-е. уменьшилась [1]). В махорочной промышленности на первое октября 1922 г., по подсчету ВСНХ, зарплата, страхование, культурные расходы, учебные и лечебные учреждения, все вместе составляло 12% продукции. Налоги и сборы налогового характера составляли 12½%, и все остальное—75%. Если не считать эти культурные, лечебные, учебные и т. п. расходы, а взять только одну заработную плату, то она составит около 10%. По той же переписи 1908 г., в табачной промышленности расходы на заработную плату составляли 12,7%, т.-е. тоже больше, чем составляют сейчас.

Теперь возьмем соль, тоже предмет широко потребляемый крестьянством. В Московском районе потребляется, главным образом, соль баскунчакская, привозимая из Астраханской губернии. Баскунчакская соль (согласно отчету соляного треста) дает такие результаты распределения продажной оптовой цены на московском рынке на составные части: расходы на заработную плату 6,5%, акциз 19% и все остальное 74,5% (это значит—транспорт и прочие производственные расходы, склады и т. д.). Если заработную плату уменьшить даже на целых 20 или 30%, то в оптовой, а тем более в розничной цене, это не будет иметь никакого значения, особенно когда соль попадет из Москвы в деревню.

Дальше возьмем сахарную промышленность. По отчету сахаротреста, здесь заработная плата составляет 6% продукции. До войны она была 5% по переписи 1908 г. Затем идет резина. По отчету резинотреста, заработная плата составляет 6,8%, а до войны, по переписи 1908 г., равнялась 6% (по сборнику комиссии СТО «На новых путях»). Затем хлопчато-бумажная промышленность. Здесь произведен подробный подсчет крупным трестом, заслуживающим название треста даже не только по русской мерке—это Иваново-Вознесенский трест, который обнимает 55 предприятий. Там результат таков, что заработная плата

---

[1]) По подсчету Ц. К. металлистов, на основании официальных отчетов Главметалла ВСНХ, по всей металлопромышленности в целом в первые 9 месяцев 1922 г. заработная плата на всех действующих предприятиях составила в среднем только 12,2% продукции. Между тем, по упомянутой выше переписи царского правительства в 1908 г., она составляла в металлопромышленности в среднем 22,7%, т. е. теперь очень существенно понизилась сравнительно с довоенным временем.

составляет в настоящее время 6,3%. Здесь берутся оптовые фабричные цены, как и в резиновой, сахарной, махорочной индустрии и в производстве сельско-хозяйственных машин. В довоенное время в хлопчато-бумажной промышленности, по переписи 1908 г., заработная плата составляла 11,5%. Так что и в хлопчато-бумажной текстильной промышленности заработная плата составляет не только вообще незначительную часть продажной цены, но еще и эта часть уменьшилась в сравнении с довоенным временем.

Наоборот, если взять те отрасли промышленности, которые не работают на крестьянский рынок, а работают на государство, как, например, угольная промышленность, металлургическая, цементная, железно-дорожные мастерские, то мы увидим, что, как в довоенное время, так и теперь, % заработной платы ко всей продукции здесь был гораздо выше, чем в отраслях, работающих на крестьянский рынок. В угольной промышленности он достигал до войны 47%. В цементной промышленности в стоимости бочки цемента он составляет теперь 25%, а до войны около 20%. В металлургии в 1908 г. равнялся 30%, в железнодорожных мастерских тогда же 45%, на военных заводах 30%.

Таким образом, о заработной плате можно сделать еще один вывод. Именно тот, что наибольшее значение доля заработной платы в продукции имеет в тех отраслях промышленности, которые не работают на крестьянский рынок. *В отраслях же промышленности, которые работают на крестьянский рынок, доля заработной платы ничтожна, и при том почти во всех случаях меньше, чем она составляла до войны.* Таков вывод из отчетных сведений наших собственных трестов в официальных отчетах С'езду Советов.

До сих пор мы говорили об оптовых фабричных ценах (кроме соли, где речь шла об оптовых московских ценах). Но иногда, например, в льняной промышленности, можно установить, что хотя в окончательной цене, уплачиваемой потребителем, доля заработной платы составляет не больший процент, чем до войны, тем не менее, в отпускной фабричной цене, расход на рабочую силу достигает более высокого процента. В льняной промышленности весь расход на рабочую силу до войны составлял 25% продукции (по данным А. Нольдэ), а теперь с добавочными расходами достигает 32% (по подсчету особой комиссии Госплана от 13 февраля, с участием Льноправления). Откуда полу-

чается это противоречие, когда мы видим, что заработная плата, даже со всеми страховыми и пр. прибавками, не должна играть большей роли, чем до войны? На это ответ дает прежде всего изменение границ распределения всей цены, которую платит окончательный потребитель, между фабриками и между торговлей.

Изделия промышленности, раньше, чем попасть к потребителю, текстильная ткань, сельско-хозяйственное оборудование, гвозди и т. д., эти самые изделия выпускаются с фабрик и попадают к оптовому торговцу, затем происходит целый ряд торговых операций, и уже от розничной торговли изделия сбываются окончательному потребителю. В довоенное время соотношение было таково, что из всей окончательной «потребительской» цены продукции около 75% получала фабрика, а до одной четверти получали торговцы, включая транспортные расходы. Такова оценка практических деятелей, а по довоенным статистическим исследованиям, например, по известной работе С. Прокоповича о национальном доходе России, расстояние между оптовой фабричной ценой и розничной торговой было еще меньше, и если розничную цену принять за 10%, то фабрики в те времена получали из этой цены 80%. Но теперь это разграничение между производством (фабрикой) и торговлей изменилось, пограничный пункт существенно сдвинулся в пользу торговли.

Чтобы установить теперешнее положение, нужно сравнить оптовые цены с розничными по оптовому индексу Госплана и по розничному индексу кон'юнктурного института Наркомфина, выбрав данные на одни и те же товары на одни и те же числа. И вот здесь, в Москве, разница между оптовой и розничной ценой оказывается в среднем не на треть, как она была до войны, когда к 75% фабричных прибавлялось 25% торговых, а гораздо больше. Если превышение розничной цены над оптовой выразить в процентах к оптовой, то величина разницы такова: сахар-рафинад разница 80%, табак, разница—130%, мешки льняные—70%, ситец—70%, нитки белые—85%, галоши—80%, карамель—65%, гвозди—103%, керосин—90%, спички—125%, соль—104%, а в среднем, по этим 11 массовым товарам 91%. В Москве розничные цены ближе к оптовым, ибо Москва является главнейшим распределителем товаров, где от оптового до розничного торговца ближе всего. В провинции расхождение между оптовой и розничной ценой больше. Поэтому, если в Москве оно 91%, то в среднем для России нужно считать не менее 100%. Это значит, что

если оптовая цена фабричная считается за 100%, то торговля получает тоже 100%, т.-е. уплачиваемая потребителем окончательная цена товаров делится теперь между фабрикой и торговлей таким образом, что 50% получает фабрика и 50% торговля. Между тем, до войны 75% получала фабрика, и 25% получала торговля.

Это в высшей степени важное экономическое явление, установление которого способно дать некоторые указания и на правильное направление нашей политики в области торговли. Оно служит также об'яснением и изменению подсчета в заработной плате. В самом деле, до войны заработная плата составляла 13,7% от продукции, а с добавочными расходами не менее 14%. Но вся оптовая фабричная цена продукции была, как мы знаем, только 75% окончательной цены товара, той цены, которую платил потребитель. Значит, нужно взять 14% от 75%, что составит 10,5%. Значит, до войны из окончательной цены товара, которую платил потребитель, на зарплату приходилось 10,5%, при чем из всей цены фабрика получала 75% (в том числе и эти 10,5%), а торговля получала еще 25%. Что происходит теперь? Допустим, что теперь осталась бы та же самая доля заработной платы (со всеми добавочными расходами) в окончательной цене товара, в той, которую платит потребитель, т.-е. что заработная плата с добавочными расходами составляет по-прежнему те же 10,5% по отношению к окончательной цене, которую платит потребитель. Сколько эти 10,5% составили бы к тому, что теперь получает фабрика? Фабрика получает теперь уже не 75%, а только 50% окончательной «потребительской» цены. По отношению к 50% те же 10,5% составят теперь уже 21%. Это означает, что в силу того, что изменилась граница, что изменилось распределение окончательной цены между фабрикой и торговлей,—если бы заработная плата в настоящее время составляла ту же самую долю в конечной цене продукта, какую она составляла до войны, то в фабричной цене теперь она должна была бы быть не 13,7%, а 21% от нынешней продукции, сосчитанной по фабричным оптовым ценам. Если этот процент окажется меньше, то, значит доля, заработной платы в продукции *реально* уменьшилась, и этот факт только *маскируется изменением* границ распределения цены между фабрикой и торговлей. Выше мы видели, что в конце 1922 г. заработная плата (с добавочными расходами) только приближается к 11% продукции по нынешним фабричным ценам. Теперь нам ясно, что это отнюдь не означает, что *реальная* доля расхода на рабочую силу в продукции сравнялась или близка к уравнению с довоенной долей. Это означает, что

она не достигла еще и двух третей довоенного процента (11% вместо 21%). Если теперь по бюджету на 1923 г. ВСНХ предполагает установить долю ее в 17,9% своей продукции по фабричным ценам, то это означает поднять ее долю в продукции примерно до 80% довоенной, но отнюдь не превысить.

На зарплате фабрика не теряет, но фабрика зато теряет на своих соотношениях с торговлей. Из этого вытекает обязательный вывод о необходимости стремления государственной промышленности переходить к взятию в свои руки не только оптовой торговли во всероссийском масштабе, но и более глубоко идущих вглубь товарных каналов вплоть до организации своих розничных магазинов, ибо теперь изменение соотношений между торговлей и фабрикой делает возможным для промышленности увеличить доходность фабрик прежде всего присовокуплением к ним торговли. Хотя господствовавший лозунг был все время другой,—что государственные предприятия должны заниматься только оптовой торговлей и не должны лезть в розничную,—на практике те из наших трестов и синдикатов, которые лучше поставлены, начинают заниматься розничной торговлей все больше, организуют провинциальные отделения и пр., и эти тресты оказываются и более доходными. ВСНХ произвел анкету относительно московских трестов. Ответов получилось не очень много, результат опубликован 4 февраля. Результат оказывается такой: из всей своей продукции реализуют в центре, здесь, в Москве, Стеклофарфортрест—100%, Машинотрест—100%, Льноправление — 80%, Чаеуправление — 95%, Моссиликат — 100%, Резинотрест—68%, Орехово-Зуевский—100%, Богородско-Щелковский—100%, Мосхимоснова—100%, Центробумтрест—83%, Камвольный—100%. Наши тресты в подавляющем большинстве почти не вышли за пределы Москвы. Почти всю свою продукцию они сбывают здесь. Это является одной из основных причин чрезвычайно неблагоприятного распределения конечной (уплачиваемой потребителем) цены товаров между фабрикой и торговлей. Громадное предложение при скромном местном розничном спросе искусственно понижает оптовую фабричную цену. Это приводит только к накоплению разницы в руках торговли. Интересно, что как раз в финансовом отношении более благополучны те тресты, которые развили больше розничную и провинциальную продажу. Это такие тресты (Сахаротрест, Резинотрест и др.), которые меньше жалуются на финансовое свое положение, у которых дела сравнительно благополучны и зарплата выше, ибо, раз они имеют возможность

больше извлекать из торговли, они имеют и возможность платить более высокую заработную плату.

Надо вести линию на продвижение государственного товара государственными же руками не только до оптовика—нэпмана, но и до непосредственного потребителя, т.-е. вести линию в сторону захвата государством торговли розницей. Иначе, между прочим, торговля через госорганы, даже оптовая, должна будет стоить более высоких издержек, чем через частного предпринимателя (ибо фактический размах не будет соответствовать потенциальным возможностям,—наоборот, используемым частной торговлей).

Второй вывод, имеющий также большое практическое значение, заключается в том, что, очевидно, чрезвычайно неуместна существующая ныне политика установления правительством обязательных твердых цен для отпуска фабрикой для тех трестов, которые производят товар крестьянского, массового типа — для вольного рынка. Теперь существует Комвнуторг при СТО, которому поручено государством ограничивать фабричные оптовые цены трестов на особо ходкие товары. Это означает то, что так как рыночных цен р о з н и ч н ы х Комвнуторг ограничить не может (ибо они зависят от общего рыночного состояния в стране), а оптовые фабричные цены промышленности он ограничить может,—может запретить государственной промышленности брать у торговца больше известной цены, хотя бы убыточной для нее,—то получается специальное покровительство торговле за счет государственной промышленности.

Розничный торговец все равно берет с крестьянина полную рыночную цену, определяемую тем, сколько крестьянин заплатить согласен,—а разницу оставляет себе.

Поэтому государственная п о л и т и к а и с к у с с т в е н н о г о ограничения т в е р д ы х ц е н н а п р о д у к т ы к р у п н о й п р о м ы ш л е н н о с т и, имеющие целью обслуживать крестьянский и вообще вольный рынок, п р и в о д и т к т о м у, ч т о о к о н ч а т е л ь н ы е ц е н ы, к о т о р ы е п л а т и т п о т р е б и т е л ь, р а с п р е д е л я ю т с я м е ж д у т о р г о в л е й и ф а б р и к о й б о л е е н е б л а г о п р и я т н о д л я ф а б р и к и, ч е м в д о в о е н н о е в р е м я. Нынешняя политика принудительного ограничения оптовых цен трестов на ходкие товары не приводит к понижению розничных цен, которые определяются рынком (а не распоряжениями), а приводит к увеличению доли частного торговца и к уменьшению доли фабрик.

Речь идет при этом именно о частном торговце. Ибо торговля с вольным рынком, особенно с крестьянским рынком, торговая смычка с крестьянством у нас попали почти целиком в руки частных лиц. По отчету ВСНХ на всероссийском промышленном совещании в декабре 1922 г. обо всех торговых оборотах всех главнейших трестов и синдикатов государственной промышленности за август-октябрь 1922 г. оказывается, что на государство наша промышленность работает на 65%, на две трети ее изделия продаются госорганам. И это понятно: уголь почти весь продается государству (НКПС, флоту, фабрикам и заводам), нефть также, сукно большей частью идет для военных надобностей, отчасти обувь и т. д. Военная промышленность вся работает на казну, металлообрабатывающая более, чем на 80%, на казну (на транспорт и т. д.), льняная—на половину и т. д. Поэтому понятно, что 65% своих изделий промышленность продает обратно государству (по твердым ведомственным заказам 50% и по отдельным сделкам до 15%). Значит, на вольный рынок идут остальные 35% оборота, обслуживающие город и деревню. И вот из них частный торговец захватил 28.2%, а кооперация только 6,4%. А так как из кооперации еще ⅓ падает на рабочую кооперацию (по отчету Центросоюза за октябрь—декабрь 1923 г.), которая обслуживает городских рабочих и транспортных рабочих, то, поскольку речь идет о смычке с крестьянством, с мелкобуржуазным рынком, он не менее, чем на 85%, находится в руках частных торговцев. Из всего, что наша промышленность продает на нерабочий рынок, она 85% продает частным торговцам, т.-е. все за исключением небольшого количества, которое идет на рабочую кооперацию (2,1% от всего оборота), и несколько большего количества для кооперации нерабочей. Следовательно, политика государства, искусственно понижающая или ограничивающая отпускные фабричные цены на ходовые изделия массового потребления, приводит к *искусственному переливанию возможных рессурсов государственной промышленности именно в частную торговлю*, из государственного хозяйства в частное хозяйство. Эта неправильная политика в значительной степени затрудняет положение промышленности, не давая ей в частности итти дальше в повышении зарплаты, чем она пошла до сих пор, и более энергично вести заготовку сырья.

Правда, к началу 1923 г. наступило как бы некоторое ослабление доли оборота главных торговых органов госпромышленности, приходящегося на частную торговлю.

Так, по отчету ВСНХ за декабрь 1922 г., на нее приходится уже только 15% всего оборота вместо 28,2%, достигнутых за август—октябрь. Но раньше, чем отнести это всецело за счет укрепления государственного торгового аппарата (который постепенно, хотя весьма медленно, все же начинает раскидывать свою сеть все больше), надо выждать, не является ли это случайным явлением, напр., в связи с усиленным взиманием в декабре и январе налогов, поведшим за собой временное сокращение аппарата частной торговли (напр., в Петрограде за январь закрылось 25% лавок, ссылаясь на налоги,—по сообщению «Эк. Ж.»).

Во всяком случае, еще 27 февраля Комвнуторг сообщал в печати: «почти вся мелкая розничная торговля находится в руках частных лиц, особенно в провинции» («Т.-Пр. Газ.». 27 февраля).

Мы видим, таким образом, что не было экономических оправданий для похода за понижение зарплаты в начале 1923 года — где же в таком случае его политические корни? Как сказал недавно тов. Ленин, рабочий класс и крестьянство должны понять, уяснить себе хорошо тот факт, что теперь существует новая буржуазия, которую нельзя выпускать из глаз, с которой нужно бороться, нужно бороться против ее влияния на крестьянство, для того, чтобы она не повела крестьянство за собой. Эта новая буржуазия есть, разумеется, прежде всего торговая буржуазия, ибо, как промышленная величина,—она ничтожна. Это есть тот слой, который мы называем нэпмановским. Какова же должна быть политическая программа этого класса населения?

Программа, его, очевидно, в нынешних экономических условиях, когда промышленность и транспорт национализированы, а свободна только торговля, программа этого слоя, программа руской буржуазии, может быть сведена к двум пунктам: во-первых, захватить торговую смычку с крестьянством, — эту задачу она к осени 1922 г. на 85% разрешила,—а во-вторых, основываясь на этой торговой смычке, мобилизовать наше крестьянство политически против диктатуры рабочего класса, против рабочих вообще.

Каков может быть и должен быть метод политической мобилизации крестьян против рабочих? Этот метод буржуазией испытан со старых времен. После февральской революции 1917 г., первое, что сделала буржуазия в лице тогдашней буржуазной прессы, буржуазных партий, буржуазных общественных сил—это была широкая агитация

среди тогдашней крестьянской армии и крестьянства вообще о том, что тяжело крестьянам живется из-за рабочих, что в России дороговизна, для крестьянина все дорого потому, что рабочий чрезмерно много хочет за свою работу, чрезмерно мало согласен работать. только 8 часов в сутки, и при том работает чрезмерно плохо, непроизводительно. Вот какая была массовая агитация, которую буржуазия развернула в марте—апреле 1917 г.. когда испугалась роли рабочего класса, начавшего революцию. Больших трудов стоило преодолеть эту политическую ставку буржуазии. На заводы Петербурга приходили делегации от воинских частей из провинции и из Петербурга и проверяли, действительно ли рабочие только лодыри, жиреющие крестьянским потом. И теперь, в 1923 г., на каждом базаре, в каждой деревне. в каждой лавке. каждый нэпман, каждый представитель буржуазии, если он не является бессознательным бревном (а **мы не имеем права считать буржуазию бессознательным бревном** — потому, что она достаточно доказала всей своей историей и свою сознательность, и свою решительность, и свою твердость в отстаивании своих целей),—является бесплатным агитатором в этом смысле (не говоря о платных), стремящимся восстановить, поднять беспартийную массу, в особенности крестьянскую, против нас. Вот первые корни этой агитации.

Затем идет второе звено той же цепи, которое атмосферу этой агитации пытается перенести в среду государственно-хозяйственных организаций. Приводным ремнем является тут, конечно, обширный слой деятелей буржуазного времени, являющихся теперь ответственными служащими: директора, члены правлений, их помощники и т. п. Последние полтора-два года (годы нэпа) были временем значительного усиления процента такого рода деятелей в руководящем составе управления нашей промышленностью. По анкетам, произведенным ВСНХ в годы «военного коммунизма», тогда среди директоров государственных предприятий, согласно сводкам т. Милютина, было около 60% рабочих. Теперь в среднем имеется, повидимому, около 20%—30% или немногим больше. По крайней мере, недавно опубликована т. Сорокиным анкета, где заключаются сведения о том, кто является директорами почти 900 предприятий центрального промышленного района (точная цифра этих предприятий—888). Оказалось, что из этих директоров только 13% рабочие, только 13%—коммунисты (рабочие и коммунисты обычно совпадают). Вообще прошла через одобрение профсоюзов кандидатура только 27% этих ди-

ректоров (в это количество входят все рабочие и коммунисты), а остальные 73% являются теми буржуазными специалистами, кандидатура которых даже не была выставлена профсоюзами. В опубликованной недавно о том же анкете по Петрограду указано, что если взять вместе директоров и их помощников, то среди них рабочие составят 38% (возможно, что большая часть приходится на помощников). Разумеется, бывшие деятели буржуазного времени, переходя к нам в управления и становясь на нашу работу, приносят с собой всю буржуазную идеологию, все предпринимательские навыки и предпринимательское отношение к рабочим. Та среда, в которой они живут, и с какой они связаны, это—среда буржуазных нэпманов. Те политические чувства, которые их питают,—это надежды на ликвидацию рабочей власти, если не мытьем, то катаньем. Все это подстрекает их поддержке буржуазной агитации, и они эту тенденцию впитывают в государственные хозяйственные органы, в тресты, заводоуправления и т. д. и вольно и невольно. Вольно—злостно настроенные, невольно—по самому существу своего буржуазного подхода к делу. Они делают доклады, пишут записки, окружают немногих коммунистов, официально руководящих данным учреждением (да и не всеми учреждениями руководят коммунисты) целым морем соображений и рассуждений, направленных к одному—необходимо изменить советские методы, советский подход к делу.

Когда посмотреть, например, любую калькуляцию себестоимости продукта в связи с заработной платой, выводимую этими специалистами, то почти всегда можно найти четыре-пять типичных ошибок и недосмотров, сплошь направленных к преувеличению роли заработной платы в продукции и в дороговизне. Во-первых, неполный учет себестоимости других элементов, не заработной платы, в особенности сырья, когда они это сырье получили по «твердым ценам» прежнего времени или вовсе бесплатно. Во-вторых, они делают ошибку смешения довоенных золотых рублей и нынешних золотых рублей. Довоенный золотой рубль, так называемый товарный, не совсем то, что нынешний золотой рубль, потому что на теперешний золотой рубль можно купить гораздо меньше, чем на золотой рубль довоенный. Теперешний золотой рубль на 20 или 25% ниже довоенного золотого рубля, что видно из публикуемых индексов. Например, на 10 февраля 1923 г., нынешний золотой рубль на 22% меньше довоенного золотого рубля (по индексу КИНКФ). И вот, когда они начинают

сравнивать заработную плату, они берут заработную плату довоенную и теперешнюю в золотых рублях и сравнивают, забывая, что нынешнее золото уменьшилось на четверть в своей покупательной силе и что для правильного сравнения с довоенным надо это учесть.

Третья ошибка, которую они делают, это когда рост заработной платы сравнивают с ростом цен не своих изделий, не тех изделий, которые были выпущены соответственной отраслью промышленности, а сравнивают рост заработной платы с ростом дороговизны вообще в стране. Это неправильно, потому что в общий уровень дороговизны входит не только данная промышленность, а входят и такие вещи, как жилище, продовольствие, очень существенно влияющие на общий уровень дороговизны и вздорожавшие меньше, чем промышленные изделия. Четвертая ошибка, которую они делают, заключается в том, что хотя заработная плата за месяц выплачивается в среднем первого числа следующего месяца—они переводят ее на товарные или золотые рубли по индексу не этого 1-го числа, а по среднему за месяц работы. Пятая ошибка, обычно присущая им, заключается в том, что они выводят нынешнюю реальную заработную плату не по индексу розничных цен, а по индексу оптовых цен, значительно преувеличивая этим кажущуюся реальную заработную плату. Между тем, рабочий покупал до войны все, что ему было нужно в розницу, как равно и сейчас делает, ибо ни один рабочий не покупает хлеба вагонами или мануфактуру тюками. Я не видал еще ни одной калькуляции администраторов из бывших буржуазных деятелей, которая бы не сделала хотя две или три из этих ошибок, а иногда и все пять сразу.

Все это м е т о д ы к а п и т а л и с т и ч е с к о й п о д г а с о в к и, методы создания картины, далекой от действительности, что часто вполне ясно для них самих, для испытанных деятелей, привыкших руководить фабриками до революции, для людей, которые знают, что такое калькуляция и коммерция лучше нас всех. Только расчитывая на наше общее и полное невежество, на тот низкий культурный уровень наш, о котором когда-то говорил тов. Ленин, который они себе хорошо усвоили, только расчитывая на это наше непонимание, могут они приходить с такими калькуляциями, отвлекая этим внимание официально ответственных руководителей трестов от действительных несовершенств, как слишком большое число непроизводственных служащих и т. п. Это, таким образом, является вторым приводным ремнем в системе.

Что данная мной характеристика типичных обществен-

но-классовых настроений специалистов буржуазного времени. работающих в наших хозяйственных органах, весьма близка к действительности,—отлично иллюстрируется, помещенной в № 127 «Правды», за 1922 г. анкетой «Спецы». Анкета эта произведена была в Москве среди 230 инженеров, работающих в трестах и подобных органах, с принятием мер, дававших им возможность говорить безбоязненно (опрос через внушающих им доверие лиц, как бы в частном разговоре, без упоминания об использовании в печати). Все эти инженеры (члены правлений, директора и прочие) разделены на две группы: 1) занимавшие и до революции видное положение, 2) бывшие до революции обыкновенными инженерами, но не директорами заводов, акционерных обществ или т. п. На нашем советском наречии первую группу мы назвали бы «очень ответственные хозяйственные работники—специалисты», а вторую группу просто—ответственные—без «очень».

Им было задано четыре вопроса, и результаты оказались такими. Рассматривают ли они новую экономическую политику, как переходную ступень к коммунизму (как мы рассматриваем) или не рассматривают (т.-е. вместе со всей буржуазией надеются на постепенное возвращение через НЭП к господству частного капитала)? Оказалось, что рассматривают, как переходную ступень к коммунизму, только:

Из первой группы 13%
„ второй „ 33%

Значит, даже средние инженеры на две трети считают, что НЭП будет развиваться отнюдь не к коммунизму, а из более крупных (а их отношение по значению их работы еще важнее) почти все (87%). Понятно, в какую сторону должны они толкать порученное им дело.

Следующий вопрос сочувственно ли относитесь к советской власти? Смысл его заключается в том. что если они не верят в равитие к коммунизму и не хотят его, то, может быть, они, по крайней мере, признают хоть правильность того, что в стране должна господствовать власть только рабочих и крестьян. Для этого не надо быть даже социалистом, для этого достаточно быть действительно последовательным демократом (конечно, не буржуазной подделкой под демократа). К тому же они сами. как советские служащие, имеют и избирательное право и всякие льготы. Тем не менее, буржуазно-реставраторские (т.-е. стремящиеся восстановить прежнее господство буржуазии) настроения у них так велики, что положительный ответ о сочувственном отношении дали только:

Из первой группы 9%
„ второй „ 13%

В этом отношении и крупные и средние инженеры оказались настроенными одинаково. Почти все поголовно. на девять десятых, против советской власти—и, стало быть, обычно являются проводниками в наши аппараты буржуазных, противо-советских влияний не только невольно, по самому своему общественно-классовому «нутру», но и вольно.

Третий вопрос ставился еще проще: считаете ли свою работу полезной? Ведь, можно быть врагом коммунизма и советской власти, но с пользой делать то специальное дело, за которое взялся, например, управлять заводом, чтобы он производил больше металлических изделий. Или, наоборот, ненависть к господству рабочего класса (усиливаемая еще необходимостью все время носить на себе маску лойяльного отношения, из страха иначе попасть в Г. П. У.)—эта ненависть настолько перевешивает интерес даже к своему специальному делу, что человек смотрит на службу только как на средство получать жалованье и поудобнее устроиться, а вовсе не как надо смотреть на полезную работу. Оказалось, что считают свою работу полезной:

Из первой группы 30%
„ второй „ 75%

Средние инженеры, таким образом, добросовестнее крупных. Их тоже следовало бы перетряхнуть (чтобы вытряхнуть 25% бесполезных по их собственной оценке). а из крупных определенно большая часть, почти две трети, просто издеваются над нами, числясь «очень ответственными», «незаменимыми» и т. д., и т. п.

Четвертый вопрос заключается в отношении ко взяточничеству—считают ли они взятки абсолютно недопустимыми, или, хотя принципиально против но, в виду того, что речь идет о советской службе, к которой относятся отрицательно, или в виду тяжелого положения, считают все-таки взятки практически допустимыми? На этот вопрос получился ответ, что считают взятки абсолютно недопустимыми только:

Из первой группы 25%
„ второй 30%

Вот они, наши «зеницы ока», наши «учителя», которым, как более опытным в «деловой» работе, добровольно стал уступать после войны в «нэповский» период свои директорские места рабочий-коммунист. Три четверти считают возможным красть и вредить хозяйству страны—ведь,

дело идет не о буржуазном государстве, где это считалось ими неприличным, нечестным, абсолютно недопустимым, а только о власти рабочих и крестьян. Здесь три четверти считают возможным сделать и практический вывод из своего общего отрицательного настроения, и вывод при том очень определенный,—за хорошее дело, как известно, взяток не дают.

Таково это второе звено, этот приводный ремень в нашей цепи. Чем скорее мы опять двинем на руководящие хозяйственные места рабочих—тем лучше. Опыт со ставкой на «спецов» не оправдал себя достаточным изменением их отношения к делу. На очереди дня широкое насаждение «школ красных директоров» и т. д.

На третье место попадает уже часть наших собственных хозяйственников, людей, запуганные до чрезвычайности, людей, которые живут в обстановке непрерывной паники, что промышленность у них крахнет, которые привыкли ложиться спать с мыслями о катастрофе топлива, а вставать с мыслями о катастрофе финансовой, или налоговой, или иной. Эти хозяйственники, пребывающие в хронически-паническом состоянии, окруженные толстой прослойкой деятелей буржуазного типа, в качестве сотрудников и помощников, получая от них всякие бесконечные докладные записки,—обладают к тому же очень слабой в среднем экономической подготовкой для той работы, которую они ведут. Это не вина их, а беда, которую можно изжить лишь постепенно, потому что подавляющее большинство членов нашей партии обладают вообще очень слабой экономической подготовкой и мы не можем на все фабрики и во все тресты посылать людей с крупной экономической подготовкой—также и потому, что еще не всегда сильная экономическая подготовка совпадает с организаторским умением. Мало быть профессором по экономии, а надо еще уметь взять топор и сделать из него гроб, если это требуется.

К тому же нередко наши хозяйственники, которые не виноваты в том, что они слабо экономически подготовлены, которые находятся постоянно в запуганном состоянии, окружены этой средой, этой атмосферой докладных записок,—к тому же они еще нередко на практике фактически отрываются от участия в политической работе партии. При достаточной политической сознательности, в стране с рабочей диктатурой и мелко-буржуазным большинством населения, не поднимают всенародно публичной агитации в печати, как это случилось у нас в январе 1923 г., что рабочий класс живет для наших возможностей слишком жирно и что необходимо урезать его, чтобы крестьянин мог не чувствовать себя обиженным. Конечно, мы никогда не заре-

кались на вечные времена, что ни при каких условиях не смеем понижать заработной платы, например, когда был голод весной 1922 г., когда он обострился—и профсоюзы, и партия, все сознательно подошли к этому делу. Но как подошли? Отнюдь не путем инсценировки газетной кампании, об'ективно служившей только поддержкой натравливанью нэпманами крестьян на рабочих. Вот почему, возражая против этого уклона от нашей линии в области заработной платы, надо подчеркнуть не только его экономическую необоснованность по существу в данное время, но и политическую невыдержанность.

Уменьшение себестоимости продукта для фабрики, является, конечно, чрезвычайно желательным и необходимым. При той же оптовой продажной цене, оно дало бы возможность лучше обеспечить заготовки сырья, больше поднять производительность труда дальнейшим улучшением положения рабочих и т. д. Но, как мы видели, удешевления себестоимости нет основания искать в уменьшении заработной платы, ни потому, что она чрезмерна, ни потому, что это может много дать для уменьшения себестоимости. Удешевление может и должно быть достигнуто другими путями.

Это прежде всего увеличение промышленного производства путем дополнительного притока средств в промышленность, для чего требуется как соответственная налоговая политика, так и то, чтобы цены на промышленные продукты были выше, чем на сельско-хозяйственные продукты. Во-вторых, надо вести линию не только на захват оптовой торговли всероссийского масштаба, но и торговли более близкой к потребителю, провинциальной и розничной.

В-третьих, тресты должны быть менее бесхозяйственными в смысле организации производства, т.-е. комбинированием подходящих предприятий и большей концентрацией надо повысить нагрузку предприятий (разумеется, концентрация должна производиться не до «бесчувствия», а в пределах политически приемлемых, не говоря уже о строжайшей экономической проверке действительной ее неизбежности). Впрочем, это вопрос уже решенный. Когда в начале ноября я выступил с требованием общего пересмотра всех трестов в целях их комбинирования и укрупнения, это встретило, было, довольно много возражений, но теперь к вопросу уже привыкли и общий пересмотр трестов, как известно, начат.

В-четвертых, необходимо уменьшение расходов на излишних служащих и непроизводственных рабочих. Доста-

точно указать, что по отчету ВСНХ в некоторых трестах, например, в Цементном, на правление тратится 6,2% всей стоимости продукции, а общее количество служащих на предприятиях фабрично-заводской промышленности сейчас по отношению к числу рабочих в два раза выше, чем до войны (17% вместо 9%), и значительно выше того процента, который установлен для них ВЦИК'ом (10%).

Если, таким образом, теперь не может быть признано необходимым сокращение заработной платы, если для этого нет оснований, то каковы же фактические перспективы, чего мы должны ожидать и какой линии держаться, исходя из наличного положения. Само собой разумеется, что и на рабочем должно лежать в известной степени государственное бремя. Даже на рабочем в гораздо большей степени, чем на каком бы то ни было другом классе России, больше, чем на крестьянине. Потому что у нас рабочая революция, имеющая целью торжество мирового рабочего класса. От выигрыша этой революции мы получим так много, что окупятся наши временные жертвы. Поэтому естественно, что рабочий класс сам возлагает на себя гораздо больше жертв в пользу своего дела, чем он в силах вырвать или получить у других классов, скажем, у крестьян.

Поэтому государственное бремя ложится сейчас на рабочего по его доброй воле весьма чувствительно и прямым и косвенным путем. Прямым, поскольку у нас имеется сравнительно низкая заработная плата: средний размер платы составляет сейчас несколько меньше 50% по России, т.-е. соответствует половине довоенного уровня жизни. Это колеблется по отдельным районам, в Москве—около двух третей, зато в провинции опускается местами до 30%, между тем, как у крестьян уровень быта сохранился в общем в тех же 100%, как и до войны (см. «Обложение деревни»). Следовательно, возложение государственных тягот на рабочий класс прямым путем осуществляется у нас тем, что уровень своего быта рабочий понизил больше, чем крестьянство, которое его почти не понизило.

Кроме этой основной тяготы, которую мы возлагаем на себя прямым путем, у нас и косвенными путями перелагается на рабочий класс еще часть государственного бремени. Основных приемов для этого два. Во-первых, переложение на плечи рабочего значительной части тяжести восстановления городских центров. Расходы рабочих на это (т.-е. жилищные расходы) в странах с падающей валютой, с падающим курсом бумажных денег, в странах обнищавших, в странах с плохим экономическим положе-

нием, с сузившимся рынком сбыта, словом, в странах, где есть сходство с нашим положением, значительно меньше. В Германии, в Берлине, цена квартиры, отопления и освещения, составляет 10% от месячной заработной платы. В Польше, в Варшаве, цена квартиры, отопления и освещения составляет также 10% с ничтожной дробью от месячного бюджета рабочего. В Австрии, в Вене, 13%. Между тем, у нас, еще более года назад, выдвинута мысль об отчислении на коммунальные расходы примерно 15% от заработной платы, а в настоящее время фактически общие расходы живущих в жилтовариществах рабочих на отопление, освещение и квартиру, превысили и эту величину. Проще говоря, у нас, в виду того, что городские советы находятся в плачевном финансовом положении и не научились еще как следует стричь буржуазию, которая составляет большую половину городского населения, происходит частичное добавочное переложение расходов на восстановление города на рабочий класс.

Второй косвенный путь заключается в добавочных добровольных отчислениях с заработной платы на разные общественные и государственные нужды. Секретарь той ячейки, в которой я состою (крупная типография), представил мне сводку, скольку за декабрь и январь было заплачено из заработной платы отчислений по добровольным постановлениям рабочих. Оказывается, что рабочий, состоящий также членом профсоюза и партии, отдавал за эти месяцы в среднем по 16% своей заработной платы, т.-е. одну шестую. Если мы считаем, что заработная плата составляет в среднем по Москве около 66%, то с этими вычетами она будет составлять лишь 55% от довоенной платы. Этой системе косвенного обложения рабочих надо поставить предел в обоих направлениях. С одной стороны, развитием жилищного законодательства, которое переложило бы главную тяжесть жилищных расходов на буржуазию, оставив для рабочего лишь обязанность платить не свыше 10% от его бюджета. С другой стороны, постановлениями профсоюзов и партии, которые ограничили бы всю совокупность добровольных отчислений из заработной платы не свыше, чем 5%.

Тем более, что когда мы берем «среднюю» заработную плату, то фактически, ведь, это означает, что очень многие получают ниже этой средней и потому с ними особенно необходимо считаться. Мы знаем, например, что средняя заработная плата промышленного рабочего по России, 11 товарных рублей, а в Москве 16 товарных рублей (т.-е. общерусская, примерно, на 30% ниже московской). Из работы

т. Л. Гинзбурга, «Заработная плата и производительность» приводим разработку данных о 110 тысячах московских рабочих, распределенных по группам, смотря по количеству товарных рублей, получаемых каждым в месяц (по данным профсоюзов, товарные рубли, как и следует, взяты на 1-ое число месяца по окончании работы, т.-е., например, на 1-ое декабря для платы за ноябрь и т. д.). Оказывается, в Москве из указанных 110 тыс. рабочих получали в месяц фактически в товарных рублях:

До 10 руб.	14%
От десяти до 15 руб.	32,2%
„ 15 до 20 руб.	21%
„ 20 „ 25 „	23,8%
Свыше 25 руб.	9%

Таким образом, почти половина получает ниже «средней». В частности, среди текстильщиков ниже 15 руб. получало 95,5%, т.-е. почти все, среди швейников—91,7%, т.-е. тоже почти все. Посредине стоят пищевики—только 44% ниже средней, и химики—41%. Лучше всех поставлены металлисты—только 1,9% ниже 15 руб. в месяц и печатники—совсем никого.

Из этого, кстати, видно, что хотя, например, металлисты достигли в Москве только 61% своей реальной довоенной платы (1913 г.) и печатники только 63% (в начале декабря 1922 г.), а химики целых 87% и пищевики даже 93%— однако, абсолютное положение химиков и пищевиков хуже (а текстильщиков и швейников еще хуже). Потому к вопросу об установлении заработной платы нельзя подходить только под углом зрения, сколько процентов составляет она к довоенной, а надо обращать внимание и на абсолютную величину. Иногда, в некоторых отраслях легкой индустрии, в некоторых частях страны, процент близости к довоенной высок просто потому, что до войны плата была там слишком энергично понижена. Потому следовало бы избегать огульного зачисления рабочих легкой индустрии—в «легкое» положение по уровню жизни, а рабочих тяжелой—в «тяжелое». Вместо этого необходим конкретный подход к делу в каждом случае, а даваемые ниже указания о необходимости движения уровня заработной платы к тому или иному «довоенному проценту», надо рассматривать, лишь как самую общую характеристику, нуждающуюся в каждом практическом случае в конкретной проверке и абсолютного уровня.

Вопрос о дальнейшем движении заработной платы сводится к вопросу о соотношении между уровнем заработной

платы и уровнем производительности труда. Если получаемая рабочими заработная плата, в процентном отношении ее к довоенной, будет более достигнутой производительности труда, то тогда произойдет снижение заработной платы, ибо такого рабочего нечего держать. Если, наоборот, рабочий дает большую производительность труда, чем получает заработную плату (все в отношении к довоенным величинам), то это должно повести к постепенному повышению и заработной платы. Эти обе вещи находятся в тесной связи и зависимости одна от другой, и значительное расхождение между ними может быть только временным.

Если с этой точки зрения взять разные отрасли промышленности и посмотреть, какова производительность труда на одного рабочего по отношению к довоенной, и сколько процентов к довоенной составляет заработная плата, то получатся ясно говорящие за себя соотношения. О производительности труда возьмем отчетные данные ВСНХ за октябрь 1922 г. по работе статистика т. Святицкого («Производительность труда русского рабочего в 1922 г.»), а сведения о заработной плате из журнала «Статистика Труда» (орган ВЦСПС и ЦСУ). По хлопчато-бумажной промышленности производительность составляет от довоенной 64%, заработная плата в среднем по России—39%. Так что по хлопчато-бумажной промышленности производительность чуть не на половину больше, чем заработная плата. По льняной промышленности производительность труда—75%, заработная плата—45% и даже в январе составляла в среднем по России только около 50% (не поднялась дальше и производительность). В кожевенной промышленности производительность—97%, заработная плата—61%. По резиновой—производительность—104%, заработную плату резиновой я не мог отыскать в отчете резино-треста, а есть только в химической промышленности, в общем 72%. Металлообрабатывающая промышленность—производительность—32%, заработная плата по России 30%. Каменный уголь—производительность забойщика 97%, заработная плата не достигает 75%. Спичечная промышленность—производительность 72%, заработная плата около 48% и т. д.

По всей промышленности в общем средняя производительность около 60%, средняя заработная плата была тогда 41%, а теперь, в феврале 1923 г., средн. производительность считается выше 70% довоенной, а средняя заработная плата только 50%. Проще говоря, рабочий по производительности труда дает сейчас, примерно, чуть ли не на половину больше того про-

цента, какой он получает по заработной плате сравнительно с довоенными величинами. А это показывает, что у нас не только нет чрезмерной заработной платы, но фактически, на ряду с растратой материального капитала нашей промышленности, о которой часто пишут, происходит и расточение запаса нашей живой рабочей силы, которое без конца производить нельзя, несмотря на готовность рабочих приносить свои личные интересы в жертву общему делу—потому что длительность такого относительного перенапряжения грозит впоследствии слишком вредными результатами, а раньше того— срывом уже достигнутой производительности. Примером может служить Донбасс, где конец 1922 г. давал ежемесячно меньше угля, чем конец 1921 г. С этим надо сопоставить сообщение «Эк. Ж.», что, по данным ЦК горнорабочих, «если принять октябрьскую заработную плату донецкого шахтера за 100%, то в ноябре она составляет 85%, в декабре 75%, в январе (1923 г.)—70 проц.». Орган ВЦСПС «Труд» сообщил 17-го марта, что, по заключению специально созванного в марте в Юзовке «технического совещания», производственные задания «в январе и феврале выполнялись едва на 80% и понижение производительности вызвано систематическим затягиванием выплаты заработка». Задержка выплаты на месяц означает реальное уменьшение на 25%—30%.

Окончание войны дало возможность сравнительно с 1920 г. прилично увеличить заработную плату (с четверти и трети довоенной до половины), а это дало такой сильный толчок росту производительности труда, что она успела уже очень значительно обогнать самое повышение заработной платы. Если обратиться к тому, что было три года тому назад, в 1920 г., то окажется, что тогда производительность труда не только не была выше, а иногда даже существенно отставала от заработной платы. По тем же отчетам ВСНХ, производительность труда в 1920 г. была в хлопчато-бумажной промышленности только 11% от довоенной, а теперь 64%. Произошел под'ем производительности в 6 раз, хотя заработная плата реально в 6 раз отнюдь не поднялась. В льняной промышленности в 1920 г. производительность труда была 32%, а в 1922 г. осенью уже 75%; в кожевенной была 29%, а теперь 97%; в резиновой была 38, стала 104%. В металлообрабатывающей промышленности была 17%, стала 32%. Одним словом, скачок, который сделал рост производительности труда за последние два года, был столь значительным, столь значительно обогнал рост заработной платы, что это возможно было лишь, как эф-

фект того, что впервые и сразу рабочим стало значительно лучше. Но, разумеется, длительно, как постоянное явление, неспособен человек давать 90 или 75% производительности, имея только 45 или 50% уровня жизни. Поэтому, чтобы мы удержали достигнутый нами в настоящее время уровень производительности труда, линия заработной платы с экономической точки зрения должна быть повышающейся, а не понижающейся, так как понижение значило бы смертный приговор, крест над тем повышением производительности труда, которого мы фактически достигли и с исчезновением которого исчезнет и то сравнительно оправляющееся, сравнительно выздоравливающее положение промышленности, каким она сейчас пользуется. И высшим пределом этого повышения вовсе не является довоенный уровень—это не идеал, а лишь промежуточная ступень.

Наблюдая теперешнюю заработную плату, мы видим, что чрезвычайно неравномерен тот довоенный процент, какого она достигла пока в разных отраслях. Если в промышленности она поднялась в общем почти до половины, то, например, в транспорте, она относительно гораздо менее значительна. Опять-таки на долгое время такое расхождение невозможно, ибо при поднимающейся промышленности оно должно привести к развалу работы транспорта. Другое дело, когда весь пролетариат в очень плохом положении, но если одна половина будет в значительно лучшем, а другая в значительно худшем,—это явится крупнейшим тормозом во всем восстановлении нашего хозяйства, неприемлемым к тому же для нас и политически. Поэтому, хотя экономическая необходимость диктует нам общую линию на повышение, это повышение должно осуществляться с умом—в известной последовательности отраслей. Программа на ближайшие месяцы должна заключаться в том, что уровень заработной платы во всех отраслях промышленности и в транспорте подтягивается к тем средним величинам, какие сейчас (март) существуют, т.-е. если в России средний уровень зарплаты сейчас 50% довоенной, а в Москве—70%, то все те отрасли промышленности, которые в провинции отстали от 50%, а в Москве от 70%, а равно транспорт, должны быть подтянуты в провинции до 50% и в Москве до 70%. НКПС стал уже на этот путь и определил среднюю зарплату на январь—февраль 1923 г. в 12½ руб. тов., на март—май 13¾ р., июнь—сентябрь 15 р., и затем 18½ руб. тов., что составляет 50% довоенной нормы («Труд» от 18 марта).

Конечно, поскольку речь идет о железнодорожниках, надо будет учесть и особый характер членского состава, ка-

кой имеет союз железнодорожников. Как видно из официального отчета, напечатанного в «Железнодорожнике», среди членов союза имеют свой дом 23%, имеют свой участок под огородом—24%, имеют свой домашний скот—25%, имеют свой участок под пашней—10%. Это значит, что не менее четверти железнодорожников имеет дополнительные источники дохода в виде домашнего скота, огорода и дома, которых московский или другой городской рабочий большей частью не имеет. Но, учитывая это, все-таки ближайшие месяцы нужно посвятить не тому, чтобы реальную плату там, где она уже достигла 50% в провинции и 70% в Москве, тянуть дальше (с указанной в § 17 оговоркой), а тому, чтобы подтягивать до этого уровня отставших (что будет подымать, конечно, и средний уровень).

Когда эта кампания к лету будет окончена, то с июня—июля этого года может начаться следующая стадия кампании—стадия дальнейшего повышения заработной платы выше среднего уровня, который к лету будет достигнут. Если средний уровень в феврале для всей промышленности России равен 50%, то к осени—примерно, к ноябрю, можно будет, вероятно, размер заработной платы в Москве и Петрограде довести до 100% довоенного уровня, а в провинции до 75%, судя по нашему общему экономическому положению и вероятному удовлетворительному урожаю 1923 года [1].

Если взять средний уровень зарплаты в феврале—марте 1922 г. и обратить внимание, до чего поднялась заработная плата к осени, к октябрю—ноябрю 1922 г., то вы увидите тот же, примерно, размах под'ема, какой можно наметить и на кампанию 1923 г. Разумеется, если у нас будут новые вспышки войны, если у нас будут новые акты мировой революции, если бы в Германии создалось пролетарское правительство и необходимо бы стало его поддерживать, то придется мириться временно с более низким уровнем заработной платы во имя торжества революции в мировом масштабе, чем какого можно ожидать без поглощения наших средств войной. Но, предполагая мирное течение жизни, нужно считать перспективы дальнейшего развития заработной платы достаточно экономически обеспеченными. Благодаря режиму пролетарской диктатуры, наша страна не только опра-

[1]) Вот что пишет об этом в „Труде" 8 марта председатель питерского губпрофсовета т. Евдокимов: „в ближайшие месяцы—удержать реальную заработную плату на достигнутом уровне, подтянуть отставшие отрасли (жел.-дор., нарсвязь) к общему уровню и при первой возможности снова перейти к планомерному общему повышению заработной платы".

вляется сравнительно довольно быстро после разорения долгой войной, но еще и выигрыш от этого возрождения выражается прежде всего в повышении уровня жизни рабочего класса, а не в росте буржуазного накопления—в то время, как по всей капиталистической Европе, наоборот, происходит все большее накопление капитала на рабочих, все большее ухудшение их положения.

Что касается взаимоотношений между профсоюзами и хозорганами в области определения уже не размеров, а самых форм техники выплаты зарплаты, то в общем они установились правильно. После первых опытов «коллективного снабжения» в 1921 г., явившихся первым проявлением новой политики в области заработной платы (включением всех выдач и услуг в оплату рабочей силы и приведение ее в соответствие с результатами труда, переход от 35-ти к 17-тиразрядной сетке и пр.),—в этом отношении проделана за 1922 г. дальнейшая большая практическая работа. В приложении напечатана наша статья из мартовской «Правды» за 1921 г.—«Новые вехи»—прокламировавшая необходимость перехода к новой системе заработной платы (см. выше в скобках) и намечавшая ближайшей стадией этого перехода «коллективное снабжение». Сравнение показывает, как мы далеко ушли уже от того времени. Наоборот, фактически проделанная союзами и хозорганами в 1922 г. работа еще ждет своего связного и цельного законодательного оформления. Когда зимой 1921—1922 г. действовала при ВЦИК под моим руководством комиссия по пересмотру советского аппарата и соответственному упорядочению внутренних взаимоотношений—я внес от ее имени в ВЦСПС и ВЦИК проект общего закона о заработной плате, выставлявшего некоторые положения, тогда еще невошедшие в практику. Проект, в конце концов (уже в мае), решено было разослать только в качестве материала, не предрешая проведения его в жизнь. Существенные его пункты заключались в следующем:

а) отмена государственного нормирования размеров заработной платы и упразднение существовавшего тогда (первые месяцы 1922 г.) с этой целью Цефонда;

б) ограничение в этом отношении роли государства установлением только низшего предела (минимума) заработной платы, ниже которого никто не может платить;

в) установление этого минимума на период с осени 1922 г. в шесть товарных рублей для первого разряда тарифной сетки с пересмотром минимума два раза в год;

г) исчисление минимума (и заработной платы) по определенному набору продуктов и вещей и перевод в товарные рубли по розничным ценам;

д) установление минимума (и зар. платы вообще) не для всех отраслей по 6-му разряду, как это практиковалось, а по 1-му разряду с дальнейшим начислением на квалификацию сообразно характеру каждой отрасли;

е) уплата заработной платы два раза в месяц (раньше платилось одно время обычно один раз) с тем, что заработная плата должна выдаваться не после окончания периода, а в его течение (5-го числа за первую половину месяца и 20-го за вторую);

ж) в случае задержки выплаты обязанность платить не ту же самую номинальную сумму, а увеличенную по курсу дня, сообразно изменению курса рубля (и платить пеню за просрочку);

з) обязательность заключения коллективных договоров для предприятия.

Достаточно посмотреть на этот список, чтобы видеть, что жизнь в общем действительно пошла по этому направлению, хотя установившиеся отношения частью еще не закреплены законом, а частью приняты постепенно и формально. Так, хотя обязательности коллективных договоров по закону до сих пор не существует, но фактически, по отчету ВСНХ на всероссийском совещании промышленности (декабрь 1922 г.),—уже в августе 1922 г. «коллективные договора охватывали свыше 1.068 тысяч рабочих и служащих, из которых 335 тыс. чел. регулировали свои отношения с нанимателем по генеральным коллективным договорам и соглашениям. С того времени произошло дальнейшее распространение системы коллективных договоров, расширение круга охваченных ими рабочих и служащих. Нет сомнений в том, что подавляющее большинство рабочих и служащих промышленных предприятий в настоящее время регулирует свои отношения с администрацией предприятия по коллективному договору» (стр. 5 «Вопросов зарплаты», изд. ВСНХ).

При таких условиях дальнейшее сохранение необязательности заключения коллективных договоров по закону делается нецелесообразным. Вся государственная промышленность все равно им подчинена—и это означает теперь только оставление лазейки для частных предпринимателей, фактическое укрепление их позиции против профсоюзов и занятых у них рабочих, обычно как раз наиболее отсталых и нуждающихся в защите коллективного договора. Потому в силу изменившихся обстоятельств вопрос об обяза-

тельности по закону заключения колдоговора должен быть пересмотрен—колдоговор в нашей практике оправдал себя. Проведение его обязательности для госпромышленности не важно, так как благодаря данной директиве он все равно стал там всеобщим. Но для частных хозяев установить обязательность следует.

Точно также должна быть пересмотрена нынешняя система Наркомтруда определять ежемесячно предельный минимум заработной платы настолько ниже действительно существующего в стране, как это когда-то, за год до нынешнего времени (в начале 1922 г.), делал НКФин с публикацией официального курса «довоенного» рубля сравнительно с существовавшим курсом его в жизни. НКФин от этой «детской болезни регулирования» уже почти излечился, а у Наркомтруда она еще в полном разгаре. Даже ВСНХ пишет в декабре 1922 г.: «В настоящее время минимум заработной платы уже отстает от фактического заработка почти втрое» (стр. 15 «Вопросов зарплаты»). Эта практика опять-таки покровительствует только злейшему частному мелкому эксплоататору, нанимателям домашней прислуги и т. п. лицам. Ибо государственные предприятия все равно платят в несколько раз больше наркомтрудовского минимума по своим договорам. Значит, выиграть на отставании законного минимума от фактически платимого государством может только частное лицо, напр., нанимающий кучу горничных нэпман, или набирающий безработных хозяйчик, или лавочник—и фактически выигрывают.

Покровительствовать этим элементам (как раз более зажиточным) и к тому же еще облегчать им таким понижением их издержек конкуренцию с государственными промышленными и торговыми предприятиями мы вовсе не заинтересованы. Потому и вопрос об определении размеров минимума тоже необходимо пересмотреть и приблизить его к фактически существующему в государственной промышленности.

Если отвлечься от этих и подобных им сравнительно мелких отдельных частных или технических возможных улучшений или исправлений,—то в общем вопросы формы и техники заработной платы разрешены у нас для настоящего времени удовлетворительно. Необходимо только усилить органическое общение профсоюзов с хозорганами для того, чтобы в будущем не могли развертываться такие кампании по поводу заработной платы, свидетелями, какой мы были в начале 1923 г., и чтобы, с другой стороны, союзы всегда были в курсе относительно

действительной калькуляции себестоимости и цен наших трестов и т. д. Одним словом, в новых формах и применительно к тому, что на этот раз имеем дело не с частными хозяевами, а с госорганами, хотя и переведенными на «хозрасчет»,—надо восстановить своего рода «рабочий контроль». В этом смысле без существенной ломки наличных отношений, т.-е. без вмешательства союзов в административное управление производством, могли бы быть выдвинуты пока такие, напр., меры: 1) обязательная организация школ красных директоров и обязательное участие профсоюзов в обсуждении кандидатур в директора предприятий и члены правлений с закреплением этого законом; 2) организация наблюдательных комитетов при трестах и при предприятиях с участием представителей профсоюзов не только с последующими ревизионными функциями, но и с правом ознакомления и наблюдения за всей деятельностью предприятия и треста, чтобы его операции не были книгой за семью печатями, чтобы они были открыты для профсоюзов, чтобы союзы могли сознательно относиться к делу во всякое время, подобно тому, как организовала в свое время такие наблюдательные комитеты буржуазия при своих буржуазных акционерных обществах (а не только ревизионные комиссии с последующими функциями); 3) организация при каждом тресте «совета треста», куда входили бы все директора и председатели фабзавкомов всех его предприятий—для разработки вместе с правлением треста производственных и операционных планов и т. п. в порядке предварительного их обсуждения и достаточного учета опыта, почина, возможностей и условий отдельных, входящих в трест, предприятий.

Без усиления органического общения между профсоюзами и хозорганами, мы рискуем упереться в очень вредный уклон в деятельности хозоранов, неудивительный, если вспомнить сказанное выше о некоторых элементах их состава, о роли в них «предпринимательски» настроенных «специалистов».

Примерами такого уклона в «буржуазную сторону нэпа», как выразился тов. Зиновьев, начинает уже довольно энергично наполняться хроника профсоюзных органов. Время для партийно-государственного вмешательства явно назрело. Даже такой осторожный наблюдатель, как питерский тов. Евдокимов, пишет в своем отчете «о неналаженности отношений с хозяйственниками» следующее:

«Союзам с большим трудом удается, часто окольными путями, добывать сведения о действительном материаль-

ном положении предприятий и трестов, без чего невозможна правильная тарифная работа.

«Тресты зачастую сами плохо знакомы с рессурсами предприятий, а Промбюро—с положением трестов, да еще вдобавок вокруг этих вопросов, вместо сотрудничества с союзами, затевают с ними борьбу. Это сказывается и на общих вопросах.

«Все это вызывает соответствующую, тоже нездоровую реакцию со стороны союзов. В вопросах заработной платы они настраиваются на воинствующий лад, а из этого «лада» получается общий разлад.

«Это нужно устранить. У обеих сторон это непроизводительно отнимает много времени и сил, мешает об'ективному подходу к вопросам заработной платы и к ряду других общих хозяйственных вопросов» («Труд» от 8 марта 1923 г.).

Средством такого устранения и является указанное органическое сближение хозорганов с союзами. Когда два года назад прекращена была «двойственность в управлении», фактическая двойная ответственность директоров и перед хозорганами и перед союзами—то при упразднении признанных в то время нецелесообразными методов связи они не были заменены какими-либо иными, более подходящими к новым «рыночным» условиям. Союзы и хозорганы оторвались друг от друга. Значение вставшего перед нами в начале 1923 г. вопроса о заработной плате заключается не только во внесении ясности в самый этот вопрос, но и в выяснении необходимости оздоровить союзно-хозяйственные отношения. Закрывать глаза на эту задачу было бы глупо, бесцельно и бесплодно. Она поставлена жизнью, и от нее нельзя спрятаться или отмолчаться—ее надо решать и решить.

Не могут быть признаны нормальными отношения, при которых центральный орган профсоюзов «Труд» на первой странице, жирным шрифтом, «от редакции», под заголовком «Мы предупреждаем» грозит хозорганам забастовками за помеху рабочим писать в газету: «Мы, пользуясь случаем, предупреждаем всех, кто покусится на право рабочих писать в свою газету, что будем отстаивать безопасность этого права для рабочих всеми средствами, предоставленными профсоюзам новой профполитикой... Мы уверены, что в отстаивании этой безопасности, мы встретим полную поддержку со стороны всех профессиональных союзов...» (20 марта 1923 г., по поводу увольнения рабочего корреспондента директором треста «Взрывсельпром»).

Для отношений этого типа показательна в том же «Труде» (от 11 марта) корреспонденция из Одессы «о походе хозяйственников за постепенное снижение зарплаты», где говорится:

«Характернее всего то, что застрельщиками этой кампании являются хозорганы местного значения, предприятия коих находятся на полной самоокупаемости и в большинстве своем работают на рынок. Настроения центра быстро передаются провинции, и прорыв в зарплате уже имеется на лицо во многих союзах (рабкомхоз, частично металлисты, рабземлес, медсантруд и др.)». Автор сообщает: «по 11 союзам заработная плата понижена от 1 до 18% стоимости госплановского набора продуктов. Большинству союзов приходится перейти от наступления к обороне» (там же).

Отношения «обороны» и «наступления» между профсоюзами и хозорганами совершенно ненормальны для советского государства. Это не война с Польшей, где Буденный производил маневры оборонительные и наступательные и всякие иные (бывает еще «позиционная война»,—своего рода «удержание уровня»).

В советском государстве хозорганы и профорганы одинаково должны всемерно стремиться к возможному, при данных условиях, улучшению положения рабочих. У них не может быть взаимных тайн. Если т. Евдокимов,—даже т. Евдокимов, ибо не каждый хозорган решится отказать в сведениях т. Евдокимову, как известно, не последнему человеку у нас в России,—если даже он принужден печатно жаловаться на создание хозорганами коммерческой тайны от союзов, то, значит, дело зашло достаточно далеко. Верх бюрократического извращения в советском государстве—не предоставлять профсоюзам полной, безоговорочной до конца возможности ознакомиться с положением хозоргана и уяснить себе тем самым действительные перспективы заработной платы и пр. условий.

В том, что имеются такие извращения, и заключаются достаточно веские указания как на наличность правового уклона в буржуазную сторону нэпа у различных элементов хозяйственников, так и на необходимость его парализования установлением какого-либо, соответствующего нынешним условиям, сближения между союзами и хозорганами, примерно указанного типа (широко организованная подготовка рабочих директоров, обязательность предварительной оценки кандидатов профсоюзом, участие союза в наблюдательном комитете, радикально

устраняющие возможность коммерческих тайн от союзов и т. п.).

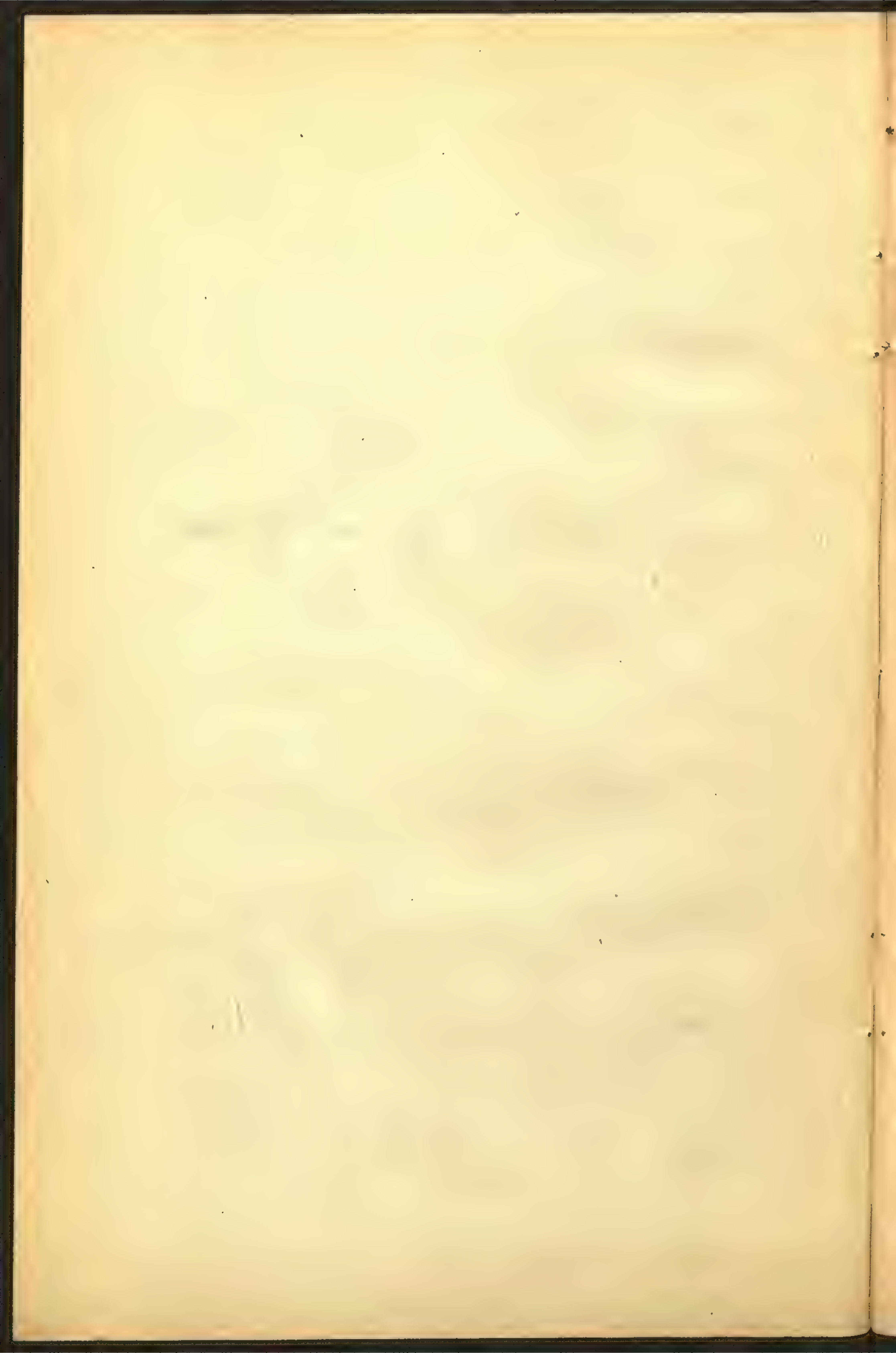
Советское государство не нашло еще окончательных форм взаимоотношений между профсоюзами и предприятиями и все годы своего существования находится в этом отношении в процессе искания и экспериментирования. Не так легко сразу создать новые **прочные** формы управления предприятиями, вместо существовавших целые столетия. Ясно, во всяком случае, что сейчас еще не пришло время постановки вопроса об общем пересмотре отношений, наличных в данный момент—слишком недостаточно еще для того предпосылок.

Тем необходимее и неотложнее выпрямление крена на правый бок, какой имеет тенденции переживать в своих отношениях к профсоюзам не малое количество наших хозорганов. Здесь дело заключается не в том, чтобы просто «перетряхнуть» слишком оторвавшуюся от основной линии часть хозяйственников, или, вернее, не столько в том: ибо в известном количестве и перетряхиванье бывает полезно. Но дело все же не только в погоне за отдельными случаями, в исправлении отдельных проявлений взаимной **оторванности**, **а в создании условий**, которые в возможно большей степени появление такой оторванности **предупреждали бы**.

Для партии, взявшей власть в свои руки и одних своих членов посылающей в фабзавкомы, а в других в директора фабрик; для рабочей партии, совокупность которой олицетворяет собой государственную власть и члены которой работают в то же время по найму на государственных заводах,—для такой партии внимательнейшее отношение к вполне здоровому состоянию отношений между профсоюзами и заводоуправлениями и прочими хозорганами имеет первостепенное, вряд ли чем много превосходимое значение. Вот почему мы считаем необходимым у входа во второй, вообще более упорядоченный, более организованный, более «плановый» период нэпа,—теперь видимо начинающийся,—поставить вопрос о подыскании форм, которые организационно и юридически обеспечили бы профсоюзам тот живой контроль над хозорганами, без которого оторванность и расхождение должны все вновь возникать и расти. Это уже не двойственность в управлении, не двойственность в подчинении—но активный, постоянный, законом закрепленный контроль, обеспечивающий профсоюзам полное знание положения, а хозяйственникам то «оберегание» их от уклонения в буржуазную сторону нэпа, о котором столь кстати писал в текущем марте в «Правде» тов. Зиновьев.

Хорош тот хозяйственник, который подымает производство, но он никуда не годится, он не годится на роль *советского* организатора производства, если не умеет делать этого, не «испортив отношений» с профсоюзами, не оторвавшись от рабочей массы, не оттолкнув ее морально и политически от представляемого им пролетарского государства. Вот основное, вот первое правило для хозяйственной работы в нашей стране.

III. ОБЛОЖЕНИЕ ДЕРЕВНИ И ХЛЕБНЫЕ ЦЕНЫ



Положение хозяйства и взаимоотношения его частей значительно изменилось сравнительно с довоенным временем. Поэтому теперь нормальное для нынешних условий соотношение цен (земледельческих и промышленных) неизбежно должно быть иным, чем тогда. Таков факт, которого не могут изменить ни циркуляры, ни газетные статьи, раз отношения распределения строятся в данном обществе на основе применения товарно-рыночных методов. Таков факт, к которому должны одинаково приспособиться и деревня и город.

Совершенно очевидно, что покуда розничные цены промышленных изделий (единственно-важные для крестьянина-потребителя) складываются на вольном рынке (т.-е. на основе обычных для него общественно-экономических законов, а не какой-либо великодушной филантропии или политического насилия),—до тех пор произвольное понижение государством своих оптовых фабричных продажных цен целиком пошло бы на пользу своих оптовых фабричных продажных цен, целиком пошло бы на пользу посредника-торговца. Ибо розничные цены следовали бы соотношению сил на рынке и только.

А соотношение это таково, что во всех трех основных пунктах создает необходимость поднятия уровня цен промышленных сравнительно с уровнем цен сельско-хозяйственных. Промышленность больше пострадала от революционных войн, чем сельское хозяйство, ее продукция достигает лишь около 25% довоенной, а сельское хозяйство производит свыше 65% довоенного—потому неизбежно на каждую единицу в промышленности должно приходиться больше производственных расходов (сравнительно с довоенным периодом), чем в сельском хозяйстве. Затем покупательная сила сельского населения сократилась меньше, чем населения рабочего, ибо средняя заработная плата составляет лишь до 50% довоенной, а крестьянин сохранил свой быт в среднем на гораздо более высоком уровне—благодаря исчезновению помещичьей эксплоатации и уменьшению тяжести налогов, можно считать, крестьянин сохранил все 100% (см. ниже). Наконец наличие в стране промышленных продук-

тов сократилось и абсолютно и относительно гораздо больше, чем сельско-хозяйственных.

При таких условиях,—и принимая во внимание размеры продукции промышленной и крестьянской и т. д.,—надо считать для нынешнего периода нормальным отношение примерно до одного к двум, т.-е. повышение уровня промышленных цен над уровнем земледельческих, примерно, не свыше чем вдвое, сравнительно с довоенным. Иное, значительно отличающееся от этого соотношение означало бы принудителное отчуждение части ресурсов промышленности в пользу сельского хозяйства вопреки действительно сложившейся экономике станы. Таков опыт мы пережили уже в «голодные» (для города) годы гражданской войны, когда белогвардейцами были отрезаны хлебные районы,—а затем по их возвращении, когда не была еще в достаточной мере востановлена с ними связь.

В те полуголодные годы, напр. в 1920 г., промышленное производство было еще меньше нынешнего, но под влиянием голода рабочий-горожанин отдавал крестьянину промышленные изделия за бесценок. Это продолжалось ряд лет и этим совершенно ненормальным соотношением цен в последние годы прежде всего и об'ясняются, как крупная убыточность государственной промышленности, так и малый доход промышленного рабочего. Если бы не привходил в 1921 г. и в 1922 г. тот «политический» момент (страх голода среди городского населения), бросивший за борт всякий «хозяйственный расчет», то промышленность наша уже раньше перестала бы быть убыточной—как перестает она быть ею теперь благодаря ликвидации голода в городах и благодаря постепенному приближению отношения цен к нормальным для настоящего времени.

Исходя из своей оценки русского хозяйства автор этих строк, в начале ноября 1922 г. на докладе в «Деловом Клубе», указал на желательность и неизбежность движения цен в указанном направлении, хотя по бывшему в то время известным октябрьскому индексу Госплана цены расходились еще сравнительно мало: промышленные были выше сельско-хозяйственых на 1 октября лишь на 11%. Но уже на 1 января 1923 г. промышленные выше хлебных потому же оптовому индексу Госплана на 59%, на 1 февраля на 80% и на 11 марта на 84% (более позднего индекса пока не опубликовано).

К концу января оптовые хлебные цены составляли

лишь около 70% довоенных, а оптовые цены промышленных товаров около 130% в среднем (индекс Госплана на 21 января) и с тех пор соотношение это почти не изменилось. При обсуждении значения создающейся экономики низких хлебных цен в нашей печати было выдвинуто против них три основных возражения:

1) Они не дадут возможности продать в деревню соответственную часть промышленной продукции;

2) они убьют в крестьянине охоту к дополнительному посеву и вообще затормозят развитие сельского хозяйства;

3) они затруднят собирание в деревне денежных налогов и тем ухудшат состояние государственных финансов.

Разберем эти возражения по порядку. Ведь некоторые из них успели уже с значительной быстротой превратиться в ходячую монету. Между тем поверхностность их равна их экономической необоснованности. Пущенная в оборот идейно-политическая монета сказывается весьма невысокой пробы и подлежит возможно радикальному из'ятию, если мы не хотим свернуть на опасный экономически и чуждый нам по классовому смыслу путь. Разумеется, вопрос надлежит обсуждать не с узко потребительской точки зрения той или иной отдельной группы рабочих, а под углом зрения общих интересов рабочего класса и, следовательно, народного хозяйства Советской республики, как опоры пролетарской диктатуры.

1. Рынок сбыта для государственной промышленности складывается из трех частей: 1) заказы государственных органов (для армии, для транспорта, для самой промышленности и т. д.); 2) потребление рабочих и некрестьянской буржуазии; 3) потребление крестьян.

По годовому ориентировочному бюджету государственной промышленноти на 1922—23 гг., опубликованному в «Эк. Ж.», из всей валовой продукции реализуется «в порядке исполнения ведомственных заказов» более половины, именно 50,6%. В действительности, государственная промышленность работает на само государство даже больше, чем на половину, ибо целый ряд предметов,—напр., мыло, государственные органы приобретают в порядке обыкновенных «вольных» торговых рыночных сделок, а вовсе не на основе предварительных твердых ведомственных заказов. Отдельные отрасли промышленности, как угольная, металлическая и др., почти полностью работают сейчас на государство (напр., даже металлообрабатывающая на целых 86% своей продукции, согласно проверенной Госпланом программе—см. «Эк. Ж.» от 24 февр.).

О потреблении промышленных продуктов рабочим клас-

сом в настоящее время интересные сведения представляют данные МГСПС об установленном им среднем бюджете московского промышленного рабочего («Эк. Ж.» от 18 февр.). Весь средний бюджет 420 милл. руб. старого образца в месяц (данные на февраль). Из них на промышленные продукты: сахар, соль, одежду, обувь, мыло,—тратится почти 145 м. р. Если прибавить сюда еще половину расхода на освещение (керосин, электричество) и половину расхода на газету (типография), то в общем получится 40% рабочего бюджета идет теперь на приобретение продуктов промышленности. В действительности эта доля значительно выше, ибо к ней следовало бы отнести еще часть расходов на воду и жилище (строительные материалы, водопровод), на баню, на почту и т. д.— для Москвы можно без преувеличения считать 50%, а для России в среднем не менее 40%. Этому соответствуют, между прочим, расчеты ЦСУ о прдовольственной части расходов рабочих бюджетов, а равно опубликованные в «Труде» данные ВЦСПС о пищевой части бюджета уральских рабочих.

Средний промышленный заработок составлял к концу 1922 г., как известно, половину довоенного, т.-е. около 11 руб. товарных (довоенных золотых) в месяц. Заработок транспортников ниже, а заработок совслужащих выше заработка промышленников. Грубо приблизительно можно поэтому для нашего подсчета принять величину промышленного заработка за среднюю для всей совокупности рабочих и служащих России. Количество всех рабочих и служащих, об'единяемое профсоюзами, на 1 октября 1922 г., составляло почти ровно 5 милл. чел. (действительное число рабочих больше, так как не все фактически входят в союзы, напр., домашняя прислуга,—так что принимая 5 милл., мы преуменьшаем промышленное потребление пролетариата). При указанном среднем заработке и проценте расходов на промышленные продукты, получаем, что рабочие и служащие покупают теперь в год примерно на 260 милл. довоенных золотых (товарных) рублей всяких промышленных изделий. Розничные цены были вдвое выше оптовых, как показывает сравнение публикуемых НКФ и Госпланом данных, так что в переводе на подсчет фабричной продукции, производимый по оптовым ценам, это составляет около 130 милл. руб.

Рабочие и служащие с членами своих семей составляют около 10% населения. На крестьянство приходится около 80%, значит все некрестьянские буржуазные слои вместе взятые (торговцы, самостоятельные ремесленники, неслу-

жащая интеллигенция и т. д.) по численности равны приблизительно пролетариату (со служащими). Считая потребление промышленных продуктов всеми этими буржуазными слоями в среднем только вдвое выше на душу, чем у рабочих,—получим около 260 милл. руб. по оптовым ценам.

Вся продукция государственной промышленности (если взять сел.-хоз. год 1922—1923) составляет, как известно, около 1 тысячи милл. довоен. товар. руб. Если из этого государство берет половину, т.-е. 500 милл. (факт, установленный подсчетом ведомственных заказов в бюджете ВСНХ), и если пролетариат и буржуазия вместе потребляют почти 400 милл. руб., *то на долю крестьянства вообще теперь остается только примерно на сто милл. руб. в год промышленной продукции*, считая по оптовым ценам. В розничной продаже в деревне это превращается, вероятно, примерно в 250 милл. руб.

Между тем избыток у крестьян для закупок на рынке (сверх сдачи продналога) наше ЦСУ определяет около 500 милл. руб. Наше ЦСУ из осторожности скорее преуменьшает благоприятное состояние крестьянского хозяйства (как установил недавно Госплан относительно площади посевов), но примем эту цифру. Считая понижение уровня хлебных цен относительно уровня промышленных (сравнительно с периодом исчисления ЦСУ), покупательную силу деревни надо считать около 380 милл. руб. Из этого она покупает на 250 милл. промышленной продукции, да на 100 милл. кустарной (ЦСУ осенью считало кустарную промышленность около 120 милл., при чем часть ее изделий, например, часть валенок, идет в город). Иначе сказать, наступивший перелом цен нисколько не уничтожил «коммерческую» возможность размещения в деревне той части промышленной продукции, которая приходится на ее долю. Наоборот, он только восстановил равновесие, которое нарушено было годами голода.

Конечно, в будущем, когда промышленность значительно развернется, доля ее продукции, какая может быть предоставлена деревне, увеличится, но в 1923 году надо считаться при определении покупательных перспектив с положением именно 1923 г.

Насколько неосновательны опасения относительно сбыта, показывают лучше всего фактические отчеты за декабрь — март 1923 г., т.-е. за период низких хлебных цен. По анкете ВСНХ среди трестов *декабрь* 1922 г. по размерам сбыта превзошел даже самый высший из всех остальных месяцев 1922 г.—сентябрь (по подсчетам в товарных руб-

лях, т.-е. по реальному). Далее по отчету Москов. Товар. Биржи (центрального оптового промышленного рынка страны) все обороты, как биржевые, так и внебиржевые промышленных госорганов, тоже считая в золотых рублях, в январе 1923 г. превысили декабрьские на 38% (см. «Торг.-Пр. Газ.» от 16 марта), затем в феврале опять превысили январьское на 30% и, наконец, за первые две недели марта продолжалось «усилившееся оживление» (более поздних отчетов еще нет). Опыт жизни подтверждает, стало быть, правильность изложенных воззрений.

Влияние наступившего понижения хлебных цен на развитие самого сельского хозяйства иногда совершенно некритически воспринимается, как какая-то катастрофа. В действительности мы имеем здесь дело с совершенно целесообразным давлением, какое хозяйство страны рыночными методами производит на земледелие для направления его в надлежащую сторону. В стране с централизованно-управляемым хозяйством, не знающим торговли, изменение соотношения частей в сельском хозяйстве происходило бы в силу прямых велений государственной власти. У нас, при господстве товарно-рыночных методов, процесс выпрямления, выравнивания сельского хозяйства в соответствии с интересами всего «национального хозяйства» в целом, происходит преимущественно стихийным путем, при посредстве изменения товарных цен.

Сельское хозяйство дает стране: 1) продовольственные и фуражные хлеба (включая сюда же картофель), 2) технические растения, служащие сырьем для промышленности (лен, хлопок, конопля, подсолнечник, сахарная свекла, табак и пр.); 3) продукты животноводства; 4) овощи и фрукты.

Россия испытывает теперь острый недостаток в промышленном сырье и отчасти в продуктах животноводства, а хлеб, наоборот, имеется в достаточном количестве (так как в голодные годы 1918—1921 произошел в сельском хозяйстве слишком большой сдвиг в сторону чистого продовольствия). Согласно с этим, уровень цен на продукты сельского хозяйства развивается вовсе не одинаково. В процентах к довоенному уровню по индексу Госплана на 1 марта цены составляли:

Хлебные	72%
Животные продукты	86%
Сельск.-хоз. сырье для текст. пром.	123%

Таким образом, на рынке цен не происходит никаких чудес—все нормально. Не только в том смысле нормально,

что есть об'яснение для данного состояния цен, но и в том смысле, что взаимоотношения их правильно отвечают интересам республики. Ибо эти цены определенно толкают деревню в сторону увеличения производства промышленного сырья и продуктов животноводства, т.-е. как раз туда, куда надо. Толкают тем, что делают более выгодным производство как раз таких продуктов, в которых страна больше нуждается.

Но тут возникает вопрос, не ударит ли крестьян слишком сильно потеря на выручке от продаваемой части хлеба. На этот счет работа руководителя ЦСУ тов. Попова («К вопросу о политике цен» в «Эк. Ж.» от 2 марта 1923 г.), дает такие сведения на основании обследований нашей официальной статистики. Из всех крестьян никогда не продают хлеба и, наоборот, покупают его—35% (беспосевные и малопосевные). Затем 13,5% почти никогда не продают и преимущественно покупают (это—имеющие от 11½ до 17 пудов на душу в год). Таким образом, почти 50% крестьянства вовсе не заинтересованы в высоких хлебных ценах, а наоборот в низких.

Из этого, кстати сказать, следует, что значительное большинство населения России заинтересовано в неповышении хлебных цен. Ибо крестьяне составляют 80% всего населения, отсюда половина дает 40%, да еще остальная часть населения, некрестьянская (20% всех жителей страны). Таким образом, у нас 60% населения покупает хлеб и 40% населения продает хлеб.

Но и благосостояние этих 40%, которые продают хлеб, вовсе не построено главным образом на продаже хлеба. ЦСУ произвело обследование в ряде губерний (на территории с 45 милл. жителей—от Орла и Пензы до Минска и Новгорода) и выяснило, что из всей суммы, на какую крестьяне продали или выменяли продукты своего сельского хозяйства, приходится на:

Хлеб	16,3%
Картофель	16%
Сено, солома	0,8%
Технические растения	9,2%
Живой скот	13,2%
Животные продукты	22,8%
Птица и яйца	2%
Овощи и фрукты	18%
Мед, воск и пр.	2,6%
	100%

Таким образом, из того, что крестьянин продает, на товары со значительно пониженными ценами (хлеб, картофель) приходится лишь одна треть. Это и понятно, ибо главная часть потребностей государства и города в хлебе удовлетворяется продналогом. Потому понятно, что в крестьянских продажах главную роль играет не хлеб, а такие продукты, индекс цен на которые не испытал «катастрофического понижения», именно—промышленное сырье и продукты животноводства. Потому совершенно неправильно из факта понижения хлебных цен делать поспешное заключение о равном понижении покупательной способности даже той половины крестьян, которая хлеб продает, не говоря уж о той половине их, которая хлеба не продает.

Легко видеть, что если бы хлебные цены вместо нынешних 73% довоенных, удалось бы довести до полных 100%, то это повысило бы общую выручку крестьян за продаваемые ими продукты только на 12% (ибо сейчас выручка от хлеба и картофеля составляет 32% всей суммы продажи). Если бы «продающая» половина крестьянства расширила на всю эту величину потребление свое промышленных продуктов, то гораздо больше промышленность потеряла бы:

1) От увеличения затрат остальной половины крестьянства на покупку хлеба (вследствие его вздорожания на треть) и от сокращения поэтому ею покупок промышленных изделий;

2) от увеличения расходов некрестьянской части населения на покупку хлеба (вследствие его вздорожания) и от сокращения поэтому промышленного потребления.

Между тем вся продажа и обмен хлеба составляют в хозяйстве даже «продающей» половины крестьян настолько, сравнительно, небольшую часть их бюджета (дело идет о потере или выигрыше трех рублей золотом в год, в производящей полосе по подсчету тов. Попова), что нынешний уровень цен не грозит никаким «прекращением засева полей» и прочими ужасами, какие рисует напуганное воображение панически настроенных людей.

Не мешает помнить, что в годы «военного коммунизма», когда крестьянское хозяйство было часто много невыгоднее и «рискованнее» теперешнего—и тот «стимул к сокращению посевов» (о котором нам столько проповедывали и тогда) так и не проявился. За 1917—1920 г.г. площадь посевов сократилась в России лишь незначительно (менее чем на 10% по подсчету Госплана) — меньше гораздо, чем за один имевший место после того (уже при нэпе) неурожай [1].

Последствия высоких хлебных цен, при нынешних условиях для наших **финансов** должны быть вовсе не так благотворны, как может казаться при упрощенном, некритическом подходе к делу. Мы видели уже, что весь выигрыш крестьянства на разнице в продажной цене продаваемой им части хлеба (при повышении этой цены), так невелик, что фактически не может влиять даже ни на расширение, ни на сокращение «воли к посеву». Для взимания с деревни денежных налогов этот выигрыш предоставил бы еще меньший простор, так как часть его пришлось бы оставить самим крестьянам (желательностью этого ведь и мотивируется все стремление к повышению уровня хлебных цен). Для того, чтобы сделать выигрыш большим, надо было бы **отменить продналог, не заменяя его одновременно равноценным денежным налогом**. Только тогда продажа хлеба займет во всех продажах крестьянина не одну треть, а господствующее положение (как было до войны, когда не было продналога) и только тогда выигрыш будет действительно оставаться в распоряжении крестьянского хозяйства. Прибавим:—к величайшему вреду для интересов всего «народно-хозяйственного целого». Ибо сейчас эти сборы **с крестьян идут на работу военных заводов, железных дорог, угольных шахт** и т. п. предприятий, без которых не может существовать страна вообще и крестьянская свобода в частности. А тогда они пошли бы на покупку крестьянином лишнего сахара, ситца, плуга, — но не на обслуживающие транспорт и армию металлические заводы и т. д. и т. п.

Если предложение отменить продналог или не заменять его в равной мере денежным для нас неприемлемо, — то сколько нибудь значительных налоговых выгод от повышения хлебных цен ожидать не приходится (между прочим, даже частичная замена продналога деньгами в условиях постепенного падения курса рубля, может оказаться существенным частичным уменьшением налога: потому—не касаясь некоторых мест с особыми условиями,—она может быть принята лишь условно, с осени 1923 г., если к тому времени установится сравнительная устойчивость курса).

Зато отрицательные последствия повышения хлебных

---

1) Русское крестьянское хозяйство десятками лет привыкло к погодным колебаниям цен, иногда даже более значительного размера, но тем не менее размер посева не плясал сейчас-же ежегодно вверх и вниз, как на канате. Органическое строение крестьянского хозяйства не допускает возможности для него, легкого безболезненного произвольного сокращения вообще.

цен для государственных финансов очень велики—далеко превышают возможный небольшой выигрыш на денежных налогах с деревни. Во-первых, оно ведет за собой значительное увеличение эмиссии. Председатель ЦСУ тов. Попов высчитал, что необходимо было бы за январь 1923 г. напечатать до 160 триллионов руб. лишних денег, если бы хлебные цены повышены были даже только на 30%. Это означает увеличение эмиссии на целую четверть, т.-е. значительный удар всем стремлениям к постепенному ее уменьшению. Между тем, теперь классовое значение эмиссии совсем иное, чем было в голодные для города годы русской революции. Тогда 80% денежного заработка рабочего (и даже больше) шло на покупку продовольствия—почти вся эмиссия (выпуск новых бумажных денег) попадала в конце концов в деревню, а крестьянин отдавал за нее настоящие продукты. Проще говоря, эмиссия (печатание новых денег) была скрытым налогом на крестьянина: государство печатало деньги, раздавало их рабочим, а те меняли их у крестьян на продовольствие.

Теперь положение другое: теперь рабочий из своего бюджета только одну треть тратит на покупку продовольствия деревенского происхождения. Потому теперь эмиссия ложится на крестьянина сравнительно лишь небольшой частью, а в большей своей части является скрытым налогом как раз на рабочих, служащих и промышленность. Потому представители близоруко-понятых крестьянских интересов сегодняшнего дня так охотно теперь соглашаются на рост эмиссии—и потому именно теперь мы стали особенно против него. Говорю о «близоруком» представительстве крестьянских интересов защитниками высоких хлебных цен для настоящего периода,—ибо они из-за деревьев не видят леса. Стремление верхней половины крестьянства сейчас же, сегодня же, зашибить лишнюю копейку, заслоняет здесь общий, основной интерес крестьянства—обязательно обеспечить, хотя бы ценой временных жертв и некоторого урезывания аппетитов, — восстановление промышленности и транспорта, без чего грозила бы опасность крушения всему советскому государству, а с ним и крестьянской независимости от помещиков и всем надеждам деревни на еще лучшее будущее.

Следует заметить при этом, что при исчислении увеличения эмиссии для повышения хлебных цен, тов. Попов (сам являющийся сторонником такого повышения, не только экспортом, но и довольно энергичными мерами внутрен-

него свойства) допустил одно условие, которое может быть в жизни осуществить бы не пришлось (а это еще увеличило бы потребность в печатании новых денег). Именно, он полагает, что при повышении хлебных цен неизбежно понизится несколько реальная заработная плата и считает, что рабочим будет возмещаться лишь две трети того повышения хлебных цен, какое упадет на них. Но если рабочие начали бы таким образом есть меньше хлеба, то это вряд ли хорошо подействовало бы на производительность труда.

Далее мы имели бы увеличение убыточности государственной промышленности. Если для всей государственной промышленности крестьянское потребление промышленных продуктов представляет в общем лишь небольшую величину (немногим более 100 милл. руб. по оптовым фабричным ценам),—то для некоторых отраслей легкой индустрии оно весьма важно (напр., производство хл.-бум. тканей, сел.-хоз. орудий и т. д.). Крупное изменение в соотношении уровня цен промышленных и земледельческих превратило бы эти отрасли промышленности из бездефицитных в убыточные. Между тем как раз эти отрасли дают главную часть вообще падающего на государственную промышленность промыслового налога. А промысловый налог, как известно из отчета Наркомфина, является сейчас основным денежным налоговым доходом государства и мест. Он дает не те ничтожные величины, какие приносит непосредственное обложение деревни [1]), но большую половину всех денежных налоговых поступлений. Потери от него далеко превышали бы небольшой выигрыш от повышения хлебных цен на денежном обложении деревни.

Насколько неизбежно учитывать убыточность промышленности при росте хлебных цен — наглядно показывает упомянутая работа тов. Попова, прямо кончающаяся требованием более энергичного проведения в жизнь «свертывания государственной промышленности». Ибо раз наша промышленность не может работать безубыточно на основе несоответствующих хозяйственному положению страны высоких хлебных цен—то не является ли выходом закрыть эту промышленность, а для крестьян привозить дешевые индустриальные товары из-за границы,—лишь бы только

---

[1]) В местном бюджете поступления от обложения деревни (согласно опубликованным НКФ в «Эк. Ж.» от 11 февр. сведениям) за период октябрь—декабрь 1922 г. составили только 14%, т.-е. меньше одной седьмой части. Об общегосударственном бюджете см. ниже.

осуществить поднятие в стране хлебных цен, обычным, «рыночным» способом не желающих подниматься? Мы полагаем, что это не выход, что идти таким путем не следует, а потому не надо и принимать таких, предлагаемых т. Поповым и др., мер, как прекращение реализации государственного хлеба (чтобы повысить искусственно цены на рынке), как покровительство частному капиталу в хлеботорговом деле вместо государственного, как изменение характера нашего экспорта (см. ниже) и т. д.

Увеличение печатания новых денег, падение реальной заработной платы, уменьшение государственных доходов от промышленности—ко всему этому надо прибавить еще у с к о р е н и е п а д е н и я к у р с а р у б л я, которое должно явиться при данных условиях естественным следствием столь значительного увеличения эмиссии без соответственного увеличения производства (ибо ведь урожай то уже собран еще осенью 1922. г., а промышленность от роста убыточности вообще не процветет) и без увеличения массы обращающихся товаров (ибо ведь продналог-то уже собран в этом году и обратно государство его не раздарит для увеличения «процента товарности в хлебной продукции»).

* * *

Близорукая защита неправильно понятых крестьянских интересов, притом экономически необоснованных, вот как приходится охарактеризовать поднятую в нашей печати тревожную кампанию по случаю значительного расхождения нынешней зимой степени вздорожания хлебных товаров и степени вздорожания промышленных изделий.

Политический смысл кампании сводится к пересмотру существующих междуклассовых отношений в сторону перераспределения национального дохода от рабочих и крестьян, от промышленности к сельскому хозяйству. Такая постановка задачи совершенно не соответствует основным, как политическим, так и экономическим интересам страны. Смешно думать, что та или иная «экономическая» позиция может быть рассматриваема и оцениваема без участия в деле «политического» угла зрения. Правда, когда-то профессора университетов обращались к царскому правительству с требованиями для себя свободы самоуправления, неприкосновенности личности и т. д., воображая, что это чисто «академический вопрос», не имеющий в себе, как тогда говорилось, «ни грана политики». Но царское правительство отлично понимало где политические раки зимуют—хотя иные из профессоров, действительно искренне (по своему политическому недоразвитию) не понимали

тогда связи между свободой университетской и общей буржуазной свободой.

В самом деле, если развернуть всю цепь оценок и практических предложений, какие делают сторонники повышения хлебных цен (см. статьи проф. Кондратьева в февральских №№ «Эк. Ж.», стенограммы открытого заседания президиума Госплана 26 февраля, с участием ряда профессоров и пр.), то окажется совершенно цельная и определенная программа, примерно такого рода:

1) Государственное вмешательство для повышения хлебных цен на внутреннем рынке над уровнем, какой сложился для них в результате обычных рыночных условий.

2) Отмена продналога для полного использования продающей хлеб (т.-е. зажиточной) частью крестьян этого повышения (оговорочки о постепенности по сути тут ничего не меняют).

3) Прекращение государством снабжения имеющимся у него уже хлебом рабочих по нынешним ценам, чтобы не мешать частной, крестьянско-буржуазной торговле провести это повышение цен на практике.

4) Частичное понижение реальной заработной платы в связи с изменением цен.

5) Усиление печатания новых денег, как уже не ложащегося теперь большей частью на деревню, с целью обеспечить таким путем частичное перераспределение национального дохода в соответственном направлении.

6) «Свертыванье», закрытие государственных предприятий по их «убыточности» (совершенно неизбежной, раз уровень цен будет искусственно передвинут в пользу хлеба).

7) Организация за то широкого вывоза хлеба за границу частными капиталистами (взамен чего из-за границы пойдут к нам, конечно, другие товары).

На последнем пункте стоит остановиться, так как именно он является естественным завершением этой цепи, каждое звено которой логически тянет за собой следующее.

Мы тоже являемся сторонниками возможного развития вывоза за границу хлеба, поскольку внутренние потребности страны фактически полностью покрыты (что показывает и уровень цен) и поскольку у государства имеется запас для обеспечения дешевым хлебом рабочих и армии (между прочим потому нельзя упразднять продналог). Но этот экспорт должен быть экспортом государственным, а не находиться в руках частного капитала. Существенная разница заключается в следующем.

При государственном вывозе хлеба выручка попадает в руки государства и оно употребляет ее на привоз предметов необходимых для расширения в стране производства, для снабжения промышленности сырьем и машинами и т. д. Наша государственная власть стремится поставить всякие препятствия привозу в Россию таких изделий, какие могли бы быть сделаны у нас (хотя бы даже пока несколько дороже заграничных), чтобы не подорвать существования русской промышленности.

Наоборот, частным капиталистам их выручку естественно употреблять на закупку заграницей дешевых промышленных изделий, служащих личному потреблению (ситец и пр.) для продажи их затем в России (вместо продукции, имещих быть закрытыми по «убыточности», русских государственных предприятий). Частные капиталисты не имеют в России крупных заводов, железных дорог и т. д., для которых они стали бы покупать производственные материалы. Правительство, конечно, покупало бы прямо у заграничных первоисточников, а не через русских посредников, так что и для правительства покупать производственные предметы ввоза им не пришлось бы.

Таким образом вся операция означает широкий обратный ввоз в Россию заграничных промышленных изделий для целей личного потребления и для сельского хозяйства (плуги и пр.) с одновременным закрытием русской промышленности, как более дорогой. Понятно поэтому, почему логично мыслящие сторонники высоких хлебных цен, высказываются против практикуемого Россией «чрезмерного протекционизма» (препятствия ввозу в Россию заграничных промышленных изделий).

Перед нами две линии: или сочетать русскую деревню с заграничным капитализмом за счет ликвидации государственной промышленности — это путь высоких хлебных цен. Или наше возрождение строить на политическом союзе крестьянства и пролетариата—это путь установившихся, и при данных условиях нормальных, взаимоотношений. А впоследствии, после дальнейшего более значительного под'ема промышленности и транспорта, когда наступят, таким образом, в экономической действительности другие условия—тогда и другие взаимоотношения станут нормальными. Тогда произойдет некоторый обратный сдвиг цен в пользу деревни—но уже без всякого вреда для промышленности. Ибо достигнув индустриального полнокровия, 100% промышленной на-

грузки, организации государством торговли, повышения техники и т. д.—промышленный рабочий сможет без опасности для самого существования государства обеспечивать крестьянину промышленное снабжение на все более лучших условиях и во все более полной степени.

Но пытаться на 1923—1924 гг. искусственно переносить еще неродившиеся отношения грядущих лет—значило бы тормозить общий под'ем народного хозяйства и подрывать основы экономического существования и политического значения рабочего класса. Рабочему и крестьянину надо думать не о дележе между собой, а прежде всего об устранении того третьего, который между ними стоит,—торговой буржуазии. Очищение занятых ею позиций, охват посредничества между городом и деревней, с одной стороны, государственной торговлей, а с другой—торговлей крестьянских кооперативов: вот дорога. Этим путем овладев нынешней громадной торговой наживой буржуазии,—и крестьянство и пролетариат найдут в ней достаточный источник дополнительных средств и для того и для другого.

Вопрос о соотношении цен привлек к себе в крупной мере общественное мнение по той причине, что в условиях рыночных методов хозяйства именно этим путем, путем изменения уровня цен, решается вопрос о перераспределении средств между различными отраслями хозяйства.

После каждого большого потрясения хозяйства страны делается необходимым перераспределение наличных средств сравнительно с тем их распределением, какое имело место до тех пор. Необходимо подправить особенно ослабевшие места, необходимо выдвинуть и укрепить новые позиции, надобность в которых подчеркнута самым потрясением или его результатами.

Громадное потрясение, пережитое русским хозяйством за последнее десятилетие, и новые явившиеся задачи (электрификации и пр.) требуют, разумеется, такого перераспределения и у нас. В каком направлении неизбежно оно пойдет—показывает достаточно наглядно движение уровня цен промышленных и хлебных. Это тот стихийный путь, каким идет, каким отвечает на вопрос о «перераспределении» сама страна, едва только она вышла из обстановки войны, голода, мора. едва в ней стали складываться нормальные для данного момента экономические отношения.

Но кроме стихийного—есть путь и сознательного воздействия на перераспределение ресурсов между различными

отраслями. Необходимый перелив средств может проводиться в жизнь не только молекулярным движением цен, но и планомерной налоговой политикой государства.

Господствующий класс через органы власти может не только перераспределять средства внутри государственного хозяйства (напр., часть дохода легкой индустрии отдавать на поддержку тяжелой), не только определенным рабочим законодательством влиять на социальное (между классами) распределение дохода и в частном хозяйстве. Он может сверх того путем надлежаще направленной финансовой политики сознательно организовать систематический перелив средств из частного хозяйства в государственное, из земледелия и торговли в промышленность и транспорт и т. д.

Это орудие, этот прием политики оставался у нас в общем недостаточно использованным, и лишь постепенно организованная пролетариатом государственная власть научается им маневрировать.

Мы пользовались этим средством, разумеется, и в годы военного коммунизма, но тогда тяжесть государственного бремени, тяжесть борьбы за существование рабоче-крестьянского государства заведомо в гораздо большей степени упадала на город, чем на деревню. Если в деревне была «разверстка», попытки отобрания «излишков» и разные «реквизиции» для военных целей,—то в городе было крайнее понижение уровня жизни рабочих масс, расходование и износ без возмещения основных и оборотных средств промышленности, экспроприация буржуазии и т. д.—все шло в общий котел. Результаты мы знаем: Советская Россия отстояла свое существование, но город пострадал больше деревни, промышленность оказалась на более низком уровне продукции сравнительно с довоенным временем, чем сельское хозяйство.

Теперь, при постепенном переходе от прежней натурализации хозяйства к способам денежного выражения и регулирования его отношений,—естественно, все более выдвигается вопрос о задачах финансовой политики, именно как орудия перераспределения средств между различными отраслями хозяйства (земледелие, транспорт и т. д.) и различными общественными классами. Этому вопросу посвящен § 1 финансовой резолюции декабрьского С'езда Советов, этот вопрос («обложение деревни») включен в порядок дня апрельского партийного с'езда. Вышедший недавно

«Отчет Наркомфина за 1922 г.» (к С'езду Советов) позволяет уяснить себе положение дела.

В первую очередь берем местные средства. Как известно, на местный бюджет губисполкомов и уисполкомов возложены теперь в главной части расходы и на народное образование, и на охрану здоровья, и на содержание дорог, и на местные суды и т. д.,—одним словом, ряд важнейших для населения потребностей обслуживается теперь местным бюджетом. При этом по самому характеру таких потребностей, как здравоохранение или школьное дело, главную часть расходов приходится производить на содержание школьных, лечебных и т. п. учреждений именно в деревне. Согласно отчету НКФ (стр. 79), по всем имеющимся и разработанным НКФ данным из всех местных расходов приходилось (за январь—сентябрь 1922 г.):

на образование	25,1%
„ здравоохранение	11,1%
„ дорожное дело	4,5%
„ экономическое содействие сельскому населению	12,1%
„ администрацию	11,1%
„ коммунальное хозяйство	23,9%
„ прочее	12,2%
	100%

Эта сводка показывает, что из всего местного бюджета во всяком случае не менее 40 проц. расходуется для деревни и в деревне. Спрашивается, откуда берутся эти средства, за чей счет производится расход? Для этого надо, во-первых, ознакомиться с общим составом доходов всех исполкомов. Оказывается (стр. 84 отчета НКФ), что из всех доходов местных исполкомов в первые три четверти 1922 г. приходилось:

на пособие от государства	10,7%
„ поступление от промыслового налога	12,6%
на доходы от предприятий	37,0%
„ местные налоги	32,9%
„ прочие сборы	6,5%
	100%

Что из этих средств поступает из деревни в порядке ее обложения? Дотация (пособия и ссуды) от государства, невеликая по размерам, является вообще дополнением к мест-

ным средствам, и источник этой дотации подлежит выяснению при разборе источников средств не местного, а государственного бюджета (см. ниже).

Промысловый налог говорит за себя самым своим названием. Предприятия, которое дают свыше трети всех доходов,—это или городские коммунальные предприятия (дома, освещение, вода и т. д.) или находящиеся в ведении мест промышленные заведения (фабрики, совхозы и т. д.). Остаются местные налоги и прочие местные сборы, дающие вместе почти 40 проц. всех доходов. Спрашивается, с кого они собираются? На этот счет на стр. 63 отчета НКФ имеется таблица, охватывающая 85 губерний, т.-е. почти весь наш Союз республик с Киргизией, Сибирью, Туркестаном, Уралом, Украиной и Юго-Востоком вместе.

И вот оказывается—приводим подлинные слова отчета НКФ—«местные налоги и сборы в главной своей массе, 90 проц., собраны в городах, и только 10 проц. падает на сельские местности» (стр. 84). А так как все эти налоги и сборы достигают только 40 проц. всех доходов, то, значит, всего на долю крестьянства приходится лишь 4 процента, с городов собирается 86 проц., и государство добавляет 10 проц. Между тем, расходуется в пользу крестьян 40 проц.

Крестьяне получают в 10 раз больше, чем дают. Таково строение нашего местного бюджета, как оно было в 1922 г. Социальное содержание местного бюджета сводилось у нас, таким образом, к переливанию средств из города в деревню путем соответственного построения приходной и расходной части бюджета. Первым шагом к исправлению дела на 1923 г. должен был служить, как известно, подворно-поимущественный налог, собирание которого начато в последнее время. Каково его действительное значение, насколько он способен изменить к лучшему существующие неправильное распределение бремени «местного бюджета» между «городом» и «деревней»?

За декабрь и начало января опубликованы предельные размеры этого налога по 45 губерниям, в которых, по данным Центр. Статист. Управления, живет 58 милл. человек сельского населения, т.-е. около 50% сельского населения Союза Советских Республик. Налог установлен в бумажных советских рублях, и на эти 45 губерний высший предел его определен в 83 триллиона руб. (83 милл. образца 1923 г.). Значит, на все 100 проц. сельского населения всего Союза республик придется около 160 трилл. Если оклады налога публикуются только в декабре и январе, то хорошо будет, если его соберут полностью в среднем в марте. Сей-

час 1 зол. рубль стоит на вольной бирже около 32 милл. сов. руб. старого образца. Это значит, что если будут собраны все 100 проц. подворного налога, то вся цена его в золоте составит только около 5 милл. руб., а на душу сельского населения придется менее пяти копеек золотом в год. Это в десятки раз меньше, чем средний крестьянин вносил до войны одних только земских, волостных и т. п. местных сборов.

Таким образом, введение подворного налога в нынешних размерах еще не решает вопроса, который ставит перед нами об'ективное положение вещей. На пятачок в год местного хозяйства, не подымешь, а под'ем его необходим, как мы видели, особенно для удовлетворения потребностей самой деревни.

В текущем 1922—1923 году (с 1 окт. до 1 окт.) положение несколько улучшилось, но незначительно. По данным Наркомфина за первую четверть (октябрь—декабрь 1922 г.), все поступления с крестьян составили, правда, уже не 4%, но все же только 14% местного бюджета («Эк. Ж.» от 26 февр. 1923 г.).

* * *

Доходы нашего государственного бюджета складываются из натуральных налогов, денежных налогов, выручки от предприятий (транспорт, почта и т. д.) и поступлений от эмиссии (и займов). Продналог переводится на реальные довоенные деньги по довоенным ценам (равно реальное поступление гужналога). Эта часть доходов полностью собирается с деревни. Поступления от эмиссии в годы военного коммунизма почти полностью шли за счет деревни (как считает и член коллегии НКФ тов. Преображенский), затем, в 1922 г., примерно на половину, а теперь, в 1923 г., вряд ли более, чем на треть. Цену эмиссии в довоенных золотых рублях за 1921 и 1922 гг. берем по подсчету тов. Преображенского, как наиболее тщательно выполненному (по подсчету НКФ эмиссия несколько больше). Наконец, из денежных налогов и выручки от транспорта, почты и т. д. берем на долю крестьян половину, что представляет собой явное преувеличение. Работники Наркомфина даже по акцизам принимают только 40% на долю деревни. Но мы хотим избежать споров о недооценке падающей на крестьян тяжести—фактическое обложение крестьян меньше. Пересчет денежных поступлений и денежных налогов в реальные золотые рубли за 1922 г. произведен в отчете НКФ С'езду Советов. Пересчет на 1923 г. произведен НКФ в бюджете (по индексу Кон. Инст. НКФ), а за 1921 г. взят по индексу, опубликованному комиссией СТО. Хозяйственный год считается с 1 октября

до 1 октября. Эмиссия на 1922—1923 г. взята по опубликованному бюджету НКФ, продналог на 1922—1923 гг. согласно отчету о фактическом поступлении, которое может считаться законченным. После этого в круглых цифрах получаем такие итоги.

За 1921—22 хоз. год весь доходный государственный бюджет составил фактически около 720 милл. довоенных зол. руб. [1]). В том числе с крестьян всеми способами вместе получено около 480 милл., или 67%. За следующий 1922—1923 гг. весь реальный доходный государственный бюджет составит около 1.000 милл. руб. зол., в том числе с крестьян будет получено около 600 милл., т.-е. 60%. Это по моим расчетам, по сообщениям же работников НКФ получаются результаты еще более скромные. Так, по сообщению тов. Сокольникова и «Тор.-Пр. Газ.» от 28 февр. 1923 г., весь этот бюджет составляет 1.211 милл. руб. зол. по индексу кон'юнктурного института НКФина. В статье «Жить по средствам» в «Правде» от 15 марта 1923 г. член коллегии НКФ тов. Владимиров сообщает, что «в 1922—23 г. крестьянство уплатит вряд ли больше 450 милл. рублей». Таким образом, доля крестьянства в общегосударственном бюджете в текущем году оказывается лишь около 40%, меньше половины.

Если, в отличие от Наркомфина, я получаю не 40%, а 60%, то, во-первых, потому, что на текущий хозяйственный год беру бюджет не по росписи (свыше 1.200 милл. руб.), а только один миллиард, так как ожидаю реальное выполнение его примерно в таком размере. Во-вторых, я везде делал самые благоприятные допущения для крестьян, чтобы не было споров о преуменьшении участия деревни в несении государственного бремени. Поэтому, по моему, на крестьян падает около 600 милл. руб., а по тов. Владимирову—лишь около 450 милл. Впрочем, я не знаю методов его подсчета, и если он просто забыл участие крестьян в реализации эмиссии, то его цифра не настолько уж отстает от моей (но все-же отстает). Но мы возьмем высшую, явно несколько преувеличенную величину, ибо и при этом результат будет достаточно убедителен и, стало-быть, тем более весок. Следовательно, будем считать, что «деревня» несет на себе примерно даже 65% государственного бремени и «город»—35%. По числу жителей на крестьянство приходится около 80% всего населения Союза Советских

[1]) Напоминаю, что по построению государственного бюджета в него не входят операционные обороты ВСНХ и НКВТ, а равно отдельно учитывается расход за границей золота.

Республик, на рабочих и служащих с их семьями около 10%, и на все виды некрестьянских буржуазных слоев тоже около 10%. Следовательно, каждый «средний некрестьянин» несет на себе примерно вдвое больший процент государственного бремени, чем каждый «средний крестьянин» (на 1% крестьян приходится около 0,8% государственного бремени, а на 1% «некрестьян»—около 1,7%).

Однако по отношению к национальному доходу (т. е. к сумме валового годового прихода всего населения) распределение бремени оказывается более равномерным, чем по отношению к населению, ибо крестьянский труд и сейчас менее производителен, чем труд промышленный и вообще рабочий, «городской». Хотя крестьяне составляют около 80% населения, на их продукцию приходится лишь около 67% национального дохода нашей страны [1]). Следовательно, деревня имеет около двух третей национального дохода и несет на себе около двух третей государственного бремени. Точно также «город» имеет около трети национального дохода и дает государству около трети государственного бюджета. Получается распределение обложения (путем налогов, эмиссии и т. д. в совокупности) как бы пропорциональное источникам его покрытия. Интересно: как по отношению к части национального дохода, приходящегося на долю «деревни», так и к доле дохода, падающей на «город», величина всей совокупности обложения составляет одинаково примерно по 15%. Больше того, если мы произведем такой подсчет для предыдущего 1921—1922 хоз. года, то тяжесть обложения тоже составит около 15% (фактически реализованный государственный бюджет, как указано выше, был тогда значительно меньше, но зато меньше были и урожай и работа промышленности

[1]) Согласно отчету управляющего ЦСУ т. Попова на январьском пленуме Госплана, вся продукция сельского хозяйства в 1922—23 хоз. году составила около 4.000 милл. довоенных зол. руб. (без Закавказья и Дальн. Востока). С этими двумя окраинами и промысловыми кустарными доходами общая продукция сел.-хозяйства менее 4½ миллиардов. Промышленность кроме кустарной—1 мрд., транспорт—0.45 мрд. (т. е. около трети мирной работы), и торговля—0,6 мрд (часть цены товаров сверх издержек производства и транспорта). Следовательно, на крестьянскую продукцию приходится около 67% и на промышленность, транспорт и торговлю около 33% (в том числе промышленность—17%). Подсчет этот, разумеется, грубый, т. к. детально для Советской России подобная работа вообще еще невыполнена, но приблизительно верный, поскольку опирается на всеми признанные и никем пока неоспаривавшиеся сводки наших исследователей.

и т. д.). Наконец, еще для одного года, для 1920—1921 хоз. года, в применении к сельскому хозяйству подсчет сделан тов. Поповым по данным Ц. Ст. Упр., при чем получается тоже около 15% (см. сборник комиссии СТО «На новых путях», выпуск I). Детали этого подсчета мне неизвестны.

Разумеется, по отдельным годам абсолютный размер извлечения от крестьян государством средств значительно колеблется. Известно, например, что в 1922—1923 г. собрано значительно более продналога, чем в голодные 1921 и 1922 г.г. Но так как и сумма крестьянской продукции значительно возросла, то процент остался прежним—15%. С этим надо сопоставить обложение, лежавшее на крестьянском хозяйстве до войны, при царско-помещичьем строе.

Передо мной лежит составленный компетентным нижегородским работником т. Оссовским обзор налогов по Нижегородской губ. за 1922 г. (январь—декабрь). Приняты во внимание как продналог и трудгужналог, так и все денежные государственные и местные сборы. Все натуральные поступления за каждый месяц отдельно переведены в товарные рубли помножением пудов и дней на товарные копейки по средним местным ценам каждого месяца. Все денежные налоги переведены в товарные рубли тоже за каждый месяц отдельно. Нарочно останавливаюсь на правильном способе подсчета в виду наличности иногда очень удивительных способов (напр., складыванье советских руб. или перевод на «золото» по курсу Госбанка за тот период 1922 г., когда госбанковский курс то в 2, то в 3, то в 4 раза отличался от действительно существовавшего. и т. п.). В результате этого подсчета оказывается, что по Нижегородской губ. за весь 1922 г. в товарных рублях в общем собрано на душу населения:

городского . . . . . 2 р. 68 к.
крестьянского . . . . . 2 „ 53 „

Здесь нас не то интересует, что горожанин платит больше крестьянина, даже считая все натурналоги (хотя и это интересно). Достойней внимания то, что до войны, именно в 1909 г., налоги на душу крестьянского населения Нижегородской губ. составляли 6 руб. 17 к., не считая уплаты помещикам аренды. Даже если засчитать еще на эмиссию на душу крестьянского населения в среднем по рублю, то все же со всеми местными и т. д. сборами крестьяне платили чуть не вдвое меньше довоенного, даже не считая аренды. Между тем, уровень их благосостояния, как уви-

дим, в среднем по России не понизился (см.—во 2-м вып.— главу 9: «Сельское хозяйство»).

Но это данные лишь по отдельной губернии. В среднем же по России обложение, лежавшее на крестьянском хозяйстве при царско-помещичьем строе, в докладе С'езду Советов НКФ определил примерно в 40% тогдашней крестьянской продукции (считая также, конечно, арендные платежи помещикам). Проверка показывает сравнительную правильность этой оценки, преувеличенной не более, чем для нынешнего времени 15% превосходят действительное участие крестьян в бюджете (на деле, в довоенное время эта величина несколько превышала 30%, а теперь примерно около 12%). Потому можно сделать такие выводы. Теперь продукция сельского хозяйства сохранилась на 65% сравнительно с довоенным. Но до войны около 15% продукции приходилось на капиталистическое хозяйство помещиков, а из остального, т.-е. из крестьянских 85%, помещичье государство отбирало у крестьян 35%. Таким образом, до войны в распоряжении самих крестьян оставалось лишь примерно 50% с небольшим из всей продукции тогдашней «деревни». Теперь крестьяне имеют только 65% всей (а не только крестьянской) продукции довоенной деревни и отдают из этого на поддержку своего государства и на удовлетворение им своих интересов менее шестой части (15% нынешней своей продукции). Значит, теперь в распоряжении крестьян абсолютно остается не меньше, а скорее даже больше прежнего (именно около 55% всей довоенной продукции деревни). В среднем по России крестьяне имели возможность сохранить полный уровень своего быта и даже приступить к улучшению (широкая постройка новых домов и служб по деревням и т. п.).

Наоборот, «город» сохранил свое хозяйство примерно лишь на 30% против довоенного (промышленная продукция около 25%, работа транспорта около 35%). Если он [1]) тоже отдает для государственных нужд только менее шестой части (15% от своей доли «национального дохода»), то все же сам абсолютный размер сохранившегося городского производства так мал (промышленность 25% от довоенного), что никоим образом не мог сохраниться довоенный уровень быта рабочего. И действительно, как известно, средняя заработная плата по всей России составляет

---

[1]) Понятно, мы лишь условно употребляем выражения „город" и „деревня", вместо подробного указания на промышленность, земледелие и т. д. и на соответственные общественные классы (в „город" входит, как известно, не только пролетариат, но и буржуазия).

реально лишь до половины ее довоенного уровня. Иначе сказать, хотя тяжесть государственного бремени распределена теперь пропорционально величине «национального дохода» как «города», так и «деревни», но положение промышленности и транспорта гораздо хуже, потому для них это бремя гораздо тяжелее, жизнь рабочего отстала от жизни крестьянина. Отсюда вытекает необходимость помощи, необходимость ссуды, необходимость переливания средств из сравнительно более благополучного сельского хозяйства в сравнительно менее благоприятные промышленность и транспорт. И это переливание нашим государственным бюджетом (нашей финансовой политикой) действительно производится.

В этом переливании заинтересован не только рабочий, но и сам крестьянин. Деревне необходимо восстановить промышленность и транспорт. Без железных дорог крестьянин не может выгодно продать свой хлеб. Без промышленности он не достанет ни куска металла, ни фунта соли. Без промышленности и транспорта не сможет удержаться ни армия, ни вообще рабоче-крестьянское государство, и снова помещики неизбежно сядут деревне на шею. Поэтому крестьянин соглашается на временное частичное переливание средств из сельского хозяйства в промышленность и транспорт для скорейшего их восстановления не из благотворительности, а в своих собственных интересах. Поэтому единогласно дал свое согласие на соответственное перераспределение средств и последний С'езд Советов, в том числе все беспартийные делегаты (§ 1 резолюции по финансовому вопросу). Посмотрим, каковы размеры этого переливания в настоящее время и каковы его возможные пределы, на что практически могли бы в этом отношении расчитывать промышленность и транспорт.

Главнейшая часть расходов по государственному бюджету Союза Советских Республик производится не для удовлетворения специальных интересов рабочих или крестьян в отдельности, а для охраны или выполнения равно необходимых им функций (армия, транспорт и т. п.). Потому для учета, какая доля государственных расходов приходится на этого рода служение интересам крестьян, такие расходы приходится поделить согласно численности рабочих и крестьян в общем составе населения. Из всех жителей около 80% приходится на крестьян, около 10% на рабочих и служащих, и тоже около 10% на некрестьянские буржуазные слои. Так как наша армия, суд, дипломатия, ГПУ и т. д. существуют не для защиты буржуазии, то все эти расходы надо считать производимыми только в инте-

ресах рабочих и крестьян, так что на долю крестьян из них приходится восемь девятых. Сюда относятся расходы по ВЦИК, СНК, Индел, Военмор, Внудел, статистике, Нацу, Юсту, Инспекции, Почтелю, НКПС и Наркомфину. Из всех 504 милл. довоенных золотых руб., которые за первые 9 месяцев 1922 г. фактически отпущены всем ведомствам (по отчету НКФ), на эти учреждения приходится 262 милл., значит, на долю крестьян надо считать 233 милл. Затем из расходов Наркомпроса, Наркомздрава и отпуска автономным республикам (главным образом, на земледелие и пр.) можно считать на крестьян до половины, что дает 30 милл. На Наркомзем идет 10 милл. Из фондов (с дотацией местным исполкомам) приходится взять менее пятой части, что составляет 10 милл. Наконец, из ассигновок по МСНХ и Наркомпроду (помощь голодающим) и Внешторгу можно взять для крестьян лишь одну десятую часть, т.-е. 11 милл. Всего, таким образом, для охраны и защиты крестьянских интересов и непосредственно на деревню израсходовано было в общем около 294 милл. руб., что равно 59% всех фактически ассигнованных государством всем ведомствам средств..

Выше мы видели, что от крестьян государство получает около 65% своего бюджета, а в пользу крестьян расходует около 59% бюджета. Следовательно, фактическое переливание средств из сельского хозяйства в промышленность и транспорт (а не для содержания падающей на крестьян части армии и т. п.) составляет величину, равную около 6% государственного бюджета. Для 1921—1922 хоз. года это дает примерно 40 милл. довоенных зол. руб. Для 1922 и 1923 хоз. года, примерно, дало бы около 60 милл. руб., если бы в 1922—1923 г.г. осталось то же соотношение, что в предыдущем. Таким образом, вся сумма, какую крестьянство жертвует теперь специально в пользу возрождения промышленности и транспорта, составляет лишь менее полутора процентов теперешней годовой продукции деревни.

Но по бюджету на 1922—1923 г. соотношение несколько меняется. Если подсчитать, какая часть государственных расходов должна считаться обслуживающей крестьянские интересы, по такому же способу, как выше для 1922 г., то окажется, что в пользу крестьянских интересов расходуется уже 65% и, стало-быть, никакого «переливания» средств в промышленность из сельского хозяйства бюджетным путем не происходит (проект бюджета НКФ напечатан в «Эк. Ж.» от 4 марта). Если практическое выполнение росписи или изменение ее в дальнейших инстан-

циях (окончательное обсуждение должно быть в апрельской сессии ВЦИК) и изменит какие-нибудь подробности, то в общем все же результат ясен. Крестьянство не несет на себе почти никакого бремени для возрождения хозяйства страны в целом, а только ограничивается пропорциональным участием в поддержке армии, транспорта и т. п. Необходимая «ссуда промышленности», о которой в свое время столько говорили, фактически деревней не оказывается.

Между тем, несомненно, что, поскольку крестьянство заинтересовано в возрождении промышленности и транспорта, оно должно будет пойти на более значительное участие в их восстановлении. Многого тут можно достигнуть более целесообразными приемами обложения деревни, чем какие существуют сейчас. Теперь крестьянин тратит много времени в виду того, что есть много мелких и крупных налогов, каждый из которых надо платить отдельно. Приходится каждый раз ездить в город или в волость и вообще терять время. Если все эти налоги заменить одним натуральным и одним денежным сбором, то только от этого для крестьянина получится такая экономия в потере времени и сил, что этот выигрыш от улучшения техники налогового дела равен, вероятно, не менее 20% всей суммы нынешнего обложения деревни, а не одного только продналога. Это означает, что при переходе от нынешнего налогового многообразия к унификации (установлению одного натурального и одного денежного налога) можно повысить нынешнее обложение деревни на 20% без ущерба для крестьян, т.-е. без увеличения ущерба их хозяйству сравнительно с нынешним. Только теперь эти 20% вообще пропадают и не достаются ни государству, ни крестьянству, а просто растрачивается бесплодно соответственное время, рабочая сила, корм скоту и т. д. А тогда они будут поступать государству в интересах укрепления общего положения, в том числе и крестьянского. А деревне будет оставаться столько же, сколько оставалось и теперь, так как эти 20% все равно растрачивались бесплодно.

В органе НКФ «Вестник Финансов» от 26-го января 1923 г. приведен список налогов, какими обложена сейчас деревня, на основании отчета Белоруссии: 1) продналог, состоявший из взноса нескольких продуктов, 2) гужналог, 3) подворно-поимущественный налог, 4) общегражданский, 5) семь других денежных налогов на местные надобности Белоруссии, 6) страхование строений и т. п. Понятно, что крестьянин, которого дергают «ежеминутно», заявляет:

лучше буду платить не то, что на 20%, а на 25 и на 30% больше, только пусть это происходит со смыслом, а не так, что сверх отдаваемого мною государству пропадают еще заведомо даром и силы и средства, без пользы и для меня, и для государства.

Следовательно, первый предел увеличения перелива средств из сельского хозяйства в промышленность и транспорт заключается в использовании с этой целью тех сил крестьянства, которые пропадают сейчас бесплодно из-за недостатков налоговой техники и т. п. Это должно составить теперь в год, пожалуй, до 100 милл. довоенных золотых рублей, т.-е. примерно еще свыше двух проц. всей нынешней крестьянской продукции. Такова на наш взгляд первая практическая задача, — унификацией крестьянского обложения облегчая для деревни его технику, в то же время увеличить рессурсы государства без увеличения фактически и так существующего обременения крестьянского хозяйства. Второй предел можно мыслить, как установление пределом крестьянского обложения половины той относительной величины, какая существовала до революции, т.-е. 20% от продукции вместо довоенных 40%. То и другое вместе способно было бы дать государству добавочных около 200 мил. зол. довоенных руб. в год, что имело бы весьма существенное значение и для сокращения эмиссии, и для ускорения постановки промышленности на собственные ноги.

Промышленность наша пару лет назад достигала только 15% довоенной. Поскольку в ней были еще поддававшиеся реализации на сторону оборотные средства, она истратила их на то, чтобы подняться до нынешних 25% довоенной. Для удержания этого уровня и для дальнейшего под'ема необходим дополнительный прилив средств. Заграница их не дает,—значит, необходимо найти их в самой стране. И, кроме переливания из находящегося в более благоприятном положении сельского хозяйства и кроме отнятия у нэпманов, у новой буржуазии возможно большей части их «торговой прибыли», ничего существенного придумать сейчас нельзя.

С другой стороны, для сокращения эмиссии необходимо заменить ее другими поступлениями, без этого может происходить только накопление бесплодных резолюций. По официальным сводкам, вся сумма эмиссии в переводе на довоенные золотые рубли, как известно:

а) во второй половине 1921 г. была больше, чем в первой половине 1921 г.;

б) в первой половине 1922 г. была больше, чем во второй половине 1921 г.;

в) во второй половине 1922 г. была больше, чем в первой половине 1922 г.

Такие результаты говорят ясно, что, варясь в собственном соку государственного хозяйства (обложение государственной промышленности и т. п.), нельзя достичь решительных результатов. Необходимо организовать прилив средств в государственное хозяйство пролетариата из хозяйства частного—от крестьянства и от новой буржуазии (преимущественно торговой). Государство, разумеется, не может отказаться от перераспределения средств и внутри собственного хозяйства—это сделало бы невозможным всякое централизованное сознательное руководство. Но оно принуждено прибегать и к пополнению его рессурсов извне, и все дело тут только в соблюдении того политического такта и того оправдания общей экономической целесообразностью, которые необходимы для осуществления должной линии поведения в наших условиях,

Кроме, так сказать, «экономических» соображений против переливания средств, несостоятельность которых достаточно уже иллюстрирована, иногда пытаются выдвинуть «политический» довод. Например, в «Правде» 15 марта т. Владимиров поместил тревожную статью, начинавшуюся словами: «Тов. Ларин приводит кампанию так называемого перераспределения средств», где грозил опасностью разрыва с деревней, потерей симпатий беднейших слоев крестьянства и прочими ужасами.

Вот что писали мы по этому поводу в «Правде»:

«Хотя Ларин действительно с осени прошлого года (с урожая) начал довольно энергично высказываться за указанное перераспределение, но теперь мы имеем дело уже не с «кампанией т. Ларина», а с официальным единогласным постановлением Всероссийского С'езда Советов. В напечатанной в «Известиях» от 28-го декабря 1922 г. резолюции по финансовому вопросу, в самом первом параграфе, С'езд постановил:

«1. Основной задачей политики советской власти является такое перераспределение рессурсов между сельским хозяйством и промышленностью, торговлей и транспортом, которое в наибольшей степени способствует развитию производительных сил всего народного хозяйства. Такое перераспределение совершенно необходимо не только для индустрии, но и для земледелия, которое без восстановления транспорта, портов, элеваторов, производства искусственных удобрений, сель-

ско-хозяйственного машиностроения и всех связанных с ним отраслей промышленности—не может с выгодой реализовать на внутреннем и внешнем рынках свою возрастающую продукцию».

«Тов. Владимирову, как работнику Наркомфина, не мешало бы ознакомиться хотя бы с первым параграфом решения С'езда по финансовому вопросу. Если же состоявшееся уже решение Всероссийского С'езда Советов т. Владимиров считает лишь отдельным случаем «ведомой Лариным кампании», то для меня это весьма лестно, но предпочел бы более скромную оценку значения моей «кампании», но зато более почтительное отношение к официальным решениям органа республики.

«В напечатанной мною на-днях «Истории РКП в освещении Прожектора» (см. «Прож.» № 3) имеется очень полезное для тов. Владимирова указание: «РКП никогда не ошибается, РКП всегда права, РКП всегда верно предвидит ход вещей». А так как С'езд Советов принял указанную резолюцию по предложению фракции РКП, то не мешало бы тов. Владимирову процентов на 100 умерить свою развязность—и заняться пропагандой партийной линии, а не борьбой против нее.

«Следовательно, необходимо переливание, как путем соответственно построенной «унификации» налогов, так и путем отказа от принятия государством каких-либо искусственных мер для понижения промышленных цен по отношению к сельско-хозяйственным. Вот почему на-днях можно было прочитать в газетах, что на заседании президиума Госплана, совершенно солидарно Ларин, Преображенский, Кржижановский, Струмилин, Суханов и др. «единым фронтом» выступали против народнически настроенных профессоров, гнувших в противоположную сторону.

«Теперь является после ужина горчица—т. Владимиров, и, возмещая недостаток экономической обособленности избытком спорщицкой развязности, начинает плакать задним числом в мою жилетку. До чего мрачно плачевны его настроения, видно из такого заявления: «у многих из нас имеется оптимизм в отношении нашего народного хозяйства, мы (т.-е. т. Владимиров) думаем, что нет ни малейшего основания для такого оптимизма» («Правда» от 15 марта). Пощадите, т. Владимиров,—пощадите мою жилетку; она ведь не думает, что у нас нет «ни малейшего основания» (скажет, ведь!) ждать не дальнейшего под'ема хозяйства, а его крушения, или хотя бы застоя, гниения.

«Понятно, если тов. Владимиров серьезно думает, что «перераспределение средств» не будет иметь места, то у него действительно нет «ни малейшего основания» — ведь без этого явно задохлись бы и промышленность, и транспорт.

«Но самое забавное во всем «плаче Ярославны» это то, что сама новоявленная Ярославна понимает практическую бесплодность своих рассуждений и в маленьком придаточном предложении сдает всю свою большую позицию, заявляя тем же плачущим тоном: «конечно, жестокая необходимость, быть может, заставит нас увеличить обложение деревни» (там же).

«Ну, конечно, жестокая,—я, ведь, и не выдавал ее за страшно веселую. Куда приятнее было бы,—особенно при нежных нервах нашей Ярославны,—вместо увеличения налогов положить каждому в суп по две курицы, да построить при каждой деревне этакий приятный «мост вздохов», с которого могли бы умиленно и благостно взирать на блаженствующую окрестность чувствительные ярославны. Но политика вообще бывает иногда жестоким делом, и тут уже не могу помочь тов. Владимирову: такой уж у меня нехороший характер, уж ругали за него и в заграничных белогвардейских газетах—почти такими же словами, как тов. Владимиров в наших русских.

«По обоим, обсуждавшимся в последнее время в печати, внутренне связанным между собою пунктам (отказ от понижения заработной платы для удешевления этим путем товаров для крестьян и признание налогового переливания средств из сельского хозяйства в промышленность и транспорт важной задачей финансовой политики), я имею удовольствие сознавать вопрос практически решенным. Плаксивые выступления той или иной Ярославны по тому или иному из них—не собьют уже никого с толку, какой бы талантливой истерикой иногда они ни сопровождались.

«Если же кто, не разобравшись в деле, всерьез испугался, как бы мы «жестокой необходимостью» не поссорились с «беднейшими слоями крестьянства», то тому можно сообщить:

1) Мало-зажиточная половина деревни вообще не продает хлеба и потому незаинтересована в высоких ценах на него, она, наоборот, покупает.

2) Увеличение обложения упадет как раз на зажиточную половину деревни, а не на малоимущую, ибо в основе нашего обложения (в том числе «унифицированного») должно лежать, конечно, начало прогрессивно-подоходное.

3) Что же касается верхней половины крестьянства (на неделикатном языке «военного коммунизма» ее иногда

сплеча называли попросту «кулацкой»), то мы можем ее лишь нейтрализовать, лишь обеспечить себе ее нейтралитет, отсутствие активной враждебности к нам, а не воодушевленную поддержку Третьего Интернационала. Вопрос же о нейтрализации удовлетворительно и без остатка решается теми крупнейшими выгодами, какие советский строй приносит и верхней половине крестьянства (земля, лес, изгнание помещиков, права) и какие с лихвой покрывают неприятность уплаты налогов (при том меньших, чем в царское время).

«Разрыв с деревней, даже в смысле верхней ее половины, может быть создан не тяжестью обложения, вдвое меньше царского времени, а оставлением деревни без гвоздей, без топора, без соли и т. д. Как раз для того, чтобы такого действительно опасного разрыва не произошло,—необходимо дополнительное переливание средств в промышленность. И при том прежде всего в промышленность тяжелую.

«Ибо крестьянин может сработать себе самодельную ткань, может вместо мыла изготовлять из золы щелок и курить собственную, кое-как выделанную махорку, но он не в силах кустарным домашним образом создать металлургические заводы. Без притока металла не может длительно держаться даже на нынешней ступени крестьянское хозяйство. Не в симентальских племенных бычках или кохинхинских курах, сколь это ни приятные существа сами по себе, а в металле, в снабжении металлом заключается теперь и на ближайшие годы центральный вопрос государственной помощи деревне и сельскому хозяйству.

«Смешно строить «коммунизм деревянного века». Между тем, деревня не в малой степени принуждена отступать назад к дереву. Если бы этот процесс широко развернулся, если бы место металлических плугов сплошь заняли деревянные, место железных зубьев бороны тоже деревянные и т. д., и т. д.,—то это означало бы сплошное прочное понижение результатов земледельческого труда, обеспеченный голод для городов и понижение крестьянского быта до уровня примитивных дикарей. Было когда-то на земле и деревянное земледелие, но тогда деревня не должна была кормить такой процент неземледельческого населения, тогда крестьянин не знал даже жалкой жестяной керосинки, а принужден был обходиться лучиной и пр., и пр.

«Если Наркомзем углубляется иногда в самые научные рассуждения о благотворном влиянии раннего взмета полей, о преимуществе выписанных из-за границы племен-

ных свиней над русскими хавроньями и т. д., то в нашем сознании это не должно заслонять обыденной, простой, но решающей задачи: снабжения деревни металлом. Не «металлизация деревни» и т. п. широковещательные лозунги, могущие только оставаться без реальных последствий при нынешних условиях, а простое, хотя бы пока лишь в довоенных рузмерах, снабжение деревни металлом на практике — вот основа удержания и дальнейшего под'ема сельского хозяйства.

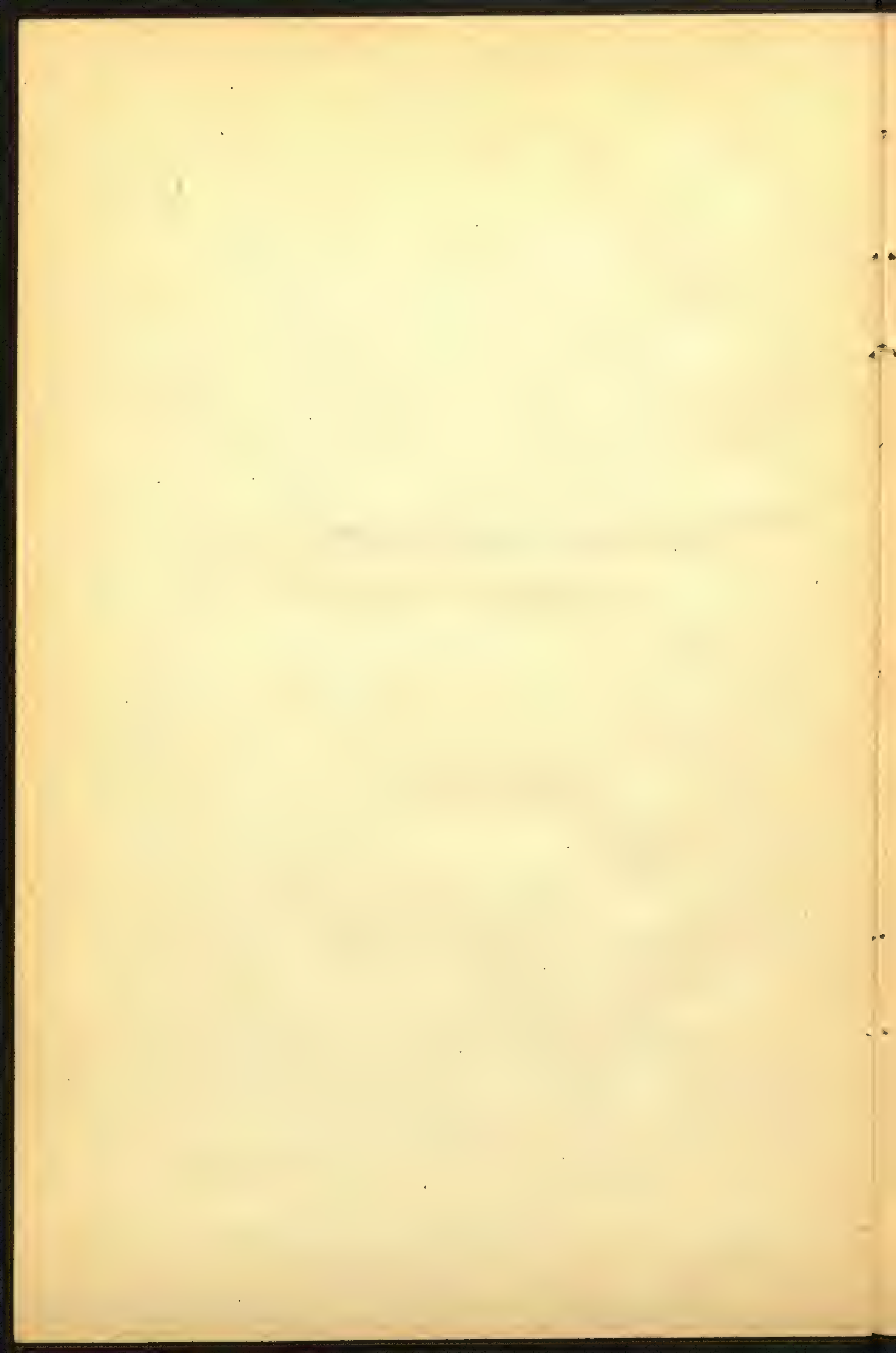
«Ибо ряд лет деревня держалась использованием уже имевшихся в ней металлических изделий, запасов металла и металлического лома, да случайно попавшими обрезками и небольшими поставками Наркомпрода. Но жизнь и металлических предметов ограничена. Они имеют свой срок, и мы подходим к тому пределу, при котором деревня быстро покатится назад к деревянному веку, если не придут к ней на помощь.

«Хорошая вещь элеваторы, тракторы, электрические двигатели, большое спасибо скажет нам деревня, если мы хоть сколько-нибудь приблизим ее к этим благам. Но, если мы не дадим ей гвоздей, топоров, плугов, металла, она на нас плюнет, она с нами разорвет, она нас перевешает, и будет права, как энергично выразился на с'езде политпросветов тов. Ленин, ибо презрения достойна была бы та власть, какая, громадные возможности имея в своих руках, не проявила бы достаточной твердости в их осуществлении.

«Поднять металлургию и все металлоснабжение страны мы можем только приливом в нее достаточных средств. Деревня поймет и правильно оценит твердое проведение в разумных пределах необходимого для этого перелива средств, если этой ценой получит гвозди, получит подковы, плуги, сортовое, угловое и всякое иное нужное ей железо. «Хозяйственный крестьянин» не глупец и не ребенок. Он знает, что металлургические заводы духом святым в ход не пускаются, что им, со всеми обслуживающими их угольными и пр. предприятиями, надо для этого помочь, помочь чувствительно и на деле. Опасность разрыва с деревней не в упорядочении с этой целью участия ее в общегосударственном бремени—опасность и для нас и для сельского хозяйства в застое металлургии, если он не будет быстро преодолен надлежащим притоком в нее средств. Вот почему в этом деле недопустимы расслабленность, расхлябанность, беспомощное размагниченное мямленье и нерешительность. Пролетарская диктатура желает и должна быть сильной и в экономическом отношении, и в военном, и в смысле обес-

печения деревенского тыла—все пути сюда идут через металл, через промышленность, через перераспределение средств. Задача эта может и будет разрешена не паническим увертываньем от ее постановки, но в ясном и взаимно осознанном содружестве с понимающей свою выгоду деревней. Разрешение ее укрепит союз рабочих и крестьян, укрепит с обеих сторон».

IV. СОВЕТСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ



Наше хозяйство и наша государственная промышленность в частности, несомненно, поднялись за два последние года. Не буду поэтому обилием цифр доказывать этот общеизвестный факт, а ограничусь лишь краткой иллюстрацией, как исходным пунктом для рассмотрения промышленных итогов нэпа и индустриальных перспектив вообще.

Если за последние годы оценить производство государственной промышленности по довоенным ценам и сравнить с размерами производства до войны (в 1912 г.) на том же пространстве, какое занимает теперь Советская Россия (с Украиной, Кавказом, Сибирью, Туркестаном), то получаются в процентах такие результаты:

1912	100%
1920	15%
1921	18,5%
1922	24%

Мы берем здесь для удобства сравнения календарные годы (с 1 января до 1 января) и пользуемся сводкой, помещенной на основании оффициальных отчетов в «Правде» от 4 марта [1]). Что касается текущего 1923 г., то, по всем имеющимся данным и перспективам, он дает дальнейшее повышение производства государственных предприятий, обеспечивающее результат в 30% довоенных. Возможно достижение лучших результатов, но, насколько доступно исследователю осторожное предвидение, хуже во всяком случае не будет.

Таким образом, за три года после войны мы удвоили государственное промышленное производство—с 15% довели его до 30% довоенного. Так как подсчет произведен здесь не только в довоенных рублях, но и по довоенным ценам, то это означает 30% в смысле среднего количества изготовленных пред-

---

[1]) По подсчету Госплана получаются почти точно такие же цифры, а именно 18% для 1921 г. и 24% для 1922 г. (см. „Труд" от 7 марта).

метов. Что же касается реальной цены этого производства (в довоенных рублях), то она еще выше, потому что реальная цена продуктов промышленности значительно поднялась против того, что было 10 лет тому назад. По оптовому индексу Госплана на 1 марта 1923 г., это реальное вздорожание (в товарных рублях) составляет 34% против довоенной цены для всех промышленных изделий в среднем. Это значит, что производимые теперь 30% изделий стоят теперь 40% цены всего довоенного промышленного производства.

Принята во внимание исключительно государственная (т.-е. крупная и средняя) промышленность. Сверх того имеется промышленность частная: 1) арендованная или концессионная, 2) ремесленная, 3) кустарная. По приблизительным оценкам,—других в современной статистике и литературе для этих видов промышленности нет,— сумма их производства (взятых вместе) равна величине около одной трети суммы нынешнего производства государственной промышленности (до войны на нее приходилось около 20% — см. П. Попов «Промышленность РСФСР», стр. 189, вып. 3 «На новых путях»).

Впрочем, не надо думать, что эта мелкая частная промышленность появилась, хотя бы, главным образом, как результат нэпа (не считая арендованной, о которой отдельная речь ниже). Мелкая частная промышленность существовала у нас и в годы «военного коммунизма» в достаточно внушительных размерах. При том существовала активно, т.-е. в качестве действующих заведений,—она лишь мало привлекала к себе общественное внимание.

Здесь происходит часто в неосведомленной на счет экономики среде ошибка, подобная ошибке с рынком. Рынок признан государством только при нэпе, но существовал и в годы военного коммунизма, при том в качестве крупнейшего экономического фактора. Даже в высший период развития военного коммунизма вольный рынок охватывал, вероятно, не менее половины всего оборота страны, что ясно из сопоставления таких фактов:

а) по рабочим бюджетам 1918—1921 г.г. рабочие всегда удовлетворяли через вольный рынок не менее четверти всей суммы своих потребностей (включая жилище и пр.), а обычно больше;

б) нерабочая часть городского населения, т.-е. большинство, еще в значительно большей степени обращалась к рынку;

в) внутридеревенский оборот (продажа хлеба между самими крестьянами и т. п.) почти сплошь происходил рыночными методами;

г) таким же образом на большую половину удовлетворяла свои производственные потребности мелкая частная промышленность, торговавшая затем своими изделиями (производство на заказ и пр.);

д) немного, разными обходными путями, прибегали к вольному рынку иногда и государственные предприятия и учреждения.

Как метко сказал в «Правде» 7 марта 1923 г. т. Крицман—«не нэп создал рынок, а рынок создал нэп» (это надо понимать, конечно, в смысле общего давления стихии мелко-буржуазных отношений на государственную политику в особых условиях внутреннего и международного положения России после окончания войны).

Подобно этому у нас почти совершенно отсутствуют правильные представления о размерах существования частной мелкой промышленности при «военном коммунизме». Потому полезно остановиться на этом по данным всероссийской промышленной переписи, произведенной Центр. Ст. Упр. в конце 1920 г. и в начале 1921 г. и опубликованной в 1-ом выпуске т. VIII «Трудов ЦСУ» (изд. 1921 г.). Момент переписи совпадает с концом периода, когда военный коммунизм был особенно силен.

Перепись дает полные сведения по всей России, кроме Закавказья, Дальневосточья, Белоруссии, Донской области и части Украины (губерний: Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Волынской, Подольской, Кременчугской и Запорожской). За этими исключениями было обнаружено всего 322 тыс. действующих промышленных заведений (и сверх того 55 тысяч бездействующих). Но сведения о числе занятых лиц были только о 309 тыс. (все нехватающие заведения, именно 13 тыс., можно без ошибки отнести к числу наиболее мелких). Эти 309 тысяч действующих заведений резко делились на три группы.

Первая—предприятия без всякого механического двигателя и при том совершенно без наемных рабочих. Это—кустарная промышленность в чистом виде, где работой занят сам «частный предприниматель», обычно с помощью кого-либо из членов своей семьи. Действительно, среднее количество занятых на одно предприятие этой группы составляет менее 2 чел. (на каждую сотню предприятий по 187 чел. всех в них занятых). Таких предприятий оказалось 229 тыс. с 427 тыс. занятых. А если принять

во внимание еще пропущенные 13 тыс. действующих предприятий в учтенных губерниях, а также все неучтенные местности (см. выше список), то число лиц, занятых в мелкой кустарной промышленности, в общем по приблизительной оценке должно было составлять к концу военного коммунизма, т.-е. к началу 1921 г., примерно, около 600 тыс. чел. на нынешней территории Союза Советских Республик. Конечно, сюда вошли и одиночки-ремесленники, жившие в городах, а не только в сельских местностях (кустари обычного типа).

Вторая группа также резко отграничена—это заведения с совершенными механическими двигателями (паровая машина, двигатель внутреннего сгорания, электричество, водяная турбина или не менее трех водяных колес на заведение) и при том имеющие не менее чем по 31 наемному рабочему каждое. Это—государственная промышленность со средним количеством в 184 рабочих на одно заведение. Таких действующих предприятий оказалось 7½ тысяч, и на них занято было 1.383 тыс. рабочих и служащих. Если прибавить неучтенные территории (Баку, все Закавказье, Донская обл., Екатеринославская губ., Харьков и т. д.—см. выше список), то количество это надо считать, примерно, в 1.700 тыс. чел. для нынешней территории советской федерации.

Третья группа—предприятия, имеющие наемных рабочих, но обычно не имеющие вовсе «совершенного механического двигателя», а поскольку его имеют, так лишь при трех рабочих в среднем на предприятие, имеющее «совершенный» двигатель (выше указано, что считается совершенным двигателем). Это—мелкая частная ремесленная промышленность. То-есть, такая, где обычно работает и сам хозяйчик с небольшой группой рабочих при нем—среднее количество наемных рабочих на одно заведение в этой группе оказывается менее 8 чел. (по 775 чел. на каждые 100 заведений), да кроме того, понятно, один хозяин. Эта группа осталась в общем фактически ненационализированной—как известно, только в декабре 1920 г., уже перед самым почти концом «военного коммунизма» состоялось постановление президиума ВСНХ, повелевавшее в определенные сроки национализировать мелкие предприятия, имеющие более десяти рабочих. Так что даже под это постановление не подошла бы вообще большая часть мелкого ремесленного предпринимательства — но оно и не успело быть полностью проведенным в жизнь (уж во всяком случае—до момента переписи, производившейся в конце 1920 г. и январе 1921 г.).

Всего оказалось 72 тысячи таких действующих заведений с 630 тыс. всех занятых лиц в них (в том числе около 70 тыс. хозяев и около 560 тыс. наемных рабочих). Принимая во внимание неучтенные губернии—общее количество занятых в них лиц к началу 1921 г. надо считать не менее 700 тыс. чел. применительно ко всей нынешней территории. Конечно, сюда входят ремесленные предприятия с наемными рабочими, расположенные не только в городах, но и в селениях, поскольку такие имелись.

Если разделить, таким образом, все действовавшие предприятия на три группы: 1) государственная промышленность, 2) ремесленно-предпринимательская с наемными рабочими (мелкая), 3) кустарная без наемных рабочих,—то получим такой результат на 1 января 1921 г. для всей федерации в целом:

	Число занятых лиц:	На 1 предприятие:
Государственная	1.700 тыс. чел.	184,4 чел.
Ремесленная	700 „ „	8,75 „
Кустарная	600 „ „	1,87 „

Всего занято было на действующих промышленных предприятиях крупной, средней, мелкой и мельчайшей промышленности около 3 милл. чел., из них в государственных предприятиях (крупная и средняя промышленность)—несколько более половины, почти 60%. Из всех 3 милл. на рабочих и служащих приходилось при этом около 2.300 тыс. чел., в том числе на рабочих без служащих несколько менее 2 милл. В государственных предприятиях было всего около 1.400 тыс. рабочих и около 300 тыс. служащих.

В мелкой частной промышленности всего около 1.300 тысяч занятых лиц (в том числе около 600 тыс. наемных рабочих). По численности людей, занятых производством, государственная и частная промышленность были, таким образом, фактически почти равны даже в самый расцвет военного коммунизма. На одной стороне 1.400 тыс. государственных рабочих, на другой—1.300 тыс. лиц, работающих в частной промышленности. С тех пор соотношение еще изменилось,—и не к выгоде для охвата индустриального труда государством (это один из существенных итогов нэпа).

Уменьшилось количество занятых в государственной промышленности вследствие сдачи в аренду и сокращения штатов (в том числе закрытие некоторых предприятий). Увеличилось, наоборот, число лиц, занятых в частной промышленности.

В аренду сдана сравнительно небольшая часть государственной промышленности, занимающая лишь около 100 тыс. рабочих или около 6% всего количества рабочих и служащих государственной промышленности, по масштабу ее на 1 янв. 1921 г. (подробнее об итогах аренды см. ниже). Об уменьшении вследствие сокращения штатов за два года (1921—1922 г.г.) можно судить по данным, опубликованным в «Правде» 4 марта относительно крупной промышленности: горной, металлической, текстильной, химической, электрической, бумажной, кожевенной и пищевой, поскольку она подчинена ВСНХ. Оказывается, в этих отраслях за два послевоенные года общее количество рабочих с 963 тыс. чел. уменьшилось на 20,8%, на одну пятую. Распространяя это, в виду массового характера сведений, на всю госпромышленность,—получим, что на несданных в аренду предприятиях число рабочих и служащих на 1 января 1923 г. составляет около 1.300 тыс. чел. вместо 1.600 тыс., как было в них на 1 января 1921 г.

Количество лиц, занятых в частной промышленности, наоборот, увеличилось, во-первых, прибавкой арендованных предприятий, во-вторых, открытием новых частных заведений. О последнем точных данных нет, но косвенно в этом можно убедиться как совокупностью личных впечатлений местных наблюдателей, так и сведениями о росте городов в послевоенные годы нэпа.

Известно, что в голодные годы революционной войны население городов великорусского центра быстро сокращалось. Теперь наблюдается значительный обратный прилив. По переписи ЦСУ, население Москвы за эти два года увеличилось в круглых цифрах с 1 до 1½ милл. человек, и подобный же, несколько менее быстрый рост стал замечаться в Петрограде и ряде других городов [1]). Так как число лиц, занятых в государственном хозяйстве, сократилось (и в промышленности, и на транспорте, и в советских учреждениях), то весь прирост надо отнести на счет развития частного хозяйства. Главным образом, выросла, конечно, торговля, но имеющиеся по некоторым губерниям данные НКФ о выбранных патентных свидетельствах указывают на наличность роста числа и промышленных заведений частных лиц. Если предположить, что ремесленная промышленность выросла по числу занятых лиц на 20% (допущение произвольное, но, вероятно, непреувеличенное),

---

[1]) За то же время население увеличилось в Орехово-Зуеве на 42%, Егорьевске на 60%, Павловском посаде на 28%, Наро-Фоминске на 50% и т. д.—см. беседу с В. Г. Михайловским в „Эк. Ж." от 7 марта 1923 г.

то в ней занято теперь около 850 тыс. чел. А общее соотношение в начале 1921 г. будет тогда приблизительно таково:

	Число занятых лиц.
Государственная промышленность	1.300 тыс. чел.
Частная промышленность	1.550 „ „

Общий итог получается 2.850 тыс. чел. или на 150 тыс. меньше, чем за два года до настоящего времени. Поручиться, что здесь достаточно учтен рост частной промышленности, разумеется, нельзя. Но с этим как будто совпадают данные НКТруда о безработице. По этим данным в 83 губерниях на 1 декабря 1922 г. на биржах труда имелось 540 тыс. безработных, из них около 40% мнимых, записавшихся лишь для обеспечения себе разных льгот (по докладу замнаркомтруда тов Завадовского на всерос. с'езде губотделов труда 7 марта т. г.). Если исключить далее советских служащих и домашнюю прислугу (по тому же докладу), то число безработных промышленных рабочих (включая чернорабочих) окажется несколько свыше 150 тыс. чел., т.-е. совпадет с тем количеством, на какое уменьшилось за последние два года число занятых в промышленности лиц. Два года назад безработицы не было, так что эти величины и должны совпадать, если предположить, что отлив в деревню и обратный прилив среди общей массы занятых в промышленности пока фактически уравновешивался.

Во всяком случае, если мы даже преуменьшили действительный рост ремесленно-предпринимательской промышленности—все же по абсолютному количеству занятых в ней лиц частная промышленность уже перевешивает государственную. Если взять одних рабочих, т.-е. промышленный пролетариат в узком смысле (без служащих и без кустарей-одиночек), то получится такое распределение индустриальных наемных рабочих между государственными и частными предприятиями:

государственные	1.100 тыс. чел.
частные	850 „ „

При этом в частную входят 100 тыс. рабочих арендованной промышленности и 750 тыс. ремесленной. Государственные предприятия (откуда сброшено 200 тыс. на служащих) обнимают не только ВСНХ, но промышленные предприятия всех ведомств—мельницы Компрода, фарфоровые заводы Наркомпроса и т. д. (перепись 1920 г. обнимала решительно все ведомства). Таким образом, около

40% промышленного пролетариата занято сейчас в городских и сельских частных промышленных заведениях. Понятно все величайшее значение этого,—между прочим, и для применения нашего рабочего законодательства. По соотношению количества государственных и частных промышленных рабочих в городе Москве никак нельзя судить о соотношении этом по всей России. Потому надо признать ошибочной точку зрения отдела охраны труда Наркомтруда, заявившего на указанном с'езде губтрудов, что «охрана труда в частных мелких предприятиях, среди кустарей, квартирников и артелей, где занято небольшое количество пролетариата, не должна составлять ударной задачи органов Наркомтруда» («Труд» от 8 марта). Наоборот—здесь задача первостепенной политической важности. Если мы не обратим должного внимания на организацию и охрану интересов рабочих частных предприятий, так они станут излюбленнейшим полем действия враждебных партий, стремящихся распылить и парализовать силы пролетариата. И многочисленность этого слоя оправдывает здесь затрату крупных усилий.

Однако, сколь ни много рабочих сил занято сейчас в частной мелкой промышленности во всех ее видах, общая сумма ее производства, как мы видели, гораздо меньше производства государственной крупной и средней промышленности. Ибо труд рабочего в фабрично-заводской промышленности гораздо производительнее труда ремесленного и кустарного. Иначе, разумеется, и не может быть при крупных преимуществах, какие дает техническое оборудование индустрии даже при нынешнем ее состоянии. Большая дешевизна иногда в настоящее время некоторых кустарных изделий не опровергает этого, так как основана на большей эксплоатации, на отдаче за бесценок продукта, потребовавшего гораздо более длительной затраты времени, чем при производстве на заводе. За тот же срок на заводе производится гораздо более таких же самых предметов.

Крупно-индустриальный труд вообще самый производительный труд в России в настоящее время. Из 140 милл. жителей занято в сельском хозяйстве, считая иждивенцев, около 110 милл. чел., из них на рабочую силу приходится до 40 милл. чел. (принимая во внимание участие в сельскохозяйственном труде женщин и отчасти подростков из

семьи крестьянина и переводя их на труд взрослого). Общая продукция сельского хозяйства федерации (всех видов) оценивается ЦСУ не выше 4.600 милл. руб. довоенных (1922 г.), что дает на одного занятого крестьянина в среднем 115 руб. в год валового производства (на семью—около 230 руб.).

Между тем, по 14 отраслям крупной индустрии, по которым есть уже сводка Госплана за весь 1922 г. (опубликованная в «Труде» 17 марта), сумма производства составила 788 милл. руб. по довоенным ценам при 799 тыс. рабочих. На одного рабочего это дает около 986 руб. в год, и если даже отбросить цену сельско-хозяйственного сырья (входящего в валовую продукцию индустрии), то останется все же свыше 500 руб. на человека. В этом отношении производительность ремесленной и кустарной промышленности приближается скорее к производительности крестьянского труда, чем крупно-индустриального.

Для государственной промышленности приведенные данные совершенно характерны, потому что на вошедшую в сводку крупную промышленность 14-ти отраслей приходится свыше трех четвертей всего производства государственной промышленности, оцениваемого около одного миллиарда рублей довоенных.

Характерной чертой послевоенного двухлетия в этом отношении является не только увеличение суммы производства государственных предприятий, но и увеличение производительности труда среднего рабочего вообще. Несомненность последнего в общем масштабе доказывается непрерывным увеличением производства при одновременном непрерывном уменьшении числа рабочих. По указанным 14 отраслям средняя продукция одного рабочего за 1922 г. в процентах к продукции довоенной (1912 г.), принятой за сто, составляла:

в 1912 г.	100,0%
„ 1920 „	24,2%
„ 1921 „	27,4%
„ 1922 „	47,5%

В текущем 1923 г. (как, впрочем, уже и в последние месяцы 1922 г.) эта продукция превышает уже 60%. При этом все сокращение количества рабочих целиком приходится на 1922 г., на который приходится и решительное увеличение производительности (под'ем сразу почти на три четверти) и, как известно, решительный под'ем заработной платы. Внутренняя связь этих явлений совершенно оче-

видна: государство получило возможность поднять заработную плату—и производительность отдельного рабочего прыгнула далеко вверх, сумма производства увеличилась, не взирая на происходившее одновременно жесткое сокращение штатов. Наоборот, последнее в создавшихся условиях было совершено неизбежным, хотя в промышленности и преходящим явлением.

Действительно, можно считать, что к 1924 г. промышленная безработица рассосется. Повышение уровня производительности отдельного рабочего при нормальном ходе вещей (отсутствие войны и удовлетворительный урожай в 1923 г., повидимому, обеспеченный) достигнет к 1924 г. такого размера, при каком для дальнейшего расширения производства понадобится уже абсолютное увеличение числа занятых рабочих. Ведь, напр., в тех же 14 отраслях общее количество рабочих, занятых к концу 1922 г., составляет в среднем лишь около 50%, т.-е. половину по отношению к довоенному 1912 г. (колебания по отдельным отраслям от 20% до 55%, кроме электротехнической, где больше).

Между тем, абсолютное производство достигает уже 30%, считая по довоенным ценам, что и соответствует средней производительности труда в 60% от довоенной, если сравнивать абсолютно произведенную массу предметов. Однако, такое сравнение недостаточно: надо сравнивать также реальную цену заработной платы и реальную, т.-е. современную, цену продукции. Заработная плата в начале 1923 г., как мы знаем, равна 50% реальной заработной платы довоенного времени [1]. Современная цена нынешней продукции промышленности (составляющей 30% от продукции довоенной, если сравнивать просто массу произведенных предметов) на треть больше прежнего и потому равна 40% реальной цены всей промышленной продукции довоенного времени. Потому, считая не по изделиям в натуре, а по реальной цене их (как по реальной цене считаем и заработную плату), производительность труда равна уже в настоящее время 80% довоенной в среднем. Но процесс повышения ее продолжается, и в течение года (судя по предшествовавшему темпу под'ема), вероятно, сравняется с довоенной,—поскольку не произойдет каких-либо неожиданных потрясений в политике заработной платы (напр., если на Россию опять нападут какие-нибудь державы и т. п.). Поэтому мы, несомненно, не позже, чем через год

[1]) См. главу II: „Заработная плата и промышленность“.

(а возможно и ранее) упремся в необходимость—правильнее сказать: в радостную возможность,—увеличивать количество промышленных рабочих на наших предприятиях.

Существует громадное практическое и принципиальное отличие нашей, «советской», промышленной безработицы от промышленной безработицы капиталистических стран. У нас безработица в условиях роста производства, у них безработица бывает при уменьшении производства. Наша безработица—плановая, их безработица—стихийная. У нас безработица стоит под знаком под'ема промышленности, у них—промышленного кризиса. Отдельному безработному от этого, конечно, не легче, но разница для народного хозяйства в целом очевидна. Наша безработица не служит признаком упадка хозяйства, в отличие от европейской, и потому не может быть ни столь длительной, ни столь обширной, как в капиталистических государствах при промышленных кризисах (мы видели, она составляет всего около 6% всех занятых в промышленности лиц).

Ибо у нас нет промышленного кризиса в капиталистическом смысле (см. брошюру о «Плановом хозяйстве»). Господство планового хозяйства, только поколебленное первой сумятицей нэпа и снова обнаруживающее тенденцию постепенно крепнуть,—господство планового хозяйства нашло себе выражение, между прочим, и в этом,—необычном для Европы,—сочетании роста безработицы с ростом производства (планомерное проведение в жизнь безработица одной части рабочих оказалось полезной, временной ступенькой для более быстрого общего продвижения вверх всего пролетариата в целом). Теперь в некоторых отраслях, напр., в текстильной, процесс нового увеличения количества занятых рабочих уже происходит, в других скоро станет на очереди. Наличность непрерывного роста производства служит достаточной гарантией «безопасного» в народо-хозяйственном отношении характера нашей безработицы. Но новый рост количества рабочих в государственной промышленности имеет происходить уже на основе гораздо лучшей оплаты рабочей силы и гораздо более значительной производительности труда, чем какие имели место в момент оставления нынешними безработными своих занятий.

Здесь существенно отметить следующее. По сводкам ВЦСПС средний фактический заработок промышленного рабочего по России составлял в январе 1922 г. только немногим более 26% реального довоенного уровня, если не

считать остававшихся еще в то время бесплатных коммунальных услуг (квартира, освещение, иногда трамвай и т. п.),—а с ними около 30%. Через год, в первые месяцы 1923 г. средний фактический заработок составлял уже 50% довоенного.

Между тем производительность труда, составлявшая в среднем 27% в 1921 г. достигла в начале 1923 г. уже 60% довоенной, считая по массе производимых предметов, а не по их реальной современной цене, и 80%, если считать по этой цене (выраженной, конечно, в довоенных рублях). Уровень производительности труда чуть не на половину (и уж во всяком случае на четверть) выше уровня заработной платы.

Это достижение осуществилось без применения каких-либо внешних принудительных мер, а исключительно на почве высокого общественного уровня современного русского рабочего. Высокое качество российского пролетариата повышать производительность труда значительно выше приближения заработной платы к довоенной,—недостижимое для капиталистических организаторов труда в странах буржуазной диктатуры,—основывается всецело на изменившемся (сравнительно с довоенным) отношении нашего рабочего к своему труду. Теперь он убежден, что работает не на вымогателя и обирателя, а на себя, на свой класс. Теперь он уверен в принадлежности государственной власти его классу и потому в полной обеспеченности того, что его труды не пропадут даром и дадут все, только мыслимое для улучшения и общих условий и его частного положения. Теперь он чувствует во всей обстановке своей внутренней фабричной работы, во всем внутреннем режиме советского завода, такую морально-политическую атмосферу свободного и высокого общественного положения рабочего класса, какой поражается всякий иностранный посетитель из стран буржуазного господства. Теперь он, наконец, не работает вслепую как машина, как отдельный винтик, не понимающий зачем крутится, но сам и в лице своих организаций, фабзавкомов, профсоюзов, получает отчеты о всем ходе дел, фактически контролирует его, фактически имеет возможность партийным и профессиональным путем всегда снять любого, не понимающего своего положения в рабочем государстве «буржуазного специалиста» и т. д.

Имеющееся теперь у русского рабочего чувство важности, значительности своего положения во всем строе внутрифабричных отношений, является, таким образом, помимо всего прочего, первостепенным орудием для

повышения качества и напряженности его труда. Это уже не поэтическая декламация из области революционной словесности, но факт, доказываемый цифрами о превышении роста заработка ростом производительности труда.

Когда русский обозреватель пишет о русском заводе, он обычно останавливается только на вопросах количества и совершенно оставляет в стороне вопрос о качественном типе русского завода, о нашем государственном заводе, как о социальной категории (общественной группировке).

Недавно меня посетили немецкие рабочие-коммунисты, приехавшие сюда своими глазами посмотреть на Советскую Россию и посетившие дюжину крупных московских государственных фабрик (оба понимают несколько по русски). Вот чрезвычайно характерный итог их наблюдений.

При посещении завода прежде всего приходится направиться в дирекцию (управление). В европейском заводе, дирекция по отношению к рабочим—совсем другая каста, такая общественная группа, которая не имеет с пролетариатом ничего общего. Отношения строго официальные, надменность и чинопочитание, в помещение дирекции обыкновенному рабочему и не проникнуть, это какое то святилище капитализма. Наоборот, на советских заводах немецких товарищей прежде всего поражает простота и свободное равноправие в отношениях между рабочими и дирекцией. Часто директор вообще оказывается рабочим, иногда того же завода. Но и в других случаях помещение дирекции вовсе не является обнесенной высокими стенами, явно противо-рабочей крепостью, к чему германские товарищи привыкли у себя дома. И это первое, что поражает и привлекает их внимание,—совсем новый, невиданный в Европе внутренний товарищеский общественный режим русского государственного предприятия. Внутри русской советской фабрики нет того господства класса господ над классом рабов, какое лежит в основе европейской буржуазой системы фабричного администрирования и какое имелось до революции и у нас. Революция была у нас уже так давно, более 5 лет назад, мы так привыкли уже к новым, достойным человека отношениям внутри советского завода, что только по сильнейшему впечатлению на иностранцев можем как следует вспомнить и оценить всю глубину наступивших перемен. Изменился самый общественный тип фабрично-заводского предприятия.

От дирекции наши немецкие гости попадают к рабочим и ведут с ними долгие разнообразные разговоры. Здесь поражает, прежде всего, совсем иное отношение к своей фабрике у рабочего Советской России, чем какое обычно наблюдается на европейских предприятиях. В Европе рабочий относится к фабрике, на которой он работает, как к чему-то чужому, постороннему. Отбыл повинность — и кончено, и скорее ее из головы вон. Немецкий рабочий идет после фабричной работы в свой союз, в свою партию, в свой спортивный кружок или клуб и там занимается какими угодно вопросами, но только не положением своей фабрики, не обсуждением успешности ее производства и т. д. Наоборот, в беседах с русскими рабочими немецких наблюдателей прежде всего поражает, что русский рабочий интересуется своей государственной фабрикой, на которой он работает, именно как производственной единицей. Рабочие прямо гордятся, если могут сказать постороннему человеку, что на их фабрике производство не падает, а растет, что средняя производительность труда поднялась и составляет теперь столько-то и т. п. Словом, факт существования диктатуры пролетариата совершенно изменил внутреннее отношение рабочих к производимому ими труду.

Внешним образом изменившееся отношение к труду особенно наглядно проявляется при каких-нибудь наградах за особо успешный или усердный труд («герои труда» и т. п.). Бывает и в Германии, что рабочий получает от хозяина какую-нибудь награду, но там он почти стыдится ее, он стесняется ее перед товарищами, он старается относиться к факту награждения со своего рода пренебрежительной иронией. Хороший тон европейского рабочего класса требует не отличаться так перед хозяином, чтобы он особо награждал отдельного рабочего—это всегда тут подозрительно, нет ли особого угодничества, доносительства и т. д. Наоборот, в русском советском предприятии стать «героем труда» всегда почтенно и хорошо, здесь особое отличие отмечает особое внимание и уважение к человеку, здесь этого не стыдятся, а гордятся этим.

Третья черта, поражающая иностранных наблюдателей русских государственных предприятий,—это значительное развитие общественной жизни внутри самой фабрики. Европейский рабочий тоже много живет общественной жизнью, но она у него обычно вынесена за черту своего предприятия, которое является просто местом обязательной работы—и только. Наоборот, русский рабочий в этом отношении овладел своей фабрикой, он чув-

ствует себя «хозяином в своем доме». На самом заводе он собирает и общие, и цеховые, и делегатские, и всякие иные собрания, на самом заводе устраивает помещение для клуба, для фабзавкома и т. д. Эта возможность чувствовать себя «хозяином в доме», разумеется, весьма существенно подкрепляется тем обстоятельством, что рабочие государственного предприятия, каковы бы ни были на этот счет официальные декларации, докладываемые в Генуе или Гааге, по наблюдению наших иностранных гостей, фактически всегда осуществляют самый широкий контроль над администрацией предприятия, а понажав, где следует, через ком'ячейку и фабзавком, могут удалить и любого директора, если действия его не удовлетворяют интересам рабочего класса. Такова наша «неписаная конституция», обладающая, однако, весьма недвусмысленной реальностью. Да иначе и не могут сложиться фактические отношения в стране с пролетарской диктатурой, и эти наблюдения об'ясняют нашим иностранным гостям отличие от европейских и от наших дореволюционных порядков лучше, чем десятки длиннейших брошюр. Новая жизнь, новый режим расцветают в очагах свободного труда, и они только еще в зародыше, лучшее несомненно впереди.

Труд перестал быть чужим, мертвым, постылым: люди знают, что они работают не для частной наживы какой-нибудь буржуазной пиявки, а для всей страны. И это сознание, которого нет и не может быть у европейского работника капиталистических или буржуазно-государственных предприятий,—это сознание делает чудеса. Русский рабочий, благодаря его наличности, поддерживает работу иногда в таких условиях, какие были бы непреодолимым препятствием для его европейского собрата. Этой особенностью, чрезвычайно увеличивающей эластичность и сопротивляемость неблагоприятным условиям советского хозяйства, этим и об'ясняют в значительной степени наблюдатели, почему русская государственная промышленность смогла преодолеть необычайно тяжелые условия последних лет и начала уже выбиваться на более легкую дорогу.

Насколько серьезным и всеобщим был этот процесс роста производительности, может служить пример четырех отраслей крупной промышленности, давших вместе в 1922 г. почти 60% годовой суммы продукции всей государственной промышленности и давших в 1921 г. почти 50% этой продукции: угольной, нефтяной, металлической и текстильной. В 1922 г. сравнительно с 1921 г. уменьшение числа занятых рабочих, увеличение общей суммы продук-

ции и повышение средней производительности одного рабочего (в процентах к 1921 г.) составляли:

	Число рабочих.	Сумма продукции.	Производительн. труда.
Металлическая . .	— 17%	+ 66%	+ 101%
Текстильная . . .	—9,5%	+ 100%	+ 103%
Угольная	—24,0%	+ 3%	+ 35%
Нефтяная	—23,0%	+ 18%	+ 51,5%

В обрабатывающей промышленности удвоение производительности, в топливной—увеличение на треть и половину.

Об удельном весе каждой из этих отраслей в общей сумме продукций государственной промышленности за 1922 г. (около 960 мил. руб.) можно судить по таким данным об итогах производства их за этот год:

текстильная	283	мил. руб.
металлическая	126,5	„ „
нефтяная	101	„ „
угольная	53,4	„ „

Средняя выработка на одного рабочего, сравнительно с довоенной, достигла в нефтяной промышленности 84,2% довоенной (в предыдущем 1921 г. только около 55%), в текстильной 69,4% (в 1921 г. только около 34%), в угольной 37,8% (в 1921 г. лишь около 26%) и в металлической 32% (в 1921 г. около 17%).

Разумеется поднятие производительности труда не было следствием исключительно лучшей оплаты и лучшей работы рабочего, но основывалось также на лучших технически-организационных условиях этой работы, которых оказалось возможным достичь благодаря сложившимся обстоятельствам. Проще говоря—благодаря окончанию войны, освободившему и средства, и внимание государства. Сюда относится прежде всего: 1) минерализация топлива, 2) сокращение расходования основных видов сырья на единицу продукта и 3) упорядочение штатов работающих предприятий.

Промышленность и транспорт работали до войны, главным образом, на минеральном топливе (по проф. Кирпу, на уголь приходилось 65%, на нефть 20%, а на дрова и торф

только 15%). Сначала отделение белогвардейцами, потом разорение контр-революционными мятежами основных угольных и нефтяных районов привели к значительному их параличу. Рабочие в большинстве разбежались, кормить оставшихся было почти нечем, добыча минерального топлива постепенно сходила на-нет. Промышленность и транспорт перешли на дрова к чрезвычайному неудобству для себя. Окончание войны дало возможность двинуть в соответственные районы хлеб, обезопасить в них жизнь, вернуть в довольно крупной мере рабочую силу. В итоге топливное удовлетворение нашей промышленности снова и довольно быстро постепенно минерализуется—в 1922 г. на уголь и нефть приходилось уже 50%. В частности, например, на железных дорогах дрова составляли до войны 14%, в 1919 г. целых 88%, а в 1922 г. уже только около 40%, во всем топливном балансе железных дорог (см. т. Зенкиса «О дровозаготовках» в «Т. Пр. Газ.» от 24 янв. 1923 г.). Такое же движение типично и для топливного снабжения промышленности.

Сокращение расходования основных видов сырья, материалов и топлива на единицу продукта явилось прежде всего следствием увеличения концентрации производства, увеличения нагрузки отдельного предприятия, которые проведены были в жизнь планомерным вмешательством государства—«бюрократическим указом из центра», как называли иногда подобное вмешательство сверху некоторые, несколько «либерально» настроенные, товарищи.

Почти сейчас же вслед за окончанием войны, в марте 1921 г., был учрежден Госплан, как орган, разрабатывающий для СТО программу текущего и перспективного планового руководства русским хозяйством. Первой его работой было учреждение комиссии под моим руководством, с участием проф. Рамзина, Главтопа и др., для составления т о п л и в н о г о плана (попутно с чем был установлен, как тесно с ним связанный, и план железно-дорожного т р а н с п о р т а). После рассмотрения и надлежащего исправления его президиумом Госплана, он был утвержден СТО, и впоследствии, на с'езде, тов. Ленин имел возможность сообщить о том, что впервые топливный план оказался реальным и выполнен был почти точно в 100%.

Уже при первом этом шаге нового общепланового государственного руководства наглядно выяснилась необходимость детального просмотра всей государственной промышленности с точки зрения концентрации производства. Комиссия, естественно, перешла к детальному рассмотрению производственных программ каждой отрасли промышлен-

ности на предстоящий операционный период (результаты публиковались в «Эк. Ж.»). Работа эта продолжалась около двух месяцев (май—июль 1921 г.) и затем вносилась мною или подлежащими органами промышленности на окончательное рассмотрение президиума Госплана.

Таким образом был произведен первый, так сказать, «черновой» пересмотр государственной промышленности, с точки зрения достижения более рациональной постановки производства. Для фактического осуществления намеченных директив Госплан давал подлежащим главкам, отделам, трестам и т. д. около полугода, предупреждая обычно устами тов. Кржижановского, что это лишь первый, в «курьерском» порядке производимый пересмотр для устранения явно бросающихся в глаза несообразностей в смысле отсутствия концентрации и слабой нагрузки, и что на основании опыта работы, после проведения в жизнь этих первых директив, впоследствии будет произведен пересмотр уже «начисто».

В течение второй половины 1921 г. и первой половины 1922 г. органы промышленности в общем выполнили ставшую в порядок дня степень концентрации, и 1922 г. дал действительно некоторое увеличение средней нагрузки предприятий и уменьшение в связи с этим расходования сырья, материалов, топлива и рабочей силы на единицу продукта. В настоящее время (март 1923 г.) на основании опыта и итогов работы 1922 г. начат уже, как известно, второй общий пересмотр государственной промышленности («центральная комиссия по пересмотру трестов ВСНХ»), на этот раз осложненный еще задачей упорядочения состава самих трестов (в сторону некоторого укрупнения и рационального комбинирования—см. главу «Организация промышленности»).

Третий существенный момент из мер внутреннего оздоровления постановки государственного хозяйства,—приведение наличных штатов предприятий и учреждений в соответствие с их задачами,—был поставлен правительством практически в общегосударственном масштабе осенью 1921 г., когда ВЦИК и СНК постановили произвести «мамаево побоище» излишних служащих учреждений и непроизводственных работников предприятий (здесь ближайшие корни нашей «плановой безработицы»). Мне пришлось иметь ближайшее отношение к первой, «черновой» работе и в этом отношении и в качестве председателя «сократительной» комиссии убить на детальный пересмотр время с октября 1921 г. по май 1922 г. (при чем президиум ВЦИК давал в некоторых случаях учреждениям и государствен-

ной промышленности срок для проведения в жизнь до 1 января 1923 г.). Постановления ВЦИК для органов, состоящих не на хозрасчете, а на госбюджете, подкреплялись сокращением бюджетных ассигновок, иногда даже более энергичным, чем намечавшееся первоначально сокращение [1]).

Для промышленности в узком смысле в этом отношении больше других имели значение следующие утвержденные президиумом ВЦИК постановления комиссии: 1) о постепенном упразднении главных управлений ВСНХ (главков) и о переходе к сплошной организации промышленности по трестам (декабрь 1921 г.), 2) о сокращении служащих промышленного управления во всех органах ВСНХ (включая тресты, губсовнархозы и пр.) до 30 тыс. чел. вместо прежних 230 тыс. чел., 3) о постепенном сокращении в среднем более, чем вдвое, процента непроизводственных служащих на фабриках и заводах, 4) о бронировании подростков (май 1922 г.), 5) отмена монополии ВСНХ на государственное строительство, 6) отмена «закрепощения» кустарной промышленности за органами ВСНХ и предоставление всем учреждениям и ведомствам права прямых договоров с кустарями и их организациями (январь 1922 г.).

Общий напор со стороны центральной государственной власти в сторону сокращения числа непроизводственных работников в стране, несомненно, способствовал созданию соответственной атмосферы и внутри предприятий. Достижения имеются уже очень определенные, хотя задача далеко еще не выполнена и в тех скромных рамках, какие наметил президиум ВЦИК, как подлежащие осуществлению промышленными предприятиями к 1 января 1923 г. (особенно относительно служащих).

Вот типичный пример относительно происходящего все же постепенно процесса рационализации состава работников внутри предприятий. В хлопчато-бумажной промышленности до войны (1913 г.) все непроизводственные (хозяйственные, подсобные) работники фабрик составляли всего 10% по отношению к числу производственных рабочих. Теперь, например, по Пресненскому хл.-бум. тресту, по данным «Бюллетеня Всер. Текст. Синд.»

---

1) См. выпущенную ВЦИК в мае 1922 г. брошюрку „Постановления президиума ВЦИК по сокращению штатов". В общем количество должностей и людей, оплачивавшихся по государственному бюджету, в сентябре 1921 г. составляло, согласно этой брошюре, 7400 тыс. чел. (без армии и флота), при чем около 1.400 тыс. мест фактически не было занято. Из остальных 6 милл. свыше $1^1/_2$ милл. было переведено на хоз. расчет или на местные средства, около $2^1/_2$ милл. чел. уволено, и около 2 милл. оставалось еще на госбюджете (здесь засчитаны и предприятия, и учреждения).

от 18 января 1923 г., этот процент изменяется за последний год таким образом:

ноябрь 1921 г.	60%	май 1922 г.	38%
декабрь „ „	48%	июнь „ „	40%
январь 1922 „	46%	июль „ „	42%
февраль „ „	39%	август „ „	41%
март „ „	40%	сентябрь „ „	37%
апрель „ „	40%	октябрь „ „	33%

Перед нами понижение за год почти вдвое, большой шаг вперед в деле рационализации, но остается еще упорная работа для достижения нормы.

Итоги достигнутого в частности относительно сокращения с л у ж а щ и х на предприятиях показывают результаты обследования в феврале 1923 г. особой комиссией по проверке выполнения фабриками и заводами указанного постановления ВЦИК о сокращении процента служащих (см. «Труд» от 10 марта).

	Установлено ВЦИК.	Есть в наличности.
Иван.-Вознес. текст. трест	9%	9%
Владимирск. хл.-бум. трест	9%	10%
Московск. хл.-бум. об'единение	9%	7%
Пресненск. хл.-бум. трест	9%	7,2%
Шелкотрест	8,7%	12,2%
Симбирск. сукон. трест	9%	14,8%
Моссукно	9%	10,2%
Электротрест центр. района	27,4%	21,1%
Чаеуправление	11,5%	14,7%
Стеклофарфортрест	9%	9%
Борович. комбинат	8,2%	13%
Лензолото	14,9%	15,9%
Моспечать	10%	8%
Сахаротрест	10%	16,4%
Верхневолголес	10,5%	16,4%
Резинотрест	16%	22,7%
Цементтрест	12%	10,8%
Моссиликат	8,2%	7,3%
Сжатый газ	8,2%	16,6%
Центробумтрест	18%	12%

В металлопромышленности число служащих на предприятиях к 1 ноября 1922 г. сократилось до 18% и к 1 января 1923 г. даже до 16%. В общем процесс рационализации состава несомненно, таким образом, значительно подвинулся вперед.

* * *

Набрасывая в июле 1920 г., в разгар войны с Польшей, «Очерк хозяйственной жизни Советской России» (изд. Госиздата, 1920 г.), я писал: «состояние русской промышленности в настоящее время вовсе не побуждает к самоудовлетворенному, безмятежному созерцанию действительности сквозь розовые очки. Но, думается мне, даже этот беглый обзор народного хозяйства Советской России за последние $2\frac{1}{2}$ года, несмотря на все его теневые стороны, показывает, что энергия передового авангарда русского пролетариата затрачивается не безрезультатно. Можно считать в общем и целом остановленным дальнейшее скольжение страны по наклонной плоскости вниз к полному разложению экономических предпосылок ее существования. Все ускоряющееся скольжение вниз создано было империалистской войной, в которую ринулась во имя своих классовых интересов буржуазно-помещичья Россия. А постепенно останавливается этот распад—низвергнувшим капиталистов и помещиков пролетариатом—восстанавливается, несмотря на те беспримерно тяжелые об'ективные условия, в которых ему пришлось действовать.

«Ведь, действительная экономическая история Советской России начнется только с 1921 г., ибо только со второй половины 1920 г. Россия вновь существует, как единый хозяйственный организм. До сих пор, первые три года пролетарской революции—это было только предисловие, только введение в историю—борьба за создание первой предпосылки для возможности нормального хозяйственного развития: за собирание в одно целое всех частей разорванного буржуазно-помещичьей контр-революцией и Антантой государства.

«Если уже и в период «введения в историю» было, как выше показано, кое-что достигнуто,—и прежде всего сохранение пролетарского государства, сохранение возможности творить дальше свою судьбу, опираясь на все большие источники мощи—если так, то насколько же больше в праве мы ожидать, «когда придет настоящий день». Для капиталистов стран Антанты теперь, с об'единением России, должна окончательно разрушиться надежда на «гибель большевизма» от внутреннего экономического разложения, как стали они уже раньше терять надежду на гибель первого очага государственной власти рабочего класса под прямыми ударами вооруженной контр-революции и наемных ландскнехтов европейского капитала из окраинных республик».

Эти ожидания и предвидения, высказанные в качестве вывода из всей работы в момент наиболее низкого падения русской промышленности,—летом 1920 г.,—можно считать оправдавшимися. «Скольжение вниз» действительно остановилось с указанного периода и сменилось упорным, настойчивым, твердым «движением вверх». Самые первые шаги, как известно, самые трудные. Двигаться от 30% дальше вверх легче, для этого есть более широкая база (основа), чем остановить «скольжение вниз» и добиться первого под'ема от уровня 15% до уровня 30%.

Самый важный для нас при этом залог заключается в том, что улучшение достигнуто было собственными силами—без возвращения промышленности русским или иностранным капиталистам. Этим доказана для нас на практике, даже в самых тяжелых условиях, возможность подымать государственное хозяйство, не только сохраняя «командующие» высоты, но и вообще не уступая частному капиталу никаких существенных частей уже работающих государственной промышленности и транспорта.

Под сохранением «командующих» высот у нас понималось иногда сохранение в руках государства только главных, лучших, более важных предприятий в основных отраслях промышленности, да и то еще с допущением и в них «смешанных обществ» (в которых участвует частный капитал, но большинство акций и голосов в правлении принадлежит нам). Конечно, не такова была официальная партийная и правительственная линия, но, как видно из выступлений в печати и предложений, именно так иногда преломлялась она в головах, поддававшихся временно той «потере масштаба», той чрезмерной переоценке реальных возможностей буржуазного участия в нашей индустрии, о какой мы говорили в статье «Послевоенное двухлетие» (глава I: «Рынок и социализм»).

Вот, напр., типичное сопоставление. В «Эк. Жизни» 28 февраля 1922 г. тов. Сокольников заявлял: «нужно развить систему смешанных акционерных обществ, превратить тресты из чисто государственных учреждений в частно-хозяйственные предприятия, работающие при участии иностранных капиталов». Одновременно 1 марта в № 1 начатой изданием ЦК партии газеты «Рабочий» в официальной программной статье «Наша задача»—следующим правильным образом излагалась позиция партии: «восстановление и развитие государственной крупной промышленности, а вместе с

тем собирание вокруг нее и увеличение сил рабочего класса, организация и борьба на два фронта: против разрухи и против нарождающейся буржуазии,—вот главное направление к выходу, к окончательной победе над буржуазией». Конечно, от «страшных слов» до дела далеко, и на практике ни один трест не был, понятно, превращен из чисто-государственного учреждения в «частно-хозяйственное предприятие».

Фактически вместо этого мы пронесли через самое тяжелое время, и не только пронесли, но и двинули вперед нашу государственную крупную и среднюю промышленность целиком в качестве государственной—почти без всяких «смешанных обществ» и с фактической арендой только в применении к мелочи.

Смешанные общества организовались почти исключительно в области внешней торговли (включая воздушные полеты из Германии в Россию и—зафрахтование там же кораблей для наших грузов), да еще отчасти в лесных операциях, также имеющих преимущественно внешнеторговый характер—и эта судьба их не случайна. На время, пока наша собственная внешнеторговая организация еще не окрепла, не создана полностью, не приобрела нужный опыт и т. д.—в области внешней торговли организация таких смешанных обществ на определенные обусловленные договорами сроки—вообще полезна (особенно для финансирования экспорта) и для нас неопасна. Не даем этим частному капиталу распорядительные права над нашей промышленностью, а привлекаем его только к торговой переброске некоторых видов экспортного сырья за границу. Впоследствии, когда окрепнет наша собственная организация,—пройдет время смешанных обществ и здесь. Понятно без особых рассуждений, как было бы для нас неудобно, если бы, напр., экспорт русского хлеба попал в руки иностранного капитала сколько-нибудь прочным образом. Этим создана была бы заодно и некоторая политическая зависимость от поведения иностранных скупщиков и нежелательная непосредственная связь между иностранным капиталом и русской деревней.

Но если в условиях настоящего времени во внешторговой практике срочно-договорные смешанные общества имеют смысл для нас, то они привлекательны и для иностранных капиталистов. Они допускают быстрый оборот и быстрое из'ятие капитала, не связывают его прочным помещением в России, вкладыванием в дорогие сооружения, требующие ряда лет для получения прибыли,—уменьшают этим зависимость иностранного капиталиста от изменений

политики и от Советского правительства вообще, уменьшают риск. Вместе с тем они обещают верную, быструю и значительную наживу в виду крупной разницы между реальными русскими и мировыми ценами на экспортируемое сырье (лесные материалы, некоторые виды кож, пушнина и пр.). Потому в области торговли смешанные общества народились сравнительно легко и имеют смысл для обеих сторон, пока продолжается для нас в этой области период «учебы» и скудости средств. Чем скорее он кончится, тем лучше и выгоднее для нашего народного хозяйства,— однако, это дело будущего.

Но этих условий не было в промышленности— потому в промышленности можно было ожидать широкого появления смешанных обществ только при совершенно некритической переоценке возможностей буржуазного участия в возрождении нашей индустрии, только при «потере масштаба»,—на что мы и указывали, когда вопросы о курсе на смешанные общества впервые стали у нас ставиться. Русская промышленность не была столь прибыльной и не обещала стать настолько прибыльной в эти годы, чтобы заманить иностранный капитал расчетами на крупную наживу. Потому у иностранного капитала для готовности влить к нам свежий капитал должен был бы заговорить какой-нибудь очень крупный политический интерес, который перевесил бы сомнительность прибыли и общий риск. Если нельзя нажить «экономический», то нажить хотя бы «политический» капитал. Эту политическую выгоду они видели в том, чтобы заставить Советскую Россию ради получения иностранного капитала формально денационализировать, возвратить бывшим владельцам государственную промышленность—и этим тяжело скомпрометировать русскую революцию в глазах европейских рабочих и существенно затормозить, таким путем, нарастание мировой пролетарской революции.

Но такая постановка вопроса была неприемлема, разумеется, для рабочего правительства России, и потому из всех разговоров о широком и крупном привлечении иностранного капитала в русскую промышленность на практике почти ничего не вышло. Не могло выйти, пока Россия не согласилась бы, чтобы иностранный капитал пошел в нее, как в колонию, для явного грабежа [1]), для неогра-

[1]) В роде первого договора с Уркартом, неутвержденного СНК и очень хорошо раз'ясненного т. Свердловым в „Торг.-Пром. Газете" после письма в редакцию самого Уркарта, разоблачившего им свое истинное отношение к делу.

ниченного выжимания соков «колониальной» страны—но Россия не имела ни малейшего намерения отказываться ни от политического, ни от экономического своего суверенитета (независимости, самостоятельности).

Небезынтересно, между прочим, что теперь юридическая комиссия Комвнуторга раз'яснила, что смешанные общества есть настолько частные организации, что даже РКИ не может ревизовать их, как государственное учреждение: «государственный капитал, внесенный в общество, входит в общую массу средств общества и должен считаться принадлежащим обществу, как частной организации» («Торг.-Пром. Газета», от 9 марта, «Смешанные общества и РКИ»). Но, разумеется, что, не взирая на тонкости комвнуторгских юристов, от смешанного общества до настоящего частного предприятия еще очень далеко.

Уход значительной части крупных государственных предприятий в частные руки,—будь то в форме аренды или концессии,—принес бы с собой для нас столько вредных последствий, что должен быть избегаем до последней крайности. Он был бы вреден не только политически, но и экономически—лишая государство права распоряжаться существенной частью промышленной продукции, отнимая у государства позицию промышленного монополиста по отношению к деревне (и тем подрывая возможность экономически руководить сельским хозяйством) и т. д. и т. п. Между тем крайности этой нет, как показал опыт, научивший, что и без концессий и аренды в крупной промышленности мы не только не погибли, но подняли государственную промышленность вдвое за два года. Концессии и аренда в крупной промышленности могут быть лишь дополнительным подсобным средством, но не основным методом решения задачи—вот в чем заключается партийно-советская линия в этом вопросе.

Возможно, конечно, что при *широком* притоке иностранного капитала производство за это время поднялось бы не вдвое, а вчетверо (хотя и при этом условии такой темп возрождения был бы сомнителен—тут есть целый ряд условий). Но для государства с рабочей диктатурой приемлемы *не всякие способы ускорять* хозяйственное возрождение. Представим себе такой отвлеченный пример. Есть возможность постепенно поднимать экономику на 15% в год, сохраняя всю наличную, работающую крупную промышленность государственной. И есть возможность поднимать ежегодно на 30%, передав крупную промышленность сплошь иностранному капиталу. Понятно, рабочее государство обязательно вспомнит при таком выборе муд-

рую пословицу—«тише едешь, дальше будешь». Это и сделала Россия на гаагской конференции в конце лета 1922 г., отказавшись от иностранной «помощи», раз ее нельзя было получить без денационализации.

Из этого не следует, конечно, что сами по себе концессии являются недопустимыми для пролетарской власти. Наоборот, наша партия неоднократно, совершенно определенно, признала их допустимость. Все дело тут только в том, что сдавать и сколько сдавать (и, понятно, на каких условиях сдавать). Естественными предметами концессий являются, во-первых, вовсе неразрабатывавшиеся нами природные богатства, во-вторых, те из неработающих предприятий, на пуск которых в ход в ближайшие годы собственными силами у нас нет серьезно обоснованных надежд. Такие концессии были бы для нас очень полезны, но, к сожалению, находится мало капиталистов, желающих не болтать только, а действительно вложить крупные капиталы в подобные дела.

Обычный тип являющихся в Россию «для переговоров» о концессиях иностранцев—явные авантюристы, жулики, проходимцы даже с капиталистической точки зрения. Это или отбросы капиталистического мира Европы, рассчитывающие просто нагло хищничать на счет русской глупости и «охоты за концессионерами»,—и очень обижающиеся, когда их раскусывают и концессий не дают. Или это всевозможные российские или польские коммерсанты, бежавшие в свое время «от большевиков» за границу и являющиеся теперь в качестве «представителей европейских фирм» не столько для серьезного заключения концессий, сколько для того, чтобы под предлогом разговоров о них хорошенько спекульнуть пока-что валютой и т. п. и затем с головой, набитой анекдотами о советской жизни, и с карманами, набитыми наживой, благополучно вернуться в благословенный Берлин и прочие грады и веси их новых зарубежных «отечеств».

Да и нет сейчас в Европе таких крупных, не находящих более выгодного приложения капиталов, которые могли бы действительно широким потоком политься в русскую промышленность, хотя бы на основе концессий. Не случайно поэтому, что единственные два серьезные и крупные концессионные договора, которые вообще заключены до настоящего времени в фабрично-заводской и горной промышленности,—оба заключены американцами, «гражданами Соединенных Штатов», где сосредоточена, между прочим, в результате всемирной войны, половина всего имеющегося в руках человеческих золота (не говоря

уже о прочем). Обе эти концессии совершенно удовлетворяют поставленным выше признакам: одна—на разработку природных нефтяных богатств Сахалина, которых мы не разрабатывали и еще много лет не могли бы начать разрабатывать. Другая—на буренье новых нефтяных скважин в Баку, которых мы сами не пробурили бы (при том пробуренные скважины немедленно поступают в наше промышленное управление, и мы платим американцам только отдачей им известного долевого отчисления из прибыли).

В отдельных, исключительных случаях, можно себе представить, конечно, отдачу в концессию по важным политическим или иным соображениям и какого-нибудь, даже серьезного р а б о т а ю щ е г о предприятия. Например, если бы фирме Круппа, под впечатлением оккупации Рура французами, пришло в голову поставить в России громадный, первоклассный военный завод, и для этого она потребовала бы, как базу (опору, исходную точку для развития), какой-нибудь наш крупный работающий металлический завод—я голосовал бы за такое соглашение всеми четырьмя конечностями (при условии гарантии, что к нам, действительно, будет принесена самая высокая германская военная техника, массовое строительство танков, аэропланов и т. д.).

Может оказаться в интересах всей промышленности экономически целесообразной сдача в концессию, например, завода к р а с о к, который в руках германских химических фирм, может быть, оказался бы в силах освободить всю текстильную индустрию от выписки из-за границы красок, от траты на это не легко нам достающихся золота и иностранной валюты. И т. д., и т. п.—одним словом, надо было бы быть б е з н а д е ж н ы м г л у п ц о м, чтобы в наших условиях отказаться от концессий, как п о д с о б н о г о вспомогательного средства к облегчению условий работы всей нашей государственной промышленности и народного хозяйства в целом. Все дело здесь в экономическом такте и чувстве меры—чтобы количество не переходило в качество, чтобы из п о д с о б н о г о орудия для государственной промышленности не выросло орудие для в ы т е с н е н и я государственной промышленности, д л я г о с п о д с т в а н а д н е ю и н о с т р а н н о г о к а п и т а л а.

Советская власть отличалась в е л и ч а й ш е й о с т о р о ж н о с т ь ю в п р а к т и к е к о н ц е с с и о н н о г о д е л а. Хотя имелось много сотен заявлений, но промышленных концессий не утверждено почти вовсе, а те немногие, какие допущены, удовлетворяют, как сказано, самым строгим требованиям. Не таково было, к сожалению, от-

ношение к делу таких групп хозяйственников, которые охарактеризованы в главе «Послевоенное двухлетие», как совершенно растерявшиеся в создавшейся обстановке, поколебавшиеся в доверии к способности пролетарского режима извнутри постепенно преодолеть трудности экономического положения, попавшие фактически на повод к окружавшим их элементам буржуазного типа, мечтающим о всемерном сокращении или ликвидации «большевистского хозяйства».

Совершенно подсобная задача привлечения, поскольку окажется возможным, иностранного капитала--превращалась у них временами в центр тяжести решения вопроса о возрождении русской промышленности, в готовность сдать самые несомненные командующие высоты. Приведу для иллюстрации относящуюся сюда выдержку из изданного президиумом ВЦИК «Бюллетеня № 2 Десятого Всероссийского С'езда Советов» (стр. 59—62). Выдержка эта представляет собой часть моей речи по докладу председателя ВСНХ т. Богданова о промышленности:

«**Ларин:** Второй пункт в тезисах товарища Богданова, который остановил мое внимание, это тот, где он еще раз выдвигает вперед необходимость привлечения иностранного капитала, как средство для поднятия русской промышленности. В настоящее время, как вы уже слышали из заявления представителя правительства т. Каменева,—несколько поблекла та струя в наших хозяйственных перспективах, которая сводилась к привлечению иностранного капитала в Россию. В настоящее время таких всеоб'емлющих результатов, как это некоторым увлекающимся товарищам думалось раньше,—сейчас уже не ожидается, хотя бы по той причине, что иностранный капитал на это в таких размерах не идет. Поэтому мне думается, что ВСНХ в своей практической деятельности должен гораздо больше, чем до сих пор, центр тяжести своих надежд перенести с привлечения заграничного капитала на разработку вопросов русской промышленности, для поднятия ее, насколько возможно, собственными силами России. Вот этот перспективный разбор работы русской промышленности не был не только в докладе т. Богданова упомянут, но и в практике ВСНХ особенно не заметен. Наоборот, мы видим такой результат, что в то время, как сравнительно подымается даже Урал, находящийся в гораздо более неблагоприятных условиях по сравнению с Донбассом, где имеется и уголь, где издревле был хлебный район, где имеется наличность целого ряда предпосылок, где более усовершенствована тех

ника,—в то самое время Донбасс не может подняться в области металлургии, хотя бы до такого уровня, как поднялся Урал, который всегда был отсталым в прежнее время, а теперь перегнал Донбасс. Центр внимания ВСНХ с надежд на иностранный капитал надо передвинуть на работу русской промышленности—в течение ближайших трех—четырех лет во всяком случае собственными силами русского хозяйства. В этот период концессии могут быть лишь отдельными эпизодами. Для того, чтобы показать, куда должен быть действительно направлен центр тяжести работ ВСНХ, я вынимаю из кармана продающееся в книжных магазинах официальное издание Наркоминдела «Гаагская конференция», заключающее список всех концессий, которые ВСНХ находил возможным предложить иностранному капиталу. Я не буду читать этого списка целиком, не потому, что боюсь испугать тов. Калинина, он небоязлив, но потому что этот список содержит в себе 30 страниц довольно убористого шрифта, стр. 218—248. Для того, чтобы положить конец этому концессионному размаху, — пару примеров, однако, я все-таки приведу.

Калинин: Ваше время давно истекло. (Голоса: «Просим продлить»). Голосую: Кто за то, чтобы продолжить время тов. Ларину? Сколько вам нужно?

Ларин: 10 минут довольно.

Калинин: Кто за то, чтобы продолжить время на 10 минут? Большинство. Время продлено.

Ларин: Так вот, товарищи, для того, чтобы положить конец концессионному размаху ВСНХ, я считаю нужным огласить здесь то, что напечатано в этой официальной книжке, продающейся в книжных магазинах и представляющей собой отчет СНК'у после гаагской конференции в текущем августе. Тов. Богданов говорил здесь в теплых словах о значении электрификации. Эти теплые слова я поддерживаю. Но одновременно ВСНХ предложил, и это напечатано в отчете нашей гаагской делегации, в качестве об'екта для концессий следующие предприятия по электротехнической промышленности: в Петрограде завод сильного тока Сименс-Шуккерт, Северный кабельный завод, ламповая фабрика «Светлана», завод Эриксон, завод электрической энергии группы Эриксон, петроградский Сименс слабого тока, телефонный завод Гейслера, завод Тюдор, завод Рекс и завод Тем. Много ли осталось бы после этого электротехнических заводов в Петрограде, несданных в концессию? (Голоса: нет). Петроградские товарищи говорят—ничего. И они правильно говорят. Из московских электротехнических заводов ВСНХ предложил в качестве об'екта для сдачи в концессию завод Динамо, русский ка-

бельный завод, Алексеевский кабельный завод, телефонное общество с Крымским заводом в Москве, харьковский завод «Всеобщая компания электричества», крупнейший, наилучше оборудованный в России, и нижегородский завод Сименса слабого тока. Если бы все это было сдано в концессию иностранному капиталу, то от русской электрической промышленности не осталось бы ничего, и ни о какой самостоятельной электрификации, как о средстве для мощного поднятия русской энергетики, не пришлось бы и говорить.

Электричество обратилось бы в орудие эксплоатации иностранным капиталом России, в орудие порабощения России. Это было бы изумительно, если бы это осуществилось. Партия, к которой я имею честь принадлежать, на своих с'ездах признала необходимым привлечь в Россию концессионный капитал без потери командующих высот. В данном случае это потеря командующей высоты в электро-технической промышленности.

Используя свои десять минут, приведу еще пару примеров, например, насчет Урала. Какие заводы Урала в качестве концессионных об'ектов предлагались ВСНХ, кроме, конечно, известной вам уркартовской концессии? Сюда относятся, между прочим, следующие предприятия: во-первых, Воткинский завод. Вы знаете, что Воткинский завод недавно остановлен, и признаюсь, когда я тут слушал предыдущих ораторов, когда выходил тов. Панков и говорил, что он получил известие, что имеется в виду с 1 января закрыть Брянский завод, то я находил бы полезным подождать, а нет ли где-нибудь, в какой-нибудь канцелярии, предложения какого-нибудь концессионера сдать ему Брянский завод (аплодисменты). Так вот на Урале ВСНХ предложены для концессий такие об'екты: Воткинский завод, Добрянский, Чермозовский, Ножевский, Кыштым, Н.-Тагильская платиновая группа, Павдинско-Косвинская и Иссовская—это все три основных платиновых группы,—далее, Кочкарские золотые рудники, затем рудники Демидовские Сан-Донато, Богословские заводы с рудниками, гора Высокая с заводами Среднего Урала, к ней примыкающими, Алапаевские заводы с рудниками, гора Магнитная с Белорецкими заводами, Комаровские заводы с соответствующими рудниками, Северо-Вятские заводы с соответствующими рудниками, Сысертский завод, Ревдинский завод. Богомоловские рудники и т. д. Не буду останавливаться на других отраслях промышленности, это заняло бы слишком много времени. Скажу только, что по нефти из Баку, Грозного, из уже существующих промыслов

предполагалось по списку этому к сдаче в концессию 40% мирного производства. Предполагались Приокские заводы с рудниками, здесь, у нас, в центре, Алагирский завод на Сев. Кавказе, куда мы специально построили железную дорогу. Из сахарной промышленности предполагалось, согласно отчету, до 30% производства мирного времени. Из бумажной промышленности предполагались в качестве об'ектов концессии, между прочим, в Петрограде такие предприятия, как Невская фабрика, Голодаевская, Красногородская, Коммунар и Дубровка. Вряд ли после этого остались бы еще в Петрограде крупные бумажные фабрики, не предназначавшиеся ВСНХ к сдаче в концессию. Предполагались еще 26 бумажных, целлюлозных и древесномассных фабрик в провинции, которых перечислять не буду.

Заметьте, что, как бумажная, так и электрическая промышленность, это как раз те отрасли, для которых наиболее обеспечен сбыт, ибо в бумаге и сейчас чувствуется крайний недостаток в России. Электрической промышленности при растущей электрификации все более и более легко обеспечивается сбыт. Этим отраслям промышленности наиболее легко обеспечить, следовательно, приток средств и внутри России. Особенно верно это относительно такой отрасли, как промышленное производство минерального удобрения, где иностранным капиталом надо поднимать новое, неразрабатываемое, а не отдавать концессионерам уже созданное нами.

Это особенно важно для нашей земледельческой страны. Между тем, по химической промышленности, в качестве об'ектов концессий, ВСНХ наметил следующие заводы: Донецкий содовый, Славянский содовый, Донецкий стекольный, Левенгофский химический, Тентелевский химический в Петрограде, Кинешемский химический, Чернореченский химический в Петрограде, Пермский суперфосфатный, Вятский—фосфорические разработки, Кинешемские фосфатные рудники, Саратовские фосфатные рудники. Это все основные предприятия по выработке в России фосфатного удобрения, т.-е. такая отрасль промышленности, которая особенно ценна для нашей земледельческой страны и сбыт для которой вполне обеспечен. Она имеет командующее значение для под'ема нашего земледелия.

В виду того, что давно уже исчерпаны 10 минут, на которые вы дважды удлиняли мне время, я не буду более ничего читать. Не удержусь только от перечня некоторых металлических заводов, подлежащих быть по ВСНХ об'ектами концессий на юге: это Таганрогский, затем русский Провиданс, Сулинский, Дружковский и Керченский. Самое

интересное в этих заводах то, что, расположенные на побережьи Азовского моря, чрезвычайно близко к керченской руде, и в легких условиях доставки морем нефтяного топлива, поскольку оно для них требуется, они с меньшими затратами могут быть пущены впоследствии в ход.

Теперь, в момент когда внутреннее и международное развитие привело и нашу партию и наше правительство к выставлению лозунга, под которым мы демонстрировали недавно, 7-го ноября, в 5-тилетнюю годовщину революции,—«не сдадим крупной промышленности»,—в это время пора и ВСНХ решить, что эти широкие разговоры о концессиях являются достоянием прошлого, являются историческим документом, как правильно сказано во введении Наркоминдела к его отчету. В настоящее время центр тяжести работы ВСНХ надо перенести не на ожидания концессионеров, а на работу внутри России, на то, чтобы имеющуюся у нас промышленность, в тех рамках, в каких,—хотя бы медленно,—можно ее подымать собственными силами,—это делать. Я принадлежу к числу тех, которые считают, что это можно сделать, и мы еще об этом обменяемся мнениями (аплодисменты).

По этому поводу надо еще сказать, что буржуазные элементы в России и за границей пытались и пытаются создать настроение, будто для нас неизбежно итти на дальнейшие уступки, вопреки об'явленному лозунгу «остановки отступления»,—так как иначе не сможем подымать промышленность, прежде всего, по самому техническому ее состоянию. Страх этого может служить ослабляющим моментом по отношению к буржуазному давлению извне. Не мешает поэтому дать себе отчет в фактических возможностях, какие открывает еще в этом отношении наличная степень сохранности оборудования наших фабрик, заводов и промыслов.

Вопрос сводится в основном именно к состоянию оборудования промышленности. Поскольку речь идет об основных отраслях промышленности — металлической, угольной, нефтяной и текстильной—иностранный капитал может требоваться, очевидно, не для снабжения их сырьем, продовольствием, топливом все это можно постепенно обеспечить и внутренними силами и средствами России (кроме временного ввоза хлопка, доступного нам и за собственный счет). Иностранный капитал нужен для переоборудования промышленности, для ее технического освежения и развития, для поднятия этим путем величины производства и его усовершенствования. И вот, оказывается, что по наличному у нас оборудованию, т.-е. по сохранно-

шейся степени его пригодности, мы можем еще на много увеличить размеры производства сравнительно с нынешним и без всякого иностранного капитала. Ряд лет можно итти вперед, даже крупными шагами, и при сохранении того оборудования, какое сейчас в России имеется. Конечно, это не значит, что-бы мы не перераспределяли более целесообразно того оборудования, какое сохранилось, или чтобы не покупали заграницей, в отдельных случаях, тех или иных турбин для электрических станций и т. п. Но подобные сделки по своему об'ему вполне укладываются в рамки возможных для нас и без иностранного займа экспортно-импортных операций.

Наиболее пострадала за время белогвардейской контр-революции, как известно, металлопромышленность, особенно уральская. Уральские заводы много раз переходили из рук в руки, при чем в отличие от захватывавшего донецкие заводы Деникина—Колчак сверх обычных опустошений войны еще планомерно вывозил оборудование с заводов, уничтожая необходимые части, и т. д. Состоянием оборудования металлопромышленности, степенью его сохранности и полной пригодности для дальнейшего производства —можно измерять среднее состояние нашего индустриального оборудования вообще, без риска переоценить его.

В начале 1922 г. главн. управл. металл. пром. ВСНХ издало отчетный сборник «Металлопромышленность Республики», где находим необходимые сведения по специально собранной по заводам подробной анкете. Остановимся сначала на заводах Урала. Определение степени годности оборудования было сделано самими заводами, при чем в анкету вошли все сколько-нибудь существенные заводы, так что она, согласно отчету, «безусловно характеризует состояние оборудования всего Урала» (стр. 72). Оборудование разделялось на три разряда: 1) хорошее состояние, вполне пригодное для производства, 2) удовлетворительное, 3) негодное, требующее замены. Мощность доменных и мартеновских печей считалась по выработке тонн (тонна 60 пудов); вагранок, прокатных станков и т. п.—по выработке пудов; под'емных механизмов—в тоннах и т. д. Результаты в процентах получаются такие (стр. 73—76):

	Хорошее.	Удовлетворит.	Негодн.
1. Доменные печи	50%	42%	8%
2. Мартеновские печи	52%	23%	25%

	Хорошее.	Удовлетворит.	Негодн.
3. Прокатн. станки			
а) листов. железа	59%	35%	6%
б) сортов. железа	40%	49%	11%
4. Станки проволочно-волочильные и для цельно-тянутых труб	100%	—	—
5. Воздуходувки, регенераторы, нагревательные печи и проч. вспомогательные оборудов. .	37%	55%	8%
6. Котлы	56%	23%	21%
7. Паровые машины	55%	36%	9%
8. Паровые турбины	57%	36%	7%
9. Двигатели внутреннего сгорания	43%	45%	12%
10. Водяные турбины	42%	63%	5%
11. Станки для холодн. обработки	54%	40%	6%
12. Вагранки	61%	37%	2%
13. Остальн. оборуд. для горячей обработки	28%	65%	7%
14. Средства для под'ема и перемещения тяжестей	40%	49%	11%

Об'единяя «хорошее» и «удовлетворительное» состояние в понятие «годного для производства», отчет главметалла, соединяя оборудование в четыре основные группы, получает для Урала такой общий итог (стр. 78 отчета):

	Годное для производства.
Котловое хозяйство	79%
Двигатели разные	92%
Производство металлов	90%
Обработка металла	94%

Таким образом по состоянию уральского оборудования можно достигнуть трех четвертей довоенного производства, даже равняясь по худшему (котлы) и не принимая во внимание возможности произвести плановое перераспределение оборудования со стоящих заводов центра в пользу Урала.

По металлопромышленности центра (Европейская Россия без Урала и Украины) имеем такой итог (стр. 78 отчета):

	Годности:
Котловое хозяйство	93%
Паровые машины	97%
Прочие двигатели	74%
Производство металла	71%
Обработка металла	93%
Перемещение тяжестей	94%

И здесь, равняясь по худшему, можно поднять производство по состоянию оборудования до двух третей довоенного уровня. В общем (по итоговой сводке главметалла) из всего оборудования центра на хорошее приходится 32% (на Урале 45%), на удовлетворительное 56% (на Урале 46%) и на негодное 12% (на Урале 9%). Иначе сказать, даже, если считать только «хорошую» часть оборудования и то была бы обеспечена возможность производства 40% довоенного времени. Подобное же положение и на Юге (стр. 108 отчета). В общем итоге по всей России главметалл приходит к выводу, что металлургия сохранила из своих устройств или оборудований производственную способность до 60% довоенного об'ема, а обрабатывающие средства и орудия к данному времени сохранились на 75% довоенного периода (стр. 102 отчета).

Между тем, размеры производства, выраженные в ценах 1913 г. (довоенных), составляли у нас фактически за календарный 1920 г. и за 1921 и 1922 хозяйственный год (с 1-го октября до 1-го октября) и составляют по программе на 1922—1923 хоз. год в % по отношению к довоенному производству (1913 г.) следующие величины [1]):

	1920 г.	1921—1922	1922—1923
Металлургия	5,8%	6,2%	9,7%
Металлообработка . .	13,6%	18%	30%

Таким образом, по состоянию нашего оборудования мы можем поднять производство даже в наиболее технически пострадавшей отрасли промышленности, в металлургии, еще в 6 раз против нынешнего. Здесь дело зависит от того, сколько мы сумеем бросить на заводы нашего продовольствия, нашего топлива, нашего сырья и т. д., а не от иностранного займа. На ближайший ряд лет центральным вопросом, как было, так и остается внутреннее устроение нашего собственного уже наличного государственного хозяйства. Интересно, что на эту точку зрения стал и Госплан, заявивший об этом в докладе своем о районировании, прочитанном профессором Александровым на первом пленуме Госплана, состоявшемся зимой 1922—1923 г.

Конечно, в отдельных случаях нам весьма желательно, иногда даже необходимо, приобретать за границей различные машины, принадлежности оборудования и промышленное сырье (резину, некоторое время хлопок и пр.), но это, как увидим ниже, в действительно жизненно необходимых количествах, может быть покрыто выручкой от вы-

---

[1]) Сведения за 1921—1922 г. по докладу ВСНХ о „Свертывании промышленности“ („Э. Ж“. № 123 за 1922 г.), а программа на 1922—23 г. из „Правды“ от 11 марта 1923 г.

воза за границу некоторых наших продуктов, (лес, нефть и пр.). Стоит только их затрачивать именно на это, а не на привоз конкурирующих с нашей индустрией иностранных промышленных изделий (сахар, мануфактура, плуги и т. д.), как это у нас сплошь и рядом делалось в обстановке поколебавшегося, было, в «черновой» период нэпа планового ведения нашего хозяйства (см. главу V: «Внутреннее хозяйство и внешняя торговля»).

Следует запомнить, что даже с точки зрения узко концессионной политики,—как правильно заметил один из крупнейших авторитетов в этом отношении, выдающийся работник экспортного и лесного дела т. Либерман (Северолес),—даже только с точки зрения достижения на практике успешного заключения действительно полезной и приемлемой для нас части концессий,—является вредной потеря масштаба и чрезмерная шумиха вокруг этого дела когда она имеет место. Когда за границей делались известны списки концессий, которые считал бы возможным предложить ВСНХ (см. выше), то самая масса их производила отрицательное впечатление на европейские «деловые круги». У них создавалось, во-первых, впечатление крайней безнадежности возможности неубыточного хозяйства в России. раз сам ВСНХ готов отказаться даже от таких отраслей, как электрическая (они, ведь, знают все наши планы относительно электрификации и потому сугубо это оценивают) или как производство земледельческих минеральных удобрений (для чего явно должен быть обеспечен широкий сбыт в русском земледелии, а следовательно и возможность поддержания и развития хотя бы основных существующих заводов). Во-вторых, у них создавалось предположение, что Россия, должно быть, действительно накануне экономического краха, раз оттуда доносятся голоса о подобной «массовой» возможности концессий, а тогда лучше не связываться с этим правительством и выждать сначала, что дальше будет.

Для серьезной постановки концессионного дела, по вполне правильному мнению таких практических авторитетов, как т. Либерман, нужны два условия: во-первых, показать сначала, что мы и сами на что-нибудь годны, что мы и сами способны подымать свое хозяйство, чтобы «деловой мир» имел доверие к нашей хозяйственной прочности, чтобы он вообще решился с нами серьезно «связываться». Потому порядок развития—обратный предполагавшемуся многими. Не тот, что широкое развитие концессий подымет русскую промышленность. А наоборот тот, что как раз только на основе самостоятельно подымающегося рус-

ского «национализованного» хозяйства смогут реально появиться и серьезные концессионеры. Но появиться уже не в качестве охотников отобрать самые лучшие и верные из уже работающих предприятий,—а для разработки неиспользуемых богатств природы и для оживления мертвого груза бездействующих труб.

Второе условие—предание забвению производящих в Европе указанное выше впечатление «концессионных каталогов» и выставление небольшого сравнительно числа продуманных об'ектов концессий, которые крупную вспомогательную пользу для развития нашей промышленности и хозяйства вообще, как, напр., американское бурение в Баку, соединяли бы с достаточной «привлекательностью» для иностранного капитала. Нельзя мотивировать необходимость аренд и концессий убыточностью государственных предприятий. Нельзя считать заграничных капиталистов такими идиотами, чтобы было возможно заманить их на вложение крупных средств рекламированьем «крайней убыточности для государства» и совершенной невозможности бездефицитного ведения предлагаемых предприятий—подбирая их для сдачи как раз по этому признаку и именно его наличностью доказывая желательность сдачи. Кто считал капиталистов такими простачками, тот мог за эти годы убедиться в противном. Капиталисты могут не знать теории Маркса, но свои классовые, и даже личные, карманные интересы знают отлично. Только для издевки над нашим культурным уровнем могут «специалисты» давать подобные «обоснования», ведя за собой на поводу иногда и иных, растерявшихся в их кругу, наших работников, не имеющих достаточного «экономического горизонта».

Заколдованный круг в концессионной практике, поскольку речь идет уже о существующих и работающих предприятиях, заключается в следующем: выгодных предприятий мы не сдадим, а невыгодных они не возьмут. Потому выход заключается, как было указано, в перенесении внимания, главным образом, на неиспользуемые нами природные богатства — здесь возможны большие доходы, но требуются и большие затраты.

Непонимание «экономики концессионного дела» вместе с указанным выше уклоном в «буржуазную сторону нэпа», как выражается тов. Зиновьев, при наличности потребности в привлечении дополнительных средств в промышленность и при (вполне почтенном, конечно), отсутствии терпения выжидать более медленного под'ема русского хозяйства собственными силами—все это вызывает в нервных и несколько пошатнувшихся, было, под влиянием нэпа элемен-

тах готовность и стремление провести все новые «уступки»—лишь бы добиться желанного притока буржуазных средств. Не всякий, ведь, отличается способностью и решимостью смотреть вещам прямо в глаза, какой проникнуто, например, известное письмо тов. Ленина профсоюзам, опубликованное осенью 1922 г., где он определенно и твердо рекомендует расчитывать не на иностранные капиталы, а на свою собственную упорную, тяжелую работу, с верным, неуклонным, но неизбежно сравнительно медленным восстановлением русского хозяйства силами и средствами самих трудящихся (по случаю с'езда профсоюзов).

В отличие от этого, в некоторой части нашей общественности стала обсуждаться и усиленно муссироваться в первые месяцы 1922 г. оглашенная нашей печатью мысль «комиссии т. Каменева» (по составлению закона о трестах) о новом способе, так сказать, «наверняка» заманить несговорчивых капиталистов и заохотить их понести нам свои денежки. Вот как излагалась она, например, в отчете «Бюлл. Всеросс. Текст. Синд.» о рассмотрении предложения комиссии тов. Каменева в заседании президиума ВСНХ от 3 февраля 1923 г.: «претензии, распространяющиеся на основной капитал, удовлетворяются либо путем привлечения кредитора в качестве акционера, или путем передачи задолженного предприятия в аренду, или, наконец, путем продажи кредитору задолженной части основного капитала» (см. также более подробные изложения в «Торг.-Пр. Газете» и др.).

Это предложение, как легко понять из всего изложенного в главе I-ой, не было оспорено соответственной частью наших «хозяйственников» (их больше интересовал вопрос, кто утверждает правления трестов: ВСНХ или СТО), но было решительно отвергнуто затем советской властью. И немудрено—ведь, в нем заключается в неприкрытом виде признание допустимости денационализации государственной промышленности, при том в самой неделовой постановке.

В самом деле, руководящая идея заключается здесь уже не в привлечении капиталистов к несению отчасти и промышленного риска, а просто в обеспечении уплаты оказанного ими кредита натурой. Наше государственное предприятие получит при таком порядке у иностранных или русских капиталистов деньги фактически под залог своего здания и оборудования. Если предприятие не заплатит в срок и ВСНХ не заплатит затем за него в известный льготный промежуток времени, то капиталисту даются «натурные» гарантии. Или государство

обязано сдать это предприятие в концессию этому или иному капиталисту. Или государство обязано продать предприятие с публичного торга и из выручки заплатить долг. Или государство обязано распродать только часть оборудования и т. п., если на покрытие долга хватит этой части. Предполагалось, что на таких условиях капиталисты охотно одолжили бы средства нашим государственным предприятиям, и этим облегчилось бы тяжелое финансовое положение многих из них.

Выгодность и приемлемость этого предложения не выдерживает критики. Тут мы имеем просто некритический «правый уклон» в «буржуазную сторону нэпа», по тому же крылатому выражению тов. Зиновьева. Современный капитализм в области кредита знает погашение его (т.-е. уплату долга) знаками, имеющими общее значение, могущими быть примененными для любой цели, т.-е. деньгами. Для какого-нибудь иностранного банкира, вместо данной им золотой валюты, получить обратно часть старых машин какого-нибудь русского завода или целую убыточную фабрику в Башкирской области—составит весьма сомнительное удовольствие. При такой системе погашения кредита приходится расчитывать не на весь возможный рынок получения средств в долг, а только на людей, специально заинтересованных в надежде на получение определенной русской фабрики или части ее оборудования (при неуплате в срок). Превращение денежного погашения кредита в погашение наличной натурой, таким образом, чрезвычайно суживает круг капиталистов, могущих вообще оказать кредит, а такое искусственное ограничение кредитного рынка ведет к чрезвычайному повышению процента за оказываемый кредит и, следовательно, к его невыгодности. Таков первый результат нового изобретения, вообще неизбежный при указанных условиях. Пользуясь по всей линии рыночными методами, нельзя безнаказанно пробовать перевести европейский капитал на получение долгов ненужными для него старыми машинами или отдельными фабриками. На это можно подловить только отдельных капиталистов, обладающих монопольным интересом к данному предприятию (преимущественно бывшие владельцы). А за монополию, понятно, сдирают дополнительно.

Во-вторых, нет никаких оснований думать, что гарантия определенной старой машиной или отдельной фабрикой для «серьезного» крупного капиталиста крепче или предпочтительнее общепринятой в Европе формы. Эта

форма заключается, как известно, в выпуске гарантированных государством облигаций данного предприятия (треста, железной дороги и т. д.). Облигацией называется удостоверение о займе, не дающее вовсе права на участие в управлении предприятием и не возлагающее на одалживающего деньги никакого промышленного риска. Прибыльно или убыточно предприятие, он все равно получит условленные проценты по своей облигации. И государство обеспечивает, что, если у предприятия не хватит, государство заплатит из своих (напр., при помощи печатания бумажных денег и покупки на них иностранной валюты). Если советское правительство вообще «не заслуживает доверия» капиталистов (это единственный довод против выпуска облигаций), то нам не поверят и тогда, если мы обещаем платить тем или иным оборудованием или заводом. Ведь, отдельный кредитор (одолживший) всегда может бояться, что вдруг мы, по рецепту Щедрина, внезапно заявим: «пред'явителю сего... выдается плюха».

Гарантия расплаты по кредиту натурой ничего общего не имеет с теми «производительными гарантиями», какие требуют иногда европейские государства. Когда капиталисты Антанты говорят о гарантии долгов китайскими таможнями, или Руром, или германскими железными дорогами, они имеют прежде всего в виду денежные доходы от таможен, железных дорог и Рурского бассейна, или поставку предметов массового промышленного потребления, как уголь, а не отдельные партии старых рельс или паровозов.

В-третьих, подобная оплата кредита натурой, если бы государство допустило до нее на практике, означала бы фактически, как сказано, открытие дверей для денационализации промышленности (для возвращения ее частным владельцам), при том в наиболее случайном и невыгодном для государства порядке. Случайность заключается в том, что не само государство признает обдуманно такую-то группу предприятий неважной или непосильной и потому сдает ее в аренду и т. п., но просто от уменья (или злоупотребления) отдельного директора треста или предприятия будет зависеть запутаться в долгах, пропустить срок уплаты и подвести этим предприятие под возможность денационализации. А при преобладании среди наших директоров деятелей буржуазного времени, неотличающихся особой любовью к пролетарской национализации, можно ожидать и намеренных действий в этом направлении—стоит только разрешить.

Невыгодность денационализации на таких началах.

противоречие ее всякому «хозяйственному расчету» очевидны без всяких разговоров. Раз государство обязано будет сдать задолжавшее предприятие в концессию, разумеется, концессионер сможет предложить гораздо худшее условия, чем если бы над государством этой принудительности не тяготело. Раз государство обязано будет продавать с публичного торга—разумеется, покупатели смогут предложить до смешного малую цену. Потому в деловом отношений этот проект представляется совершенно неприемлемым, хуже всякой обычной обывательской распродажи, при которой продавец вовсе не ограничивает себя наперед обязательством продать, сдать и т. д. Типичный образчик не только правого уклона, но и ребяческой невинности в области экономических отношений,—сочетание, вообще характерное для всех имеющих тенденцию к такому уклону в нашей среде. Ибо они, ведь, не являются представителями другого класса, но скатываются вправо нередко именно в силу совершенно ребяческого подхода к экономике: буржуй богат, дай-ка заманю его для нашего же использования—и начинается преклонение уха к «деловым» нашептываниям «специалистов» определенного типа о необходимости дальнейших «уступочек»—довод технический, довод исторический, довод психологический, довод от всех наук в мире, даже от еще невыдуманных,—как не поддаться и не выдвинуть сногсшибающий новый проект привлечения капиталов!

В-четвертых, такое обеспечение натурой ненужно для кредита доходным предприятиям: здесь лучшим и достаточным обеспечением для капиталиста должна служить их доходность. Он знает, что до получения натурой здесь все равно дело не дойдет, т. к. долги могут платиться из дохода. Значит, обеспечение натурой в этом случае не может увеличить охоту одалживать. Все равно ее здесь не получишь. Но оно ненужно и для кредита убыточным предприятиям, потому что ни один «серьезный» капиталист не захочет в обмен на свои деньги получить заведомо убыточное имущество. Этим его не заманишь.

Для кого же может быть вся эта операция выгодна? Или для такого бывшего владельца, которому удастся получить обратно доходное предприятие на почве корыстного злоупотребления со стороны его директора. Или для такого спекулянта, который хочет получить за бесценок, «за долги», какой-нибудь двигатель, турбину или иное оборудование просто для перепродажи по высокой цене какому-нибудь другому советскому же заводу. На этом далеко не уедешь.

Мы не касались здесь политической стороны дела, ибо она ясна. Предыдущий партийный с'езд (1922 г.) принял предложение товарища Ленина, что больше «отступления не будет», а изложенная идея требует как раз не только изменения Гражданского Кодекса РСФСР, точно и ясно воспрещающего открывать двери хотя бы частичной денационализации «за долги»,—но и всей нашей позиции в вопросе о национализации крупной и средней промышленности. Для этого нет никаких оснований, как нет и деловых оправданий проекту. Неудивительно поэтому, что указанное предложение не получило утверждения правительства и соответственная часть проекта комиссии тов. Каменева была отклонена.

* * *

Роль иностранного капитала, как непосредственного участника развития работы русской промышленности, оказалась, таким образом, в послевоенное двухлетие на практике ничтожной. Мы видели уже, что, с точки зрения перестройки заново техники, тут нет ничего страшного. Только когда советскую промышленность от нынешних 30% довоенного производства мы подымем хотя бы до 60%, что вполне возможно в течение трех лет,—только тогда придет черед серьезного, широкого технического обновления. И тогда, на основе уже безубыточной промышленности и бездефицитного государственного хозяйства вообще, оно будет для нас не так трудно, даже при отсутствии еще полной победы в Европе рабочей революции, которая к тому времени приблизится, однако, уже довольно чувствительно, ибо далеко успеет зайти процесс проникновения классовым пролетарским сознанием тех широких масс населения, какие выброшены в Европе войной и послевоенными годами из мещанской, крестьянской и самостоятельной интеллигентской среды в ряды наемных работников. Как известно, только опираясь на эту группу,—уже рабочих телом, но еще буржуа душой,—сумел европейский капитал подавить в 1919—1920 гг. революционное движение старого ядра тамошних рабочих масс.

Поднятие промышленной продукции не то что до 60%, а хотя бы до 40% общего довоенного ее размера, при нынешней степени ее концентрации, означает не только возможность платить рабочим все 100% довоенной заработной платы,—что будет достигнуто, вероятно, уже в течение 1924 г.,—но и безубыточность производства, уже отчасти достигаемую (см. ниже главу о сбыте).

Если таковы оказались итоги в отношении иностранного капитала, то не многим превзошли их и результаты попыток привлечь русскую буржуазию к вложению ее капиталов в промышленность путем сдачи ей в аренду государственных предприятий. По отчету президиума ВСНХ «Русская промышленность в 1922 г.» (издано в декабре 1922 г. к С'езду Советов, есть возможность подвести неоспоримый итог фактическому опыту в деле с арендой. В свое время, при начале арендной кампании, я предупреждал в «Правде» (ст. «Аренда», 26 июля 1921 г.) против преувеличенных ожиданий в этом отношении, считая наиболее вероятным хищнический авантюристский подход (сорвать, надуть, путем злоупотребления овладеть для спекулятивной продажи материалами, взять предприятие на ходу, вместо приведения в движение «буржуазными силами» бездействовавшего, и т. д.). В то время «арендный скептицизм» был не в большой моде. Напр., 3 августа 1921 г. «Эк. Жизнь» писала: «Когда арендатор будет брать у нас мало работающие или стоящие фабрики, мы это приветствуем, приветствуем т ы с я ч у р а з». Все эти «тысячекратные приветствия» имеющему шествовать господину арендатору, казались мне не слишком уместными и тактичными, да при том и несоответствующими партийной линии, которая видит в аренде лишь маленькое, сравнительно, подсобное средство, рассматриваемое при том в качестве неизбежного зла, а отнюдь не подходящий предмет для шумно-радостных тысячекратных приветствий: ура, удалось сдать его степенству часть государственных предприятий! Так слишком жизнерадостное отношение к аренде, такое бурное стремление иметь возможность на практике похвалиться достаточным числом заключенных аренд—менее всего располагало к необходимой осторожности и осмотрительности в деле ограждения общих и специальных государственных интересов при заключении арендных договоров. Во всяком случае теперь, после накопления массовых наблюдений над новыми формами хозяйственных отношений, можно от более или менее удачных «теоретических предвидений» и предсказаний перейти уже к непосредственному учету фактов.

Согласно данным ВСНХ, всего предназначено было для сдачи в аренду около 7 тысяч предприятий (не считая мельниц и крупорушек) с 20 рабочими на каждом в среднем (а всего до 140 тыс. чел.). По отношению к тогдашнему числу рабочих в государственной промышленности это составляло около 8%, а по отношению к продукции еще меньше. Ибо по типу в аренду предназначались преимущественно заведения мелкого типа, скорее ремесленного, чем фабричного (ср.

выше о среднем числе рабочих на одно предприятие в государственной и в ремесленной промышленности). А производительность труда в таких предприятиях, как мы знаем, гораздо ниже, чем в крупной и средней промышленности. Потому сумму их продукции надо считать во всяком случае меньше 5% общей продукции. Эта величина, сама по себе довольно ничтожная, как по своему количеству, так и по качеству, ибо речь идет, главным образом, о предприятиях, по своей величине и характеру играющих весьма слабую роль в общей народно-хозяйственной жизни. Но этого мало. Если обратить внимание, сколько из этих предприятий, назначенных в аренду, сдано фактически, то на деле реальный результат оказался еще меньше.

Принимая во внимание темп роста аренды и дополняя данные за прошедшие после составления отчета месяцы (даже не учитывая замечания ВСНХ об установленном его статистикой «определенном уклоне в сторону уменьшения числа сдаваемых предприятий»), получим, что в марте 1923 г. всего было сдано по ВСНХ в аренду около 4½ тысяч предприятий с 17 рабочими на каждое в среднем, а всего около 70 тыс. рабочих. Кроме того, по Компроду сдано около 7 тысяч мелких мельниц и крупорушек, примерно с 30 т. рабочих. Всего, следовательно, арендованные промышленные предприятия могут оцениваться в настоящее время, примерно, в 100 тысяч человек. При чем быстрота сдачи в аренду все более замедляется, процесс, видимо, исчерпал себя для данных условий.

Являются ли эти предприятия такими, которые буржуазия заново пускает в ход и этим что-то прибавляет к нашему производственному хозяйству?

По августовскому 1921 г. наказу СНК, должны сдаваться в аренду преимущественно неработающие, или работающие очень слабо. В сборнике ВСНХ мы находим на странице 56 сведения, что среди сданных процент промышленных заведений с исправными двигателями до 85,5%, а в отношении состояния промышленных заведений «на ходу» — до 82%, т.-е. четыре пятых сдано «на ходу». Таким образом, относительно четырех пятых аренды, надо сказать, что буржуазия продолжала ту работу, которую мы сами делали, и почти ничего нового не принесла. Она работала не путем вкладыванья новых крупных капиталов, а, так сказать, «на всем готовом», нередко даже обеспечив себя «казенным» сырьем, топливом, заказами и даже авансом.

Надо заметить, что государственным учреждениям из всех сданных сдано 11,5% предприятий, кооперативам 22%

и частному капиталу 66%, т.-е. две трети, при чем, согласно отчету ВСНХ:

а) «выявилось преимущество частного предпринимателя перед государственными учреждениями и кооперативами— в руки первых попало наибольшее количество действовавших промзаведений» (стр. CVIII отчета).

б) «Частный предприниматель успел получить наибольшее число заведений с наличием сырья и топлива» (там же), что вообще наказом СТО допускалось лишь в самых исключительных случаях. Практика пошла иным путем—стоит лишь оставить лазейку, как все случаи оказываются «исключительными».

Из приведенных официальных цифр, обнимающих почти всю Россию, можно сделать выводы:

1) что аренда промышленных предприятий играет в русском хозяйстве ничтожную роль по размерам продукции,

2) что эта аренда почти ничего не дала для развития русского промышленного производства, ибо речь идет о предприятиях, взятых на ходу и при том на треть переданных или государственным органам, или органам, неявляющимся государственными только формально.

Буржуазный капитал ищет ту «работу», которая доходнее в нынешних условиях. В нынешних условиях доходнее торговля. При наших условиях для чего, в таком случае, буржуа употребит свой рубль в арендной промышленности: чтобы уравнять ее «доходность» с торговлей? Чаще всего для того, чтобы наскоро сорвать, украсть, а не для «органической работы»,—для того, чтобы воспользоваться краткосрочной арендой, получить предприятие с запасами и распродать их в течение пары лет.

Если наша буржуазия охотнее вкладывает и может вкладывать сейчас свои средства в торговлю, а не в промышленные предприятия, то это происходит не только потому, что торговля обещает наибольшие выгоды, а еще и потому, что в ней деньги оборачиваются гораздо быстрее, чем в промышленности, и потому буржуа может «рисковать», даже при отсутствии у него твердой веры в долголетие государственной терпимости по отношению к буржуазному предпринимательству разного рода и т. д.

Выводы об итогах аренды, основанные на общерусских данных ВСНХ, можно дополнить еще результатами обследования арендованных предприятий Москвы и Московской губ., произведенного ЦУС и опубликованного в № 78 «Эк. Жизни». Подтверждая на московском примере правильность общерусских выводов, это обследование доставляет еще три интересных подробности:

1) Если сравнить процент выполнения производственной программы арендной промышленности с государственной, то приходится установить, что государственная промышленность выполняет свою программу более успешно, чем арендная. Этот же вывод подтвержден обследованием арендных предприятий Украины, где производство оказалось в среднем достигающим лишь 20% довоенного («Т.-Пр. Газ.» от 16 марта 1923 г.).

2) Заработки рабочих и служащих в арендной промышленности «не превышали норм оплаты труда большинства государственных предприятий», а условия труда, добавим, были гораздо хуже (если же считать, что частные рабочие не имеют льгот по квартирной плате и т. п., то положение их наверно не лучше).

3) Аренда не дает государству на деле и того небольшого дохода, какой должна бы давать даже при нынешнем размере аренды—арендная плата по Москве в одном январе 1922 г., по указанию самих арендаторов, должна была достигать ста миллиардов, а на деле арендаторы внесли московскому совнархозу за целых 7 последующих месяцев только 6 миллиардов, блестяще подтверждая мою характеристику смысла нынешней аренды для нашей буржуазии: урвать, сорвать и обжулить, вообще заниматься хищничеством, а не хозяйством.

Таковы факты. Вещи становятся на свои места, нарушенное в слишком впечатлительных умах представление о правильных пропорциях восстанавливается—и общественное внимание партии остается сосредоточенным на том основном, что и было и остается самым важным, с чем мы стоим и падаем, терпим урон и побеждаем: на непосредственном хозяйстве самого государства.

Из этого не следует, конечно, что надо уничтожить всю существующую аренду (уничтожать договоры надо только при основательном конкретном предположении уголовных или антисоциальных, противообщественных обстоятельств, как было, напр., с ростовскими булочниками или московскими гостиницами). Но это значит, что аренда должна занять в общественном сознании пролетариата подобающее ей весьма скромное место, а отнюдь не рассматриваться, как одна из основных линий нашего хозяйственного возрождения (к чему скатывались иногда отдельные представители правого уклона в «буржуазную сторону нэпа»). Строить на буржуазной аренде в наших отношениях какое-либо серьезное здание, значило бы проявлять, хотя и «правое», но все-же полное экономическое «ребячество». Вот почему резолюции партийных и советских с'ездов всегда рассматривали арен-

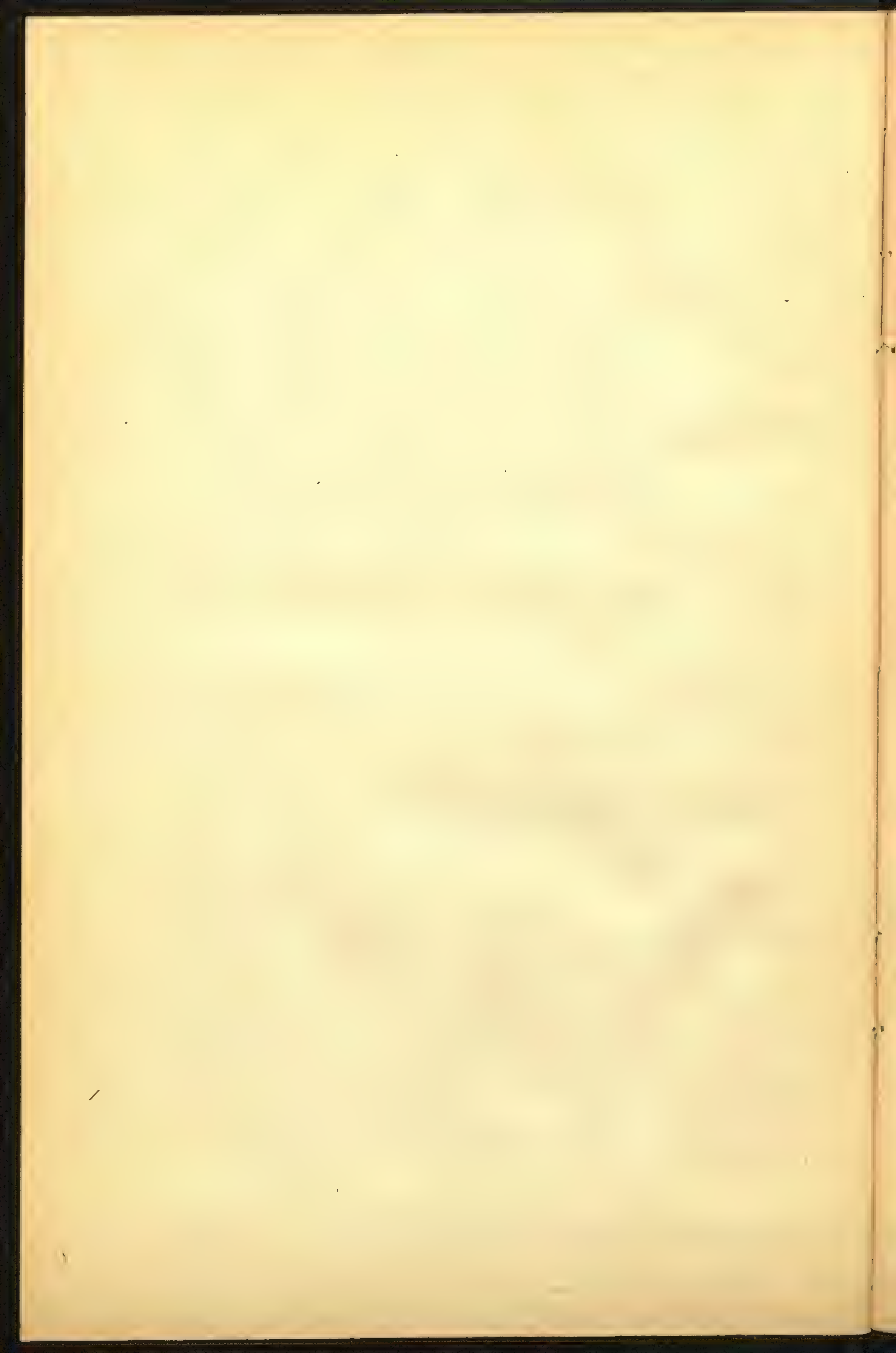
ду, лишь как подсобное средство ограниченного значения, главным образом, для мелочи.

При этом, если дальнейшее возрождение русской государственной промышленности может повести в известных условиях к действительному появлению полезных иностранных концессий (см. выше),—то, наоборот, в отношении аренды нет простора для широко развертывающихся перспектив и при дальнейших успехах нашего хозяйства. Ибо, очевидно, что, чем успешнее и больше будет работать государственная промышленность,—тем меньше будет оснований для сдачи ее в аренду.

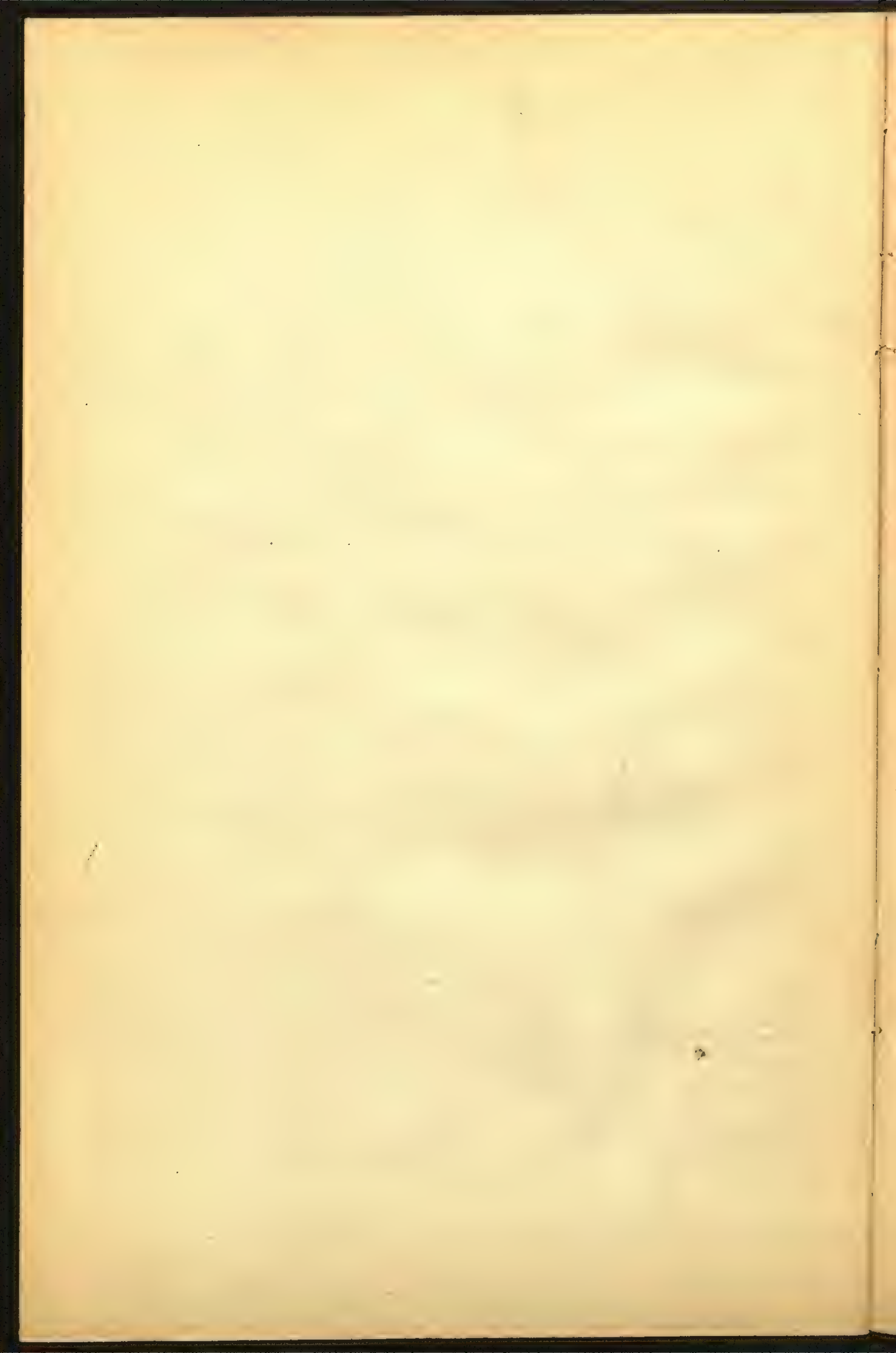
В статье о «Рынке и социализме» (глава I-ая) мы останавливались уже на том, что широкое участие буржуазии в торговой жизни страны отнюдь не является обязательной чертой нэпа. Наоборот, эта черта явилась следствием своего рода первоначальной «неупорядоченности» нэпа и начинает изживаться по мере того, как государство организует свои силы на почве новых методов (см. напр., систему плановых договоров, которую призван будет отчасти осуществить особый «комитет государственных заказов при СТО»—восстановление своего рода «комиссии использования при СТО», только действующей изменившимися формально методами, и т. д.).

Точно также в области промышленности нэп отнюдь не означает широкого развития частной фабрично-заводской промышленности. Переоценку в этом отношении концессионных и арендных ожиданий надо отнести к тем же проявлениям первого периода нэпа, которые преодолеваются в начинающем уже зарождаться, в стучащемся уже в двери втором периоде нэпа (см. ниже «Плановое хозяйство и детские болезни нэпа»).

Ибо нэп означает применение рыночных методов, но вовсе не обязательно буржуазией. Первый,—условно называя,—«стихийный», распыленный период нэпа действительно равносилен укреплению торговой буржуазии и переоценке роли ее в промышленности. Второй—плановой период нэпа — означает вымирание буржуазии, вытеснение ее пролетарским государством из захваченных, было, позиций. Этот захват произошел в процессе перестройки «военно-коммунистических» отношений на «рыночно-коммунистические». Окончание этой перестройки. побеждающий на плановой основе и при рыночных формально методах государственный социализм («рыночный коммунизм») ликвидирует и этот временный прорыв фронта.



V. ВНУТРЕННЕЕ ХОЗЯЙСТВО
И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ



Развитие русской государственной промышленности, чем дальше, тем в большей степени совершалось в послевоенное двухлетие во взаимодействии с мировым хозяйством. Мировое капиталистическое хозяйство само по себе является, конечно, сильнее советской промышленности. Потому для последней жизненно необходимо как раз организованное и плановое противопоставление себя европейскому капиталу в этих сношениях.

Сношения необходимы для обеих сторон. Для иностранных капиталистов, прежде всего, с целью получения от нас сырья и т. п., а по возможности и для ввоза к нам изделий личного потребления. Для нас—прежде всего с целью получения некоторых материалов и орудий. Плановая организация нами этих отношений необходима для получения требующихся выгод без возможных сопряженных с ними опасностей.

Но мы знаем, что первое двухлетие нэпа, этот первый его период, было как раз временем ослабления планового начала в русском хозяйстве, временем относительной распыленности органов и предприятий государства и некоторой разрозненности их действий (см. главу 1-ую). Неудивительно поэтому, что первое соприкосновение с иностранным капиталом, первые отражения влияния его на русский рынок и русское хозяйство вообще оказались богаты отрицательными чертами.

Монополия внешней торговли, как орган и выразитель единства государственной воли,—фактически была временно сорвана. Всевозможные госорганы и кооперативы стали как вывозить, так и ввозить различнейшие предметы, «разрешительный» порядок обращался часто в простую несущественную формальность, ни о каком «единстве воли» нечего было и говорить, все выступали взаимно конкурентами как на внутреннем рынке заготовки экспортных товаров, так и на внешнем. Широким потоком потекли в Россию, для конкуренции с русской промышленностью, закупаемые на русское золото иностранные промышленные изделия. Все это еще усиливалось необычайно широко

развернувшейся частной контрабандой, обороты которой ответственные деятели НКВТ оценивали в печати, как равные оборотам официальной торговли. Для постановки же борьбы с контрабандой на должную высоту меры принимались далеко не в соответствии со значением дела.

Постепенно развернувшееся, таким образом, фактически неплановое, «многовольное» хозяйство в области внешней торговли дало такие отрицательные результаты, что не могла не возникнуть, в конце концов, в этом отношении благотворная «коммунистическая реакция», начинающая теперь чувствоваться. Главные из этих отрицательных моментов таковы:

а) борьба на внутреннем русском рынке за отнятие сырья от русской промышленности иностранным капиталом,

б) наводнение России иностранными изделиями за счет сокращения сбыта русской промышленности,

в) стремительный рост золотого курса со всеми дальнейшими его неблагоприятными последствиями.

К этому присоединилось своеобразное фискальное использование экспортно-импортных операций Госбанком, имеющие, как увидим, ряд очень важных следствий как для развертыванья хозяйства вообще, так и для земледелия и для заработной платы—в частности. Но само это фискальное отношение к внешне-торговым операциям госорганов (помимо и сверх таможенных пошлин) стало возможным, без сомнения, именно в виду ослабления характера внешней торговли, как проявления единой воли государства,—в виду отношения к ней, как к частному делу каждого отдельного, разрозненно занимающегося ею госоргана.

Отношения внутреннего и внешнего рынка настолько переплелись уже в настоящее время, что ничего теперь невозможно понять в движении внутреннего рынка, сбыта, себестоимости продукции и т. д., не учитывая перекрещивающихся прямых и особенно косвенных влияний международного капитала, приходящего в связь с нашим хозяйством через область внешних сношений. России изолированной, «уединенного государства», как была она в годы «военного коммунизма»,—более не существует. Планомерное урегулирование соответственных отношений, исключение господства стихийности из этого участка «хозяйственного фронта» превращается поэтому теперь в одну из наиболее важных задач нашей экономики.

В самом деле, сравните три очередные «кризиса» нашей промышленности: начала 1921 г. — топливный, начала 1922 г.—сбыта, начала 1923 г.—сырья. Первый совершенно внутреннего характера: «просчитались», как выразился о нем тов. Ленин, т.-е., проще говоря, недооценили, недостаточно понимали необходимость проведения на практике планового хозяйства («по одежке протягивай ножки»). Обрадовались окончанию войны, стали слишком энергично развертывать промышленность, пережгли топливо и принуждены были в начале 1921 г. остановить много заводов, закрыть временно несколько тысяч верст железной дороги (январь). Топливная остановка послужили, как известно, существенным элементом той питерской «волынки», в которую вплелось затем заключительным аккордом кронштадтское восстание. Потому из этого восстания партия сделала выводы не только в смысле изменения методов взаимотношений с крестьянством, но и методов управления хозяйством. В марте 1921 г. почти одновременно публикуется о замене разверстки продналогом и об учреждении Госплана.

Однако, начавшая развертываться к осени практика первого периода нэпа не дала вполне укрепиться плановому хозяйству. В производстве еще господствовали «производственные программы», но в области сбыта начиналось уже известное «разбазариванье», неплановое отчуждение на сторону. Еще в начале зимы 1921 г. некоторые, например, тов. Крицман, автор этих строк и др.,—предсказывали на весну 1922 г. «кризис сбыта» в виду того, что все отдельные «невязки» нашего хозяйства, в силу расстройства планового начала, должны будут найти обобщение в общем кризисе именно сбыта. В то время эти предвиденья считались обычно скорее признаком некоторого ехидного недоброжелательства по отношению к «свободной игре сил» в нашей нэповской торговле, чем естественным выводом из разбора наличных тенденций. Однако, опыт подтвердил их, кризис сбыта пришел—и реакцией на него было (совершенно необходимое) разочарование в неурегулированном разбазариваньи, сдвиг в сторону образования синдикатов (мысль о которых была в это время выдвинута особенно тов. Ногиным),—действительное развертыванье деятельности которых было, однако, еще впереди.

Во всяком случае, кризис был также характера внутреннего. Наоборот, когда теперь, в начале 1923 г., печать и различные органы говорят о том, что промышленность «уперлась в кризис сырья», то здесь мы имеем дело с гораздо более сложным явлением. Правда, в нашей печати довольно

шумно был поставлен вопрос и о традиционном «кризисе сбыта», особенно в декабре 1922 г. и затем в марте 1923 г. Его необходимость выводили, главным образом, из факта отставания хлебных цен от цен промышленных изделий. Однако, произведенная ВСНХ среди трестов анкета о размерах их торговли за декабрь (опубликована в ряде номеров «Торг.-Пром. Газ.» за февраль и март), и затем обследование состояния рынка в начале марта 1923 г., произведенное экономическим отделом московской товарной биржи (опубликовано в «Эк. Жизни» от 8 марта), как и следовало ожидать, не подтвердили этих опасений.

Следует заметить, что по отчетным данным ВСНХ за первые 9 месяцев 1922 г.—самым крупным по торговым оборотам был сентябрь. В октябре и ноябре обороты были несколько меньше, а в декабре оказались больше почти по всей линии (и в среднем и по всей промышленности). Вот несколько типичных примеров, причем подсчет произведен ВСНХ в товарных рублях, т.-е. мы имеем дело с реальными, сравнимыми величинами:

	Сентябрь 1922.	Декабрь 1922.
Махорочный синдикат	132 тыс.	162 тыс.
Швейный синдикат	154 „	246 „
Северопатока	75 „	90 „
Госпромцветмет	189 „	227 „
Фарматрест	109 „	117 „
Гомза	81 „	114 „
Ив.-Возн. текст. трест	201 „	2158 „
Гусев. стекл.-хруст. комбинат	37 „	192 „

Что же касается состояния рынка для сбыта промышленных изделий в начале марта, то общей сводки его нет, но есть такие сведения по упомянутым данным моск. тов. биржи за неделю 28 февраля—4 марта.

«Достаточное оживление с хлопчатобумажными тканями, спрос на которые вырос в виду приближения весеннего сезона. Биржевая и рыночная цена на ситец и бязь даже несколько опередила синдикатскую цену. Повышенный спрос на хлопчатобумажные ткани поддерживался провинциальными покупателями, в частности представителями губсоюзов, охотно раскупавшими эти товары».

«Оживление было за минувшую неделю и с тонкими сукнами».

«Хорошо шли и льняные ткани, особенно отбельные».

«С металлами в течение минувшей недели также было весьма деятельно. Спрос постоянно усиливался, и не только на кровельное железо и гвозди, которые требуются в виду приближения строительного периода, но и на сортовое железо. Ясно чувствовался недостаток этих товаров. Прибывающие партии быстро расходились».

«Отдельно следует упомянуть об усиленном спросе на шинное железо, особенно крестьянских размеров, свидетельствующем о закупках деревни. Возрос также спрос на оцинкованное железо. Соответственно окрепли цены».

«Для москательных товаров минувшая неделя прошла в общем удовлетворительно».

«С нефтепродуктами, жирами и товарами основной химической промышленности наблюдалось несомненное оживление».

«Трест Лакокраска завален заказами и запродал всю свою выработку чуть ли не до половины апреля».

«С лесными материалами наблюдалось дальнейшее оживление, главным образом, в виду развития нашего экспорта, особенно на балансы и дубовую клепку. Постепенно цены подходят к довоенным, однако, московские все еще отстают от провинциальных».

Немудрено, что после таких данных, число которых можно бы умножить, экономотдел МТБ дает такой общий отзыв о состоянии рынка: «истекшая неделя на московском рынке (центральном оптовом рынке всей страны.— Ю. Л.) прошла в том же твердом и в общем деятельном настроении, как и предшествующая неделя, вопреки жалобам на заминку в делах и ожиданиям депрессии, которые столь часто приходится слышать в последнее время» (там же). Отчет за следующую неделю, 5—11 марта, сообщает о продолжающемся оживлении. Фактические биржевые отчеты являются лучшим опровергающим ответом на разговоры о кризисе промышленного сбыта, который будто бы должен был явиться следствием «несоответственных» хлебных цен промышленности. Ведь, это несоответствие... не нынешним отношениям, а довоенным! Понятно, что в наше время оно и не дает себя чувствовать, ибо нынешним отношениям «соответствует». Усиленный спрос особенно подчеркивается как раз на предметы крестьянского потребления, ситец и пр.

Таким образом, в положении и перспективах сбыта, как они существуют в жизни, а не в газетном шуме не в меру усердных радетелей деревни,—мы не находим реальных моментов для установления «кризиса сбыта». Наоборот,

нужно сказать, что именно в последнее время государственная промышленность как раз начинает выходить на путь безубыточной в общем и целом реализации (продажи) своей продукции.

С одной стороны, имеет место улучшившееся положение государственных финансов (сокращение армии и чиновничества, уменьшение культурных расходов, развитие денежных налогов в дополнение к возросшей эмиссии, реальную цену которой оказалось возможным возвысить благодаря послевоенному под'ему хозяйства). Улучшение государственных финансов дало возможность ближе к себестоимости оплачивать ту большую часть продукции государственной промышленности, какую государство берет себе. Раньше эта часть сдавалась по ценам, заведомо пониженным против фактических издержек производства. Например, цены на уголь для государственных потребителей (железные дороги и пр.), установленные СТО на лето 1922 г., составляли только 50% себестоимости угля в Донецком бассейне (согласно подсчету комиссии СТО в сборнике «На новых путях», вып. 3). Убыток приходилось покрывать растратой части средств самого предприятия (уменьшением его запасов, отсутствием замены изнашивающихся орудий и т. д.). Теперь же, с последней четверти 1922 г. и особенно с первой четверти 1923 г., покупные цены государства ближе подходят к себестоимости, по крайней мере, в основной массе продуктов, забираемых для транспорта и для военного ведомства. Процесс этот будет в дальнейшем все усиливаться—это естественная линия общепланового руководства государством и предрешенный в частности постановлением С'езда Советов в декабре 1922 г. вывод из улучшения положения.

С другой стороны—та меньшая половина продукции государственной промышленности, какая реализуется на свободном рынке,—продается уже вовсе не обязательно по ценам ниже себестоимости, как это было установлено той же комиссией СТО для времени до осени 1922 г. («На новых путях», вып. 3). Оправляющееся русское хозяйство, в том числе и оправляющаяся от голода деревня и достигший некоторого повышения заработка рабочий,—оказывается теперь уже в силах не только поглотить больше товаров (размеры продукции, как мы знаем, увеличились—см. главу IV-ую), но и поглотить их по более нормальным для данного положения промышленности в народном хозяйстве, т.-е. по более высоким ценам. Благодаря этому все более сходит в область прошлого убыточность в деле продажи и этой части промышленной продукции. Этот

процесс в дальнейшем тоже вряд ли будет существенно нарушен, ибо общий постепенный под'ем хозяйства России должен только укрепить его. Поскольку, конечно, наличность общего твердого планового руководства устранит возможность подрыва русской промышленности ввозом таких же заграничных изделий, произведенных в лучших условиях и потому более дешевых. К тому же рост внутреннего оздоровления советской индустрии (см. главу «Советское производство и частный капитал») также закрепляет и облегчает приближение к безубыточности.

Конечно, безубыточность сбыта не означает еще, что государственная промышленность сможет сама в себе теперь же или в близком будущем начать черпать все средства, какие ей вообще необходимы. Ведь, кроме покрытия непосредственных текущих издержек по производству своих изделий, наша промышленность нуждается еще в очень крупных средствах на восстановление разрушенных или поврежденных частей своего оборудования, на пополнение износа, какой не пополнялся в последние годы, на дальнейшее разворачивание свое и т. п. Даже по самому скупому и урезанному «нищенскому» ориентировочному бюджету ВСНХ на 1922—1923 хоз. год (с 1 окт. до 1 окт.), мы имеем такое соотношение, считая в нынешних золотых рублях по курсу котировочной комиссии Госбанка.

Годовая себестоимость всей продукции 2.236 милл. рублей [1]). Допустим, что она в среднем полностью реализована без убытка, при том с уплатой всех лежащих на промышленности налогов. ВСНХ действительно этого ожидает, как общего итога (по отдельным отраслям результат может несколько колебаться). При очерченных выше перспективах эти ожидания можно считать в общем основательными (из этого вытекает, между прочим, для хозорганов невозможность ссылаться в будущем на «катастрофическое» положение при вопросах о действительном проведении Кодекса Труда, о выплате заработной платы в срок и т. д.).

Но сверх эксплоатационных расходов, составляющих себестоимость продукции, даже этот крайне скромный, уре-

---

[1]) Читатель не должен смешивать это с оценкой продукции по довоенным ценам. Курс котировочной комиссии примерно на 25% ниже реального курса золота по индексу (напр., 1 зол. рубль 10 марта в Москве по котир. ком. ценился в 23.5 м. руб. советских, а реально оценивался в 32 м. руб. сов.). Уже после одной этой поправки цена продукции оказывается только около 1.670 м. руб. зол. Но теперешние цены промышленных изделий на треть выше довоенных—после этой поправки остается около 1.250 м. р. зол., считая по довоенным ценам.

занный бюджет ВСНХ содержит в себе еще следующие статьи (в зол. руб., по курсу котировочной комиссии Госбанка):

а) восстановление необходимых запасов . . . . 153 мил. руб.
б) капитальный ремонт. . . . . 182 „ „
в) консервация стоящих заводов . . . . 295 „ „
г) амортизация (только в прибыльных предпр.) . 68 „ „

А всего около 430 милл. р. или почти 20% к себестоимости продукции. Но продавать в среднем всю продукцию промышленности на 20% выше себестоимости,—вернее, не на 20%, а на 40% или 50%, если вспомнить, что это бюджет крайне урезанный,—мы сейчас не можем. А когда уровень производства дойдет до 70% и выше от довоенного производства—то не сможем тем более. Ибо соотношение между продукцией промышленности и сельского хозяйства и прочие условия будут требовать тогда менее значительного превышения промышленных цен над хлебными и т. п., чем теперь.

Потому и в будущем, в течение ряда лет, для того, чтобы достичь такого развития индустрии, в каком Россия нуждается, придется заведомо производить переливание в нее средств из других отраслей хозяйства. Правда, уже не просто для покрытия убыточности, но для расширения, для создания новых предприятий и т. д. Да и смешно было бы думать, что один только занятый в нынешней промышленности пролетариат, может вынести только на своих плечах создание таких громадных новых ценностей, какие необходимы для создания новой грандиозной индустрии, способной широко обслужить все потребности страны с многочисленным населением, среди которого этот пролетариат составляет едва 10% жит. Раз стране необходимо создание новой индустрии,—а оно необходимо,—ей придется отдать на это необходимую часть своего труда в целом, отнюдь не ограничиваясь трудом тех, кто занят в старой промышленности в старых ее размерах.

Электрификация сельско-хозяйственной России, ее транспортное и тракторное устроение и т. д. явятся и должны явиться результатом упорной работы всей России, а не одного только промышленного пролетариата.

Но, во всяком случае, во второй, ныне приближающийся к нам «плановой период нэпа», государственная промышленность вступает с гораздо более благоприятными перспективами (возможностями) в смысле нормальной реализации своих изделий, чем это имело место в первом периоде.

Начавшемуся процессу ее производственного роста не грозит опасность быть смятым и опрокинутым совершенно несоответствующими условиями в области сбыта. Опасность могла бы возникнуть не от отсутствия благоприятных об'ективных предпосылок, а от плохого использования их недостаточным развитием общепланового начала в управлении хозяйством.

Управление нашим хозяйством может делать успехи на пути к коммунизму, только как управление плановое. Мерой того, насколько нам удалось в жизни внести господство планового начала в экономику,—надо измерять и степень движения нашего вперед к социализму. Секрет успеха при громадных естественных и личных рессурсах, находящихся в нашем распоряжении, прежде всего в твердом, неуклонном проведении намеченной линии, как когда-то умели проводить свои линии капиталисты, и даже лучше этого. Недаром в известных своих статьях «О Рабкрине» Владимир Ильич, как центральный вопрос, поставил вопрос об управлении.

Но для диктатуры пролетариата экономически управлять—значит практически итти по дороге роста и усиления планового хозяйства. Его успех подводит экономический фундамент под политические завоевания советской власти.

К необходимости господства планового начала в нашем государственном хозяйстве, в нашем экономическом управлении,—в полной мере можно отнести слова, сказанные тов. Лениным об управлении вообще: «нам нужно научиться управлять, и мы должны помнить, что порядок должен быть строже, чем он был при капиталистах. Мы должны работать хорошо, мы должны помнить, что если мы будем работать плохо, то все мы полетим к чорту. Мы должны помнить, что всех, не иначе, перевешают, да и великолепно сделают, так и надо». (Речь на с'езде политпросветов—см. «Труд» от 19 октября 1921 г.).

* * *

В отношении обеспечения достаточной наличностью сырья вся государственная промышленность может быть разбита на четыре группы:

а) Не испытывающая затруднений в смысле наличности сырья, где вопроса о борьбе с иностранным капиталом за сырье фактически не существует, — напр.: деревообделочная, сахарная и др.

б) Достаточно могущая быть обеспеченной сырьем при запрещении его вывоза за границу, где борьба с иностранным капиталом за сырье решается при внимании к плановому началу в государственном хозяйстве,—напр.: металлическая, пеньковая и др.

в) Принужденная отчасти ввозить сырье из-за границы, но не испытывающая конкуренции из-за сырья с иностранным капиталом на внутреннем рынке, напр.: хлопчато-бумажная, тонкошерстная, резиновая.

г) Питающаяся таким сырьем русского производства, которого у нас имеется избыток и которое одновременно является поэтому предметом вывоза для иностранной промышленности,—здесь вопрос сводится к вопросу о ценах сырья и влияния их на себестоимость готового изделия (напр.: льняная).

Здесь надо различать две стороны: о нынешних и ожидаемых рессурсах (количествах) сырья и о его цене. Первый вопрос не грозит нашей промышленности никакими серьезными осложнениями, и по этой причине ожидать «катастроф», «свертыванья» и т. д. не приходится.

Правда, главные отрасли государственной индустрии вырабатывают сейчас изделия в количестве, какое требует для своего воспроизводства больше сырья и первичных продуктов обработки, чем сколько этого сырья и первичных продуктов сейчас заготовляется. Эти отрасли все еще живут старыми запасами, лишь постепенно приходящими к концу. О текстильной и кожевенной промышленности общеизвестно, что приходится выписывать из-за границы хлопок, тонкую шерсть подошвенную кожу. При том овцеводство у нас настолько пало, что придется выписывать шерсть еще длинный ряд лет. Для поднятия хлопководства понадобится после окончания Семиреченской жел. дор. (которая обеспечит Туркестан хлебом по доведении ее до Пишпека к 1924 г.) лет пять. Тяжелые кожи, как и резину, приходилось ввозить в Россию и до войны, тем более теперь. Но даже металлическая промышленность, и та, несмотря на все свое сжатие, производит готовых товаров больше, чем первичных.

Добыча железной руды, после нескольких лет перерыва, только-только начала возобновляться в 1922 г. Если сравнить не все готовые изделия, а только выпуск прокатного материала сравнительно с выплавкой чугуна, из которого его катают (а, ведь, готовые изделия изготовляются и из старой прокатки и пр.), то окажется, что средние месячные величины (в тыс. пуд.) составляли для

всей России, по подсчету тов. Сарабьянова в № 57 «Т.-Пр. Газ.» за 1923 г.:

	Выплавка чугуна.	Прокатка.
1913 г.	21.450 тыс. пуд.	17.852 т. п.
1920 г.	585 „ „	1.019 „ „
Первое полугодие 1921 г. .	609 „ „	785 „ „
Второе „ 1921 г. .	576 „ „	1.015 „ „
Первое „ 1922 г. .	900 „ „	1.395 „ „
Второе „ 1922 г. .	1.014 „ „	1.267 „ „

По программе на 1923 г., назначено в месяц в среднем 1.367 т. п. выплавки чугуна и 2 миллиона пудов прокатки. Без конца, разумеется, нельзя катать больше, чем выплавляется чугуна. Однако, и текстиль, и металл и пр. не находятся в безвыходном положении. Металл — по причине наличности таких крупных старых запасов, что они вполне обеспечивают работу металлопромышленности на ближайшие три года, за время которых можно достаточно (относительно) поднять и добычу руды и выплавку чугуна. Эти старые запасы заключаются не только во многих десятках миллионах пудов уже извлеченной руды, но и в наличности около 130 милл. пудов металлического лома, пригодного частью для непосредственных поделок, частью для переработки в вагранках для прибавки к чугуну (см. отчет «О работе металлоторга за 1922 г.» в «Э. Ж.»).

Весьма значительная часть этого «металлического лома» находится у нас в виде признанных негодными старых военных кораблей и старых паровозов. Одним из вреднейших проявлений «нэповского бесипланья», одним из более ярких примеров использования его иностранным капиталом за счет подрыва прочности русской государственной промышленности—явился факт приступа к вывозу за границу этого драгоценнейшего металлического фонда республики. Правда, фактически за 1922 г. металлоторг, по его отчету, успел вывезти за границу на деле только 7½ милл. пуд., а в начале 1923 г. «плановое начало» в подходе к торговле, в том числе и ко внешней, настолько решительно стало брать верх, что был довольно решительно поставлен вопрос о полном запрещении вывоза «лома» за границу (см. напр., постановление Госплана в начале марта). Но самый факт остается все же красочным проявлением той «борьбы за сырье», борьбы иностранного капитала за отнятие сырья от русской промышленности на внутреннем русском рынке, возможность которой создана потрясением планового характера государственного хозяйства в

первый период нэпа, ныне приближающийся к началу своего изживания [1]). Разумеется, мы говорим здесь о плановом хозяйстве, как о связанной, внутренне целостной программе государственного хозяйства в его совокупности, а не о наличности плана в отдельных разрозненных операциях. Металлоторг мог иметь превосходный план для разрешения задачи по вывозу за границу $7\frac{1}{2}$ милл. пудов металла, но *сама эта задача*, с точки зрения планового руководства государством, не должна была быть поставлена. Тысячи *отдельных* планов отдельных хозяйствующих единиц (отдельных госорганов) дают в результате, как известно, только бесспланье, хаос, стихию буржуазного общества. Нам необходима наличность *единого плана, обнимающего основные линии всего хозяйства в целом*: тогда видно было бы не только то, что заграничные капиталисты охотно покупают русский металлический лом и потому можно отбуксировать туда старые военные суда,—но и значение этого лома для существования металлопромышленности в ближайшие годы.

В сходном положении находятся и еще некоторые отрасли промышленности, напр., грубых сукон (из грубой шерсти) и пеньковая промышленность (производство изделий из конопли). И здесь «кризис сырья» надо понимать как *относительный*, т.-е. русского сырья достаточно для русской промышленности и теперь, если запрещен вывоз его за границу. Оканчивающийся теперь период беспорядочной внешней торговли, период фактического отсутствия *государственной* монополии внешней торговли (подмененной на деле правом почти на любой вывоз чуть не для каждого госоргана),—этот период и в отношении грубой шерсти и конопли создал в течение 1922 г. положение аналогичное (подобное) положению с металлом.

Вывозу шерсти был положен конец в самом начале 1923 г. постановлением СТО, после того, как практика достаточно показала недопустимость такого типа «развития экспорта», какой полезнее иностранному капиталу, чем нам. Вопрос о конопле сейчас (март) еще обсуждается. Разрешенный размер вывоза пеньки составляет сейчас около 1 милл. пуд. в год. Между тем, до войны вывозилось $3\frac{1}{4}$ милл. пуд., а площадь посева конопли сократилась в 4 раза.

---

[1]) Металлоторг, между прочим, пишет, что хотя на 1923 г. он переносит центр тяжести работы с внешнего рынка на внутренний (для снабжения металлических заводов 20 милл. пуд. лома и кустарей и деревни 3 милл. п.), но все же в 1923 г. на внешний рынок предположено вывезти старые паровозы, суда, лом и стружки „в количествах, которые будут определены по рассмотрении вопроса в Госплане" (там же).

и урожай с десятины уменьшился, так что без опасности для снабжения сырьем русской фабричной и кустарной пеньковой промышленности вывоз в 1 милл. пуд. осуществлен быть не может («Бюллетень Всеросс. Текст. Синд.» от 3 марта 1923 г.).

Были и другие яркие случаи того, как иностранный капитал пользовался относительным бесплановьем первого периода нэпа. Сюда, напр., относится, привлекший к себе много внимания вывоз за границу из Закавказья хлопка (при ясно выраженной резкой недостаточности и без того наших внутренних хлопковых запасов). Сюда относятся менее привлекшая к себе внимание нашей печати продажа жел.-дор. миссией проф. Ломоносова за границу крупного морского парохода, перевозившего к нам паровозы, и затеянная «Аркосом» продажа в Англию 6 больших пароходов, плававших в 1922 г. в Карскую экспедицию («Иртыш», «Яков Свердлов» и др.),—особенно тяжелые для нас в виду общей незначительности русского морского торгового флота и крайней в нем необходимости.

Такие примеры наглядно показывали недопустимость для каждого хозоргана автономно (самостоятельно) руководствоваться только собственными ближайшими узкими интересами, без подчинения этих хозорганов жесткому руководству общеплановой воли государства. Одному хозоргану понадобилась иностранная валюта, он накупил хлопка и везет его за границу. Другому не нужны в данный момент находящиеся в его распоряжении пароходы — давай продавать их за границу. Словом «свободная игра хозяйственных сил», неруководимая властно и планомерно проявляемым централизованным руководством, приводила вновь и вновь к вреду для государства, который приходилось приостанавливать отдельными постановлениями правительства. Так, СТО воспретил дальнейший вывоз хлопка из России, а равно не состоялась и продажа шести пароходов «Аркосом».

Вред этого бесспланья усугубляется тем, что вместо вывезенного хлопка или шерсти приходилось затем покупать за золото и по более дорогой цене новый хлопок и новую шерсть, да еще платить громадные суммы за провоз в оба конца на иностранных пароходах. На с'езде текстильщиков было доложено, как вывезли в Англию «лучшую русскую мериносовую экспортную шерсть», которая благодаря неумелой технике дела «прошла по 13—14 пенсов за один фунт» (в то время, как цена была вообще на лондонском рынке «не ниже 28 пенсов»), при чем «продав эту шерсть по низкой цене, Внешторг сейчас

же приступил к закупке шерсти на заграничном рынке для обратного ввоза в РСФСР, но уже по очень высокой цене». («Бюллетень Всерос. Текст. Синд.» от 8 января 1923 г., передовица «Новая угроза шерстяной промышленности»).

Все эти уроки и опыт беспланья привели и приводят постепенно к его преодолению руководящим вмешательством государства и к разочарованию в слишком широких размерах свободной торговой инициативы наших хозорганов. С одной стороны, одно за другим накопляются постановления СТО, воспрещающие вывоз того или иного вида сырья, а с другой—принимаются общие меры, в роде опубликованного 8 марта 1923 г. декрета СНК «о мерах к урегулированию торговых операций государственных учреждений и предприятий». Декрет этот лишает хозорганы и все вообще госорганы права покупать или продавать предметы, которые не имеют прямого отношения к специальным задачам соответственного органа. До сих пор, напр., шерсть, коноплю или лен для вывоза за границу скупали и вывоз этот производили такие разнообразные органы, как Чаеуправление, Всевобуч, московск. ЕПО (потреб. общество), Академия и т. д.,—всему этому теперь кладется конец.

Таким образом, поскольку речь идет о первых двух из указанных выше четырех групп промышленности, им не грозит «катастрофическое сокращение производства из-за отсутствия сырья», раз начинающийся второй период нэпа своим государственно-плановым подходом к делу исправляет ошибки и недочеты первого периода.

* * *

Точно также не за отсутствием сырья остановка и для четвертой группы промышленности, для которой на внутреннем рынке имеются даже несомненные избытки сырья, подлежащие поэтому вывозу за границу и действительно привлекаемые иностранным капиталом. Здесь влияние стремления к нему сказывается не в создании абсолютного недостатка сырья, а в повышении его цен в сторону выравниванья с мировыми. Отсюда возникают величайшие затруднения для государственной промышленности. Цена сырья является очень крупной частью себестоимости продукции. Промышленность работала до сих пор на дешевом сырье. Его стремительное вздорожание делает чрезвычайно убыточным все производство. Типичным примером являются льняные тресты. Поэтому отчасти именно из льняных трестов впервые вышло на поверхность общественности стремление к снижению размеров заработной платы. Это было неудавшейся попыткой перело-

жить на рабочую силу бремя, возложенное на промышленность *неурегулированностью* воздействия на сырьевой рынок влияния иностранного капитала, неограничиваемого достаточными плановыми оковами государства.

Ибо пережитое бурное повышение цен, напр., на льняное сырье, вовсе не обязательно должно было сопровождать заготовку его для вывоза за границу. С конца января по конец февраля 1923 г., за месяц, цены льна поднялись почти в 4 раза, с 4 милл. руб. советских (старого образца) до 15 милл. руб. за пудономер. Между тем, общий уровень цен в стране возрос отнюдь не на 300%, а только на 30%, *вдесятеро меньшим темпом* (быстротой). Беспорядочная закупка льна для внешнего рынка различными организациями, начавшими готовиться к вывозу льна за границу в предстоящую навигацию, приводила к тому, что напр., в некоторые пункты Тверской губ. являлось сразу по 5 скупщиков, представлявших разные государственные (и кооперативные) торговые органы, и наперебой повышали цены, предлагаемые крестьянам. Ибо закупка шла для заграницы, а за границей цены были значительно выше наших, и потому можно было не стесняться.

Между тем, если бы заготовки льна для экспорта произведены были в плановом порядке, повышения цен на 300% на крестьянском рынке не произошло бы. Они несколько повысились бы, но главная часть разницы между русскими закупочными и заграничными продажными ценами осталась бы в руках государства (столь нуждающегося в увеличении своих средств). Для этого должен был существовать *единый* закупочный орган, находящийся в руках *государственной промышленности*. Она и должна была получить те кредиты (около 1 милл. золотом), которые были розданы различным торговым органам. Тогда промышленность заготовила бы лен и для себя и для экспорта, теперь же она оказалась не в силах обеспечить себя в должной мере по несоразмерно вздутым ценам.

Неудивительно поэтому, что на состоявшемся 5-го марта 1923 г. всеросс. с'езде представителей льняного дела, как сообщает «Эк. Ж.», от 7-го марта, «по основным вопросам единодушия между участниками с'езда не было достигнуто» и «большинством 33 голосов (крестьянской кооперации) *против 23 представителей промышленной группы*» были признаны «оправданными» возлагавшиеся на кооперацию надежды в деле «организации льняного рынка». Это в момент наибольшей его дезорганизации! Но крестьянская кооперация считает для себя выгодной такую

дезорганизованность экспортных заготовок, поскольку она дает возможность поставить уровень деревенских цен в прямую связь с ценами иностранного капитала. Наоборот, «промышленная группа», как сообщает там же «Эк. Ж.», внесла «особое мнение», где требовала дело экспорта «строго согласовать с потребностью вольне промышленности, которая должна быть снабжена сырьем преимущественно перед экспортом по справедливым ценам».

Эта вполне государственная точка зрения, как сказано, была отклонена кооперативно-крестьянским большинством. Оно считало возможным пренебречь работой наших фабрик даже при согласии их на уплату «справедливых цен» (т.-е. окупающих крестьянскую себестоимость с известной прибылью),—раз от иностранного капитала можно получить еще больше.

Как велики выгоды, какие государство может извлекать из экспорта сельско-хозяйственных продуктов при государственно-плановой постановке дела, показывает опыт Внешторга с хлебом. Как известно из данных Внешторга, за текущий хозяйственный год он продал за границу около 10 милл. пудов хлеба, из них около половины уже фактически прибыло за границу. За вычетом всех расходов, по подсчету члена коллегии Внешторга тов. Плавника, остается чистого дохода около 1 руб. 20 коп. золотом на каждом пуде. Это такая величина, которая дала бы возможность государству, если бы это признано было нужным, в случае дальнейших хлебных экспортных заготовок повысить платимую крестьянам цену, скажем, на 20 коп. золотом на пуд (т.-е. на 160 тыс. руб. советских старого образца за фунт),—и все же оставалось бы государству еще по рублю золотом за пуд. Здесь, в таком, т.-е. в государственно-организованном (плановом) развитии хлебного экспорта, мы имеем могущественное орудие для увеличения прилива средств в промышленность без увеличения обременения крестьян. Этот прилив шел бы через государственную казну, которая выручаемые от хлебного экспорта доходы обращала бы, главным образом, на увеличение тех оборотных средств, от недостатка которых иногда порой прямо задыхаются, во всяком случае, сокращаются различные отрасли советской индустрии.

Например, та же льняная промышленность исключительно по отсутствию кредитов не могла обеспечить себя на год вперед льном в конце 1922 г., когда цены его были на 40% ниже довоенных (хотя лен имелся на рынке более,

чем в достаточном количестве), и должна думать об этом теперь, когда цена его сравнялась с довоенной и обогнала коэффициент роста цен готовых льняных изделий. Потому, естественно, и коэффициент роста заработной платы сравнительно с довоенной, наоборот, отстает от коэффициента роста цен готовых льняных изделий (коэффициент означает количество раз, в какое возрасла цена против довоенной). Ибо должно быть достигнуто равновесие. Цена готового товара в основном состоит из доли крестьянина (сырье—лен) и из доли рабочего (цена рабочей силы, затраченной на выработку изо льна какой-нибудь льняной ткани, и т. п.). Если цена крестьянской доли возрасла выше роста цены всего готового товара (благодаря влиянию на рынок возможности неорганизованной связи с иностранным капиталом),—то цена рабочей доли (заработная плата) неизбежно должна быть ниже, для нее больше не остается. Уравновесить подобное влияние связи с иностранным капиталом, нарушающее правильную пропорцию, можно только плановым хозяйством государства, т.-е. подчинением этой связи определяющему ее характер государственному воздействию.

Между тем, подобное беспорядочное вступление в связь с иностранным капиталом, как в смысле заготовок для него, так и в смысле самого выхода на внешний рынок, создает в конце концов неблагоприятные предпосылки для выгодной реализации сырья за границей. Цены на внутреннем рынке подымаются настолько, что нет возможности выгодно продать, «вывезенный и непроданный лен давит на цены и ухудшает для нас кон'юнктуру рынка», «хранение льна за границей связано с большими расходами в дорого стоящей валюте» и т. д., и в итоге «общие перспективы льняной торговли представляются довольно трудными», и деятелям льняного дела необходимо, «учитывая общие условия переживаемого республикой момента, подчинить им свои групповые интересы» (все цитаты из речи т. Л. Б. Красина на льняном с'езде—«Эк. Ж.» от 4 марта).

Нет сомнения, что подобные результаты получились бы и в хлебном деле, если бы нынешняя государственная заготовка и государственный экспорт хлеба были заменены заготовками и экспортом многих отдельных частных фирм и госорганов. Цены на внутреннем рынке беспорядочной конкуренцией и отсутствием единой воли закупщиков скоро оказались бы вздутыми до уровня мировых цен. Выгода государства, получение рубля золотом на каждом пуде—исчезли бы. И самый сбыт на внешнем рынке оказался бы в конце концов затруднительным.

Потому вполне правилен делаемый Внешторгом учет первого периода нэпа, на основании которого в начинающийся его второй период он вступает с программой действительного осуществления монополии внешней торговли, как выразителя единства воли государства,—путем создания для каждой группы товаров одного монопольного по вывозу их за границу органа. В печати оглашено уже, напр., что будет единый орган по экспорту хлеба. Ни одна губерния не сможет вывезти сама свой «дотационный» хлеб, ни заготовивший его Центросоюз, или иной какой-нибудь кооперативный или государственный орган. Все должно передаваться создаваемому Внешторгом монопольному по хлебному экспорту учреждению, и уж одно это учреждение будет выступать с русским хлебом за границей.

Подобно этому должен быть организован монопольный орган по экспорту льна, кем бы этот лен ни предоставлялся для экспорта: непосредственно крестьянскими кооперативами, или промышленностью от ее избытков (если бы такие образовались), или Всевобучем, сохранившим еще, может быть, остатки льна, закупленного им в первый период нэпа, когда допускалась еще торговля для всякого госоргана всем, что ему придет в голову. Дополнение монополии вывоза еще плановой организацией заготовки, сосредоточением ее в руках об'единенной для этого государственной промышленности (в данном случае—льняной), опирающейся на оборотный кредит государства, все равно затрачиваемый на дело реализации льна, — вот путь для окончательного преодоления «гримас нэпа» на рынке таких видов сырья, какое имеется в России в изобилии, допускающем даже вывоз за границу,—и какое без этого оказывается слишком высоко подвешенным виноградом как раз для государственной промышленности.

В заседании 14 марта 1923 г. СТО утвердил список 25 органов, которым одним только будет принадлежать право внешней торговли. Все остальные госорганы России этого права лишаются. Из этих 25 органов 10 являются монопольными (лесной, льняной, угольный, чайный, кожевенный, хлебный, резиновый, текстильный, медицинский, по пушнине). Затем по нефти сохраняется 3 органа (Баку, Грозный и Нефтесиндикат). Далее право внешней торговли сохранено за восемью областными Экосо и, в отведенных для них пределах, за обоими кооперативными центрами (Центросоюз и Сельскосоюз). Сверх того остается Госторг (как орган Внешторга), которому поручено в частности обслуживанье учебно-научных потребностей и т. д. Но никто даже

из этих 25 органов не имеет права заниматься ни экспортными, ни импортными операциями по кругу товаров, состоящих в ведении первых десяти монопольных органов, кроме самого соответствующего монопольного учреждения.

Здесь есть еще остатки «компромиссного отношения», но вся основная часть нашего экспорта и значительная часть импорта организованы уже строго монопольно, чем созданы необходимые предпосылки для фактического проведения планового хозяйства в этом отношении.

***

Последняя группа отраслей промышленности обнимает те, которые в ближайшие годы безусловно принуждены работать полностью или отчасти на иностранном сырье, как хл.-бум. фабрики, кожевенная, резиновая и др. Крупнейшая отрасль русской индустрии, хл.-бум. текстиль, входит в эту группу. При отсутствии блокады здесь дело уже не в наличности сырья на мировом рынке,—его там более, чем достаточно для нас,—а в возможности купить, в наличности у нас для этого достаточного количества ценных эквивалентов (золото, иностранная валюта, предметы вывоза). Мы приходим таким образом к вопросу о расчетном балансе между Россией и заграницей и о его перспективах. Забегая вперед, тут же скажем, что при твердом плановом общегосударственном подходе к нашим внешним экономическим связям и сношениям надо считать совершенно обеспеченной как закупку в предстоящие годы необходимого нам сырья, так и недостающих частей машинного оборудования. Хозяйство Советской России не разобьется о невозможность этого даже при отсутствии внешних займов и т. п., даже при необходимости строить свои отношения с заграницей на оплате реальными ценностями всего получаемого и всех заграничных расходов в самый год их производства.

Общеплановое государственное руководство сводится здесь прежде всего к гораздо более жесткому ограничению привоза в Россию различных иностранных продуктов, чем какой имел место до сих пор, напр., в 1922 году.

Баланс (сводный итог) наших расчетов с заграницей слагается из двух частей. Во-первых, то, что Россия там тратит:

а) содержание посольств и т. п;

б) привоз товаров из-за границы и оплата их перевозки (фрахт);

в) расходы русских путешественников за границей и контрабандный ввоз.

На другой стороне стоит то, чем Россия может свои заграничные расходы покрывать:

а) отправка золота;

б) вывоз товаров;

в) нелегальное покрытие контрабанды и отправки для погашения расходов путешественников.

Что касается контрабандного ввоза и его оплаты, то эти величины на обеих сторонах баланса совершенно уравновешены, ибо по самому существу контрабандных операций они никоим образом не ведутся на основах долгосрочного кредита. Значение контрабанды для русского народного хозяйства в настоящее время велико. Это дыра, через какую влияние иностранного капитала на наши внутренние хозяйственные отношения весьма усиливается, и на размерах контрабанды мы еще остановимся.

Путешествия за границу частных лиц пока еще не получили большого развития, так что ими при общем учете сейчас можно пренебречь. Но если при бедности нашей страны было бы допущено широкое развитие поездок богатых людей за границу, то это сделалось бы существенной составной частью нашего баланса, погашать которую приходилось бы вывозом нефти, льна и т. д. Нефть и лен в этой части вывозились бы тогда не для обогащения нашей страны новыми машинами и необходимыми материалами, а для того, чтобы богатые люди имели возможность несколько месяцев в году погулять по европейским курортам и увеселительным местам и отдохнуть там от «советского ига».

Расходы на содержание посольств, на представителей разных госорганов и т. д. сравнительно невелики и не превышают, примерно, 10 милл. руб. в год (товарных, т.-е. золотых, довоенных). Это не значит, что представители трестов перебиваются в Европе с хлеба на квас, — наоборот, возможна несомненная экономия, к которой надо стремиться, но центр тяжести вопроса в настоящее время не в этом, равно как и не в надеждах на дальнейший вывоз русского золота за границу. Ибо хотя золота, платины, бриллиантов и всяких царских драгоценностей, корон и скипетров, еще не очень малое количество, но его следует придержать в стране на случай, напр., повторения таких бедствий, как неурожай и голод. Конечно, по мере того, как сельское хозяйство оправляется и у крестьян создаются реальные запасы,—уменьшается опасность повторения такого острого голода, какой мы имели в 1921—1922 гг., даже и при неурожае. Но в качестве резервного фонда, а равно имея в виду возможность когда-либо военных осложнений и ва-

лютные соображения,—не приходится ждать покрытия наших расчетов с заграницей вывозом золота в натуре.

Практически вопрос сводится сейчас, следовательно, к соотношению между вывозом и ввозом. Перспективы этого соотношения определяют и перспективы возможности обеспечить достаточный привоз в Россию иностранного сырья и оборудования. А само соотношение зависит прежде всего от того, какой политики держится в этом отношении государство. Здесь мы подходим к вопросу не только о соотношении цены всей совокупности привоза и вывоза, а также и о том, насколько самый состав привоза открывает возможность влиянию иностранного капитала на внутренние хозяйственные взаимоотношения России. Вопрос стоит так: должен быть привоз плановым орудием государства для развития внутреннего производства и военно-политической мощи государства или он должен рассматриваться с точки зрения узко-фискальных (налоговых) интересов, во имя роста таможенных пошлин, стремящихся к росту внешнеторговых оборотов вообще, безотносительно к составу ввоза. Первая дорога—путь фактической монополии внешней торговли в руках сохраняющего единство воли государства; вторая—прорыв монополии либо допущением частной торговли (чего у нас не было), либо разрозненными закупками за границей отдельных госорганов. Дело не меняется, если эти разрозненные закупки производятся с испрошением в каждом отдельном случае разрешения (или даже самими органами Внешторга), раз характер их не находится в согласии с основными интересами русского производственного развития. И в этом отношении опыт первого периода нэпа, — периода ослабления общеплановых государственных начал,—оказался столь определенно отрицательным, что на пороге 1923 г. Всероссийский С'езд Советов признал необходимым принять меры для твердого восстановления планового хозяйства во внешней торговле путем прекращения привоза в Россию промышленных изделий, могущих быть выработанными у нас, путем точного контингентирования (твердого установления наперед размеров) количеств, подлежащих вывозу и привозу по каждой группе товаров, и т. д. Здесь, как и в других областях, также можно прощупать признаки постепенного перерождения первого «разбазарного» периода нэпа во второй, плановый.

Ибо и в области внешнеторговых отношений, как и во всех прочих областях, оказалось, что бесплановье, что распыленность воли отдельных автономных органов приводит в конечном счете ко вреду для госу-

дарственного хозяйства и к укреплению позиции частного капитала. Оказалось, что при тех же рыночных методах, но при подчинении всей деятельности плановой организованности можно достигнуть гораздо больших положительных результатов, чем какие достигаются без этого. И можно избегнуть опасностей, создаваемых «свободной игрой экономических сил» (по принципу «всяк за себя, а бог за всех», т.-е. пусть госорганы взаимной конкуренцией покажут, кто лучше и умней устраивает свои дела). В области внешней торговли более бросающейся в глаза, но не единственной отрицательной чертой было при этом появление и усиление на русском рынке сбыта промышленных изделий конкуренции продуктов иностранной индустрии.

Соотношение между ценой всего ввоза и всего вывоза на первый взгляд совершенно безнадежно. В золотых рублях по нынешним ценам, по данным Наркомвнешторга (см. ст.ст. т. Фрумкина, т. Кауфмана и т. Защука в № 44 «Т.-Пр. Газ.» за 1923 г.), оно оказывается таким (в миллионах золотых рублей):

	Привоз.	Вывоз.
Весь 1920 г.	100 милл. руб.	Почти ничего.
Весь 1921 г.	270 „ „	20 милл. руб.
Весь 1922 г.	578 „ „	145 „ „

Однако, в 1922 г. надо сбросить грузы Помгола, т.-е. благотворительный ввоз продовольствия по случаю голода, что дает 236 м. р., а на обыкновенный «коммерческий» ввоз остается 342 м. р. Увеличение несколько свыше, чем на четверть по сравнению с 1921 г., в то время, как вывоз растет быстрее и относительно, и абсолютно. Но все же превышение ввоза над вывозом на 200 м. р. золотом догнать, на первый взгляд, не так легко.

Однако, при наличности общепланового руководства импортом (ввозом) и догонять на эту сумму не придется, так как она падает на предметы, привоз которых вообще необязателен, а в частности вреден государственной промышленности. Из всего коммерческого ввоза 32% приходится на продовольствие (сахар, гастрономия и т. д.)—сверх привоза продовольствия в качестве грузов Помгола. Если это можно было до некоторой степени понять в год исключительного голода, то ни в 1923, ни в 1924 г. для впуска иностранного продовольствия в Россию нет оснований. А для таких продуктов, как сахар, не было оснований и значительную часть 1922 г.

Далее, на 30% цены ввоза привезены в 1922 г. следующие 8 предметов: заграничные сукна, шерстяные ткани,

бумажные ткани, готовое белье, готовое платье, готовая обувь, электрические лампочки и паровозы. Одни только перечисленные текстильные изделия обошлись около 40 милл. руб. золотом,—это при крайней трудности, какую испытывает в обеспечении себе сбыта наша государственная текстильная промышленность. В кожевенной промышленности закрывались заводы по отсутствию работы—и примерно на 10 милл. руб. золотом ввозится в то же время готовая иностранная обувь (вместо того, чтобы купить за границей подошвенную кожу и дать заказы нашим заводам). Швейная промышленность наших национализированных заводов сокращается более, чем вдвое, рабочие распыляются, и одновременно ввозятся более, чем на 25 милл. руб. зол., готовое платье. Для того, чтобы нэпманши могли ходить обязательно в заграничных шерстяных тканях, подрывается наша национализованная промышленность, закрепляется ее убыточность, растет безработица. Трудно представить себе более наглядные примеры отрицательного воздействия «бесплановья» на государственное хозяйство.

По данным труда комиссии СТО «На новых путях» (т. I, стр. 98—99), за три месяца июль—сентябрь 1922 г. было продано в Москве, с одной стороны, подлежащими трестами (Сахаротрест, Моссукно) русских товаров, а, с другой стороны, Госторгом (орган Внешторга) иностранных товаров:

	Тресты.	Госторг.
Сахар	60 тыс. пуд.	116 тыс. пуд.
Сукно	1.001 „ арш.	2.030 „ арш.

Иначе сказать, иностранные товары Госторга вытесняли с рынка нашу государственную промышленность. Что это было именно так, видно из того, что в результате у Моссукна на 1 октября 1922 г. образовался непроданный остаток в 2.944 тыс. арш. При том отбивался не только столичный, но и провинциальный рынок—из 2.030 арш. Госторг продал в Москве московским покупателям 917 тыс. арш., а остальные 1.113 тыс. арш. отправлены были для заготовки на них других товаров в провинцию (за срок до 15 октября).

Теперь, в 1923 г., и затем в 1924 г., можно ожидать, что эта «детская болезнь нэпа» более не повторится, в виду указанного постановления С'езда Советов,—как выразился в интервью замнаркомвнешторг т. Фрумкин,—«в связи с директивой правительства о жестком проведении монополии внешней торговли» («Эк. Жизнь» от 25 февраля 1923 г.). Между тем, исключение из нашего ввоза за 1922 г. только продовольствия и указанных 2 индустриальных предметов, уже понизило бы

ввоз до 130 милл. руб. золотом в нынешних ценах (вместо 340 милл.). Но есть и еще ряд промышленных изделий, ввоз которых в Россию из-за границы можно об'яснить только отсутствием той «жесткой» руки общепланового руководства, какая постепенно нарождается в этой области. Укажу, напр., обошедший в феврале 1923 г. газеты ввоз органами Наркомзема 6 тысяч плугов Сакка, в то время, как на государственном заводе «Аксай» в Ростове лежат готовыми сколько угодно плугов соответственного типа без сбыта, и т. д. и т. п. В «Т.-Пр. Газ.» от 20 марта представитель ВСНХ —Чернов, проверявший выполнение русских заказов иностранными заводами, рассказывает так: «уже в Ревеле и Риме мы встретились с фактом передачи заказов на паровозы заводам «Двигатель» и «Петровская верфь», никогда прежде неработавшим по этой специальности. Заказы выполнялись самым варварским образом, истрачены были огромные средства, а наши заводы стояли без дела. В Берлине, центре крупнейших наших заявок, во многих случаях товар покупался у перекупщиков, сбывавших нам негодные напильники, краски с малой концентрацией, неотвечающие требованиям нашего текстильного рынка и т. п., не было контроля над тем, чтобы заказы поступали исключительно на предметы, невыполнимые на русских заводах».

Таким образом, одного только внесения твердого государственного плана в область внешней торговли достаточно, чтобы обеспечить равновесие между ввозом и вывозом, даже если бы они остались на уровне 1922 г. Но на деле имеются все основания ожидать более крупного роста вывоза, чем ввоза. Ибо по «коммерческому» ввозу нам предстоит увеличение лишь на 4 милл. пуд. хлопка, затем затрата около 10 милл. рублей золотом на тонкую шерсть (грубой и полугрубой мы обеспечены, по подсчетам текстильных органов, внутри страны), около той же суммы на материалы для кожевенной промышленности (подсчет Кожсиндиката в «Т.-Пр. Газ.»), затем кое-какое дополнительное оборудование по электрификации (Волхов) и пр.—в общем вся сумма ввоза и заграничных расходов на посольства, миссии, агентуры трестов и синдикатов и пр. вряд ли достигнет и 250 милл. руб. золотом по нынешним ценам [1].

---

[1]) В газетах отчеты Внешторга обычно публикуются в довоенных ценах, что даст вообще гораздо меньшие цифры. По указанию отчетов Внешторга, для получения суммы в золотых рублях по нынешним ценам надо за 1922 г. прибавить 25% по ввозу и 78% по вывозу (разный состав ввозимых и вывозимых товаров, и по разному поднялись потому их реальные золотые цены сравнительно с довоенными).

Отличительной чертой русского вывоза 1922 г. от довоенного было преобладание в нем промышленных материалов (нефть, лесные материалы, щетина, кожи, лен), а не продовольствия. В ближайшие годы вывоз промышленных материалов также будет играть большую роль в русском экспорте, чем до войны.

Между тем, в деле вывоза, судя по опубликованным данным, можно считать за календарный 1923 г., повидимому, обеспеченными вывоз сельско-хозяйственных продуктов, примерно, на 100 милл. руб. больше по нынешним заграничным ценам, чем в 1922 г., затем увеличение лесного экспорта, примерно, на 25 милл. руб. по нынешним ценам и некоторые другие, более мелкие статьи. Таким образом наш вывоз в 1923 г. должен составить до 300 милл. руб. золотом и более, чем превысить ввоз.

Следовательно ожидать краха, или сокращения размеров производства нашей текстильной или резиновой или иной промышленности из-за невозможности закупить необходимое заграничное сырье или материалы никак не приходится. Надо только своевременно предоставлять соответствующим трестам и синдикатам получаемую государством от экспорта иностранную валюту в качестве оборотного, вполне обеспеченного к возврату кредита, для закупки необходимого им сырья. И надо, разумеется, прекратить политику конкуренции с русской национализованной промышленностью, путем ввоза на внутренний рынок иностранных промышленных изделий.

Впрочем, в последнем отношении второй, плановый период нэпа обещает дать необходимую гарантию последовательным проведением «протекционизма» (покровительства) русской индустрии путем обложения иностранных промышленных изделий настолько высокими таможенными пошлинами, что привоз их становится невыгодным даже для занимавшихся таким привозом госорганов. Вот, напр., член правления Госторга т. Плавник доставил мне такие таблицы, характеризующие коммерческие результаты операций Госторга за два периода: май—июль 1922 г. и декабрь 1922 г.—февраль 1923 г.—по нескольким типичным товарам, как масло кокосовое, сахарный песок, пилы поперечные, рис и др. Если сравнить себестоимость товара для Госторга в Москве с рыночной ценой его в Москве, причем то и другое выражено Госторгом в золотых рублях по фактическому курсу, то в мае — июле 1922 г. положение было таким:

	Себестоимость Госторга.	Рыночная цена.
Масло кокосовое (пуд) . .	8 р. 09 к.	14 р. 78 к.
Сахар песочный (пуд) . .	9 р. 93 к.	13 р. 91 к.
Пилы поперечные (штука)	2 р. 11 к.	2 р. 17 к.
Рис Бурма (пуд)	3 р. 86 к.	4 р. 35 к.

Дело было, таким образом, довольно выгодным, но прошло полгода—и все изменилось: прошел сахарный и масляный голод, ослабла погоня за рисом, не гонится так больше русский рынок за иностранными пилами. А себестоимость Госторга почти сплошь возросла. В декабре—феврале 1923 г. имеем такую картину:

	Себестоимость Госторга.	Рыночная цена.
Масло кокосовое	9 р. 56 к.	9 р. 01 к.
Сахар песочный	9 р. 47 к.	5 р. 82 к.
Пилы поперечные. . . .	2 р. 37 к.	1 р. 01 к.
Рис Бурма.	4 р. 33 к.	2 р. 46 к.

Операция оказывается сплошь убыточной, что усиливает уверенность в действительно строгом соблюдении Внешторгом директивы С'езда Советов о всемерном ограничении ввоза промышленных изделий из-за границы. Даже по электрическим лампочкам расстояние от себестоимости Госторга до рыночной цены столь уменьшилось, что скоро станет убыточным и их привоз.

Однако, кроме легального привоза, учитываемого Внешторгом, существует еще контрабандный, необлагаемый таможенными пошлинами. По отзывам в печати авторитетных деятелей Наркомвнешторга, сумму контрабанды надо оценивать в величине, немного уступающей легальному привозу. Контрабанда провозится, главным образом, по сухопутной границе, а так как привоз по сухопутной границе в 1922 г. составил лишь около 35% всего привоза [1]), то можно считать, что контрабандных товаров ввозится примерно на 100 милл. руб. золотом в год по нынешним ценам. Почти вся контрабанда—предметы личного потребления и роскоши: дорогие ткани, духи, лекарства, сахарин, лучшие сорта обуви, краски и т. д.—преимущественно вещи, при небольшом сравнительно об'еме, довольно дорогие. Их кон-

[1]) По мере усиления торговой связи с Англией, Германией, Америкой и по мере установления связи с Францией, Италией, Данией и др., роль морского привоза будет все увеличиваться: это одно опровергает пессимистические предсказания о судьбе Петрограда, неоднократно делавшиеся нашими специалистами,—не говоря уж о прочих соображениях.

куренция давит преимущественно легкую индустрию, суживая для нее рынок сбыта и иногда в некоторых районах страны снижая цены.

Оплата ввозимой контрабанды производится отчасти контрабандным же вывозом сырья из пограничных местностей, отчасти скупаемой для этого на золото и драгоценности иностранной валютой (ряд судебных дел показал крупную посредническую роль в этом деле различных служащих и агентов разных, приезжающих в Москву миссий и отдельных иностранцев). Отчасти же прямым вывозом за границу различных драгоценностей, вплоть до части собираемого старателями на приисках золота. Как сообщает «Т.-Пр. Газ.» от 15 марта, вдоль одной только Псковской губ., на эстонской стороне границы, расположено около 30 льняных лавочек, специализировавшихся на еженочной приемке контрабандного льна, около 50 пудов каждый раз, при чем каждая из этих лавочек содержит, примерно, по 20 человек специальных «телохранителей», охраняющих контрабанду в пути («Наболевший вопрос» тов. Брусиловского). Это составляет около полумиллиона пудов в год. Та же статья добавляет: «прибавьте сюда утечку льна тем же контрабандным путем через границу латвийскую и получите цифру еще более значительную». Значит, в общем, только этим путем, одного только льна вывозится контрабандой более миллиона пудов из одной только Псковской губ. Для сравнения остается добавить, что с 1 октября 1922 г. до 15 февраля 1923 г. всем государственным и кооперативным органам вместе (Губсоюз, Хлебопродукт, Госторг, Трудсоюз, Псковлен) удалось заготовить в Псковской губ. только около 40 тыс. пудов (см. ту же статью), т.-е. менее 4% того, что привлек к себе иностранный капитал. Это может служить примером того, каким могучим орудием на службе иностранного капитала является контрабанда «в борьбе за сырье на русском рынке» [1]).

С другой стороны, контрабанда систематически повышает внутри страны спрос на иностранную и золотую валюту для ее оплаты и этим роняет курс советского рубля, увеличивает дороговизну, понижает реальное значение заработной платы. Борьбу с контрабандой надо рассматривать поэтому, как одну из форм клас-

---

[1]) Контингент (размер) вывоза льна из России был установлен Госпланом на текущий хозяйственный год около $2\frac{1}{2}$ мил. пуд. Можно думать, что контрабандный вывоз льна из Псковской, Витебской и Петроградской губ. через польскую, латвийскую и эстонскую границы составляет вряд ли многим меньшую величину.

совой борьбы пролетариата против международного капитала во всех трех отношениях:

1) Против вызываемого контрабандой увеличения курса золотого рубля.

2) Против нелегального отнятия сырья от русской промышленности.

3) Против вытеснения изделий государственной промышленности товарами иностранного капитала.

Между тем, борьба с контрабандой далеко не поставлена еще на ту высоту, какой заслуживает, штаты пограничной стражи ничтожны. Расходы на их увеличение и надлежащее заинтересование в деле окупились бы общим народно—хозяйственным выигрышем.

Дань, взимаемая с нас иностранным капиталом, увеличивается еще значительным удорожанием для России морского фрахта, выше обычного для других стран уровня (фрахтом называется плата за провоз грузов по морю на пароходах). По данным одного из руководителей нашего государственного пароходства т. Б. Зуля, в настоящее время морские фрахты на всех важнейших линиях между разными портами Европы и между Европой и другими частями света сравнялись с довоенными, а частью стоят даже ниже довоенных. Из этого правила было в 1922 г. только два исключения, и они же остались и на 1923 г.: это фрахты в Германию и Россию. Международный капитал пользуется тем, что Германия лишена по версальскому миру большей части своего торгового флота, а у России ограблен белогвардейцами и продан за границей почти весь флот,—и грабит обе эти страны во всю, особенно Россию. Так, в то время, как во Францию, в Бельгию, в Индию, в Средиземное море и прочие страны морские фрахты из Англии составляют 100% и иногда даже 98% довоенных,—наоборот, они равны по линиям:

Ньюкэстль—Гамбург	140%.
Лондон—Петроград	200%.
Лондон — Архангельск	240%.

Иначе сказать, с нас берут вдвое и более, чем вдвое, против нормы. Между тем, за 1922 г. морем привезено в Россию и вывезено из России около 145 милл. пуд. разных грузов, при чем на русских кораблях только 7,4% и на иностранных—92,6%. За каждый пуд средний фрахт сотавлял около 5 коп. золотом (согласно статье другого видного деятеля нашего водного транспорта т. Именитова в «Торг.-Пр. Газ.» № 58 за 1923 г.). Значит, мы переплатили в 1922 г. иностранному капиталу за провоз на его кораблях свыше

35 милл. рублей золотом сверх нормальной цены морских перевозок в настоящее время. В дальнейшем, с предстоящим ростом морских перевозок, это монопольное высасыванье из нас соков еще увеличится в своей сумме, если мы не примем мер для создания достаточного своего собственного морского тоннажа (пароходства). Наши водники доказывают, что предоставление им кредита на закупку пароходов даст возможность за одно лето платой за провоз лесных материалов из Архангельска в Англию покрыть не только расходы по содержанию и эксплоатации каждого парохода в течение года, но еще и 75% от покупной цены этого парохода (в Англии имеется теперь много подходящих новых пароходов к продаже, ибо после войны морской торговый оборот упал, а настроено было очень много новых судов). Этим путем можно было бы не более, чем в два года, совершенно расплатиться с долгами и процентами и на будущее время иметь свой морской флот и брать за провоз только 100%, а не 240%, как берет с нас теперь иностранный капитал.

Больше того, если бы русское государственное пароходство имело контракты с Северолесом и др. на провоз леса, то под эти контракты оно могло бы, по словам его деятелей, в виду несомненной и обеспеченной выгодности дела, получить немедленно в Англии иностранные кредиты на приобретение необходимых пароходов и затем постепенно выплатить их из выручки. Однако, Северолес, например, из 250 тыс. стандартов лесных материалов, которые должен вывезти за лето 1923 г. из Архангельска в Англию (пароходы указанного типа берут обычно около 800 стандартов за один раз и делают в лето по 6 рейсов),—договором предоставил уже норвежским пароходчикам перевозку 150 тыс. стандартов. Здесь мы имеем, повидимому, еще существенный случай недостаточности общепланового руководства, которое хозяйственные возможности отдельных отраслей использовало бы в интересах целого. Самому Северолесу безразлично, кому сейчас платить 24%—частному английскому или государственному русскому пароходству. Но для Советской России важно, чтобы это платилось теперь именно русскому пароходству—таким путем мы значительно увеличили бы его, а затем освободили бы и самый Северолес от лишних переплат.

Либо, наконец, и это было бы еще практичнее,—сам Северолес мог бы при указанных условиях создать собственный пароходный торговый флот, не требуя от государства никакого специального на это кредита, раз имеется возможность получить под обеспечение его перевозками

кредит иностранный. Создала когда-то фирма С т и н н е с о в, угольных магнатов Германии, крупный у г о л ь н о-п а р о х о д н ы й комбинат. Нет причин, почему бы Северолесу, нашему государственному лесному магнату, не создать достаточно выгодный комбинат—л е с о - п а р о х о д н ы й. Здесь мы имеем, как будто, практический путь для постепенного упразднения зависимости от иностранного капитала в деле морских перевозок, что необходимо для укрепления нашего расчетного баланса с капиталистической заграницей, в пользу государственного хозяйства пролетариата.

* * *

Общее влияние на наше внутреннее хозяйство факта сношений с хозяйством иностранным не может быть правильно оценено без учета политики, какую ведет Г о с б а н к, как орган государства, финансирующий своим кредитом главную массу экспортно-импортных (по вывозу и ввозу) операций наших госорганов, в том числе самого Внешторга. Правда, у нас существует еще Промбанк, но, по бедности своей средствами, он не играет еще пока особо крупной роли. Будущее перед ним большое, но, главным образом, после того, как промышленность сосредоточит в своих руках известные капиталы, или же государство решится передавать в его распоряжение часть источников средств, на какие Госбанк развивает свои операции. Существующий у нас частный Коммерческий банк (организованный в Москве крупным шведским банкиром Ашбергом, с основным капиталом около 10 милл. руб. золотом) только еще приступает к развертыванию своей деятельности. К тому же он имеет полную возможность равняться по Госбанку, не предлагая своим клиентам (пользующимся его кредитом госорганам) значительно лучших условий, чем какие они могут получить в Госбанке. Отношение к делу именно Госбанка является решающим, как по об'ему его операций и их значению, так и по влиянию его на все прочие банки, закрепленное организационно даже в отношении Коммерческого банка. Само собой, что действующий еще у нас Кооперативный банк также всецело должен итти в русле Госбанка.

Госбанк является одним из государственных органов, который может вести две линии. Либо он является лишь одним звеном, весьма важным звеном, в деле осуществления общегосударственного планового хозяйства. Тогда он всецело подчиняется общему плановому руководству центрального органа советского хозяйства (Совет Труда и Обороны с состоящим при нем Госпланом). Независимость

и самостоятельность Госбанка в этом случае только формальные. Он обязан, конечно, коммерчески оформлять все предпринимаемые им согласно этому плану операции, но руководящей идеей является не получение во что бы то ни стало наибольшей прибыли самим Госбанком, а общий интерес всего государственного хозяйства в целом.

Вторая возможная линия поведения называется фискальной. Под фиском понимается в этом случае орган Наркомфина не в качестве органической части общего хозяйственного целого, а как совершенно самостоятельное учреждение с собственными целями. Цель фиска—набрать побольше дохода в свою кассу для предоставления его в распоряжение государства. Цель почтенная и похвальная, но фискальная точка зрения тем отличается от государственной, что стремление к увеличению доходов фиска ослепляет фискально настроенные органы по отношению к влиянию, которое увеличение их дохода оказывает на государственное хозяйство в целом, и которое может быть иногда вредным. Случаи подобной противоположности между узко-понятыми интересами отдельного госоргана и интересами всего государства всегда возможны, хотя и там и тут госорганы. Ведь, мы знаем, что даже в рабочем движении бывают расхождения ближайших узкопонятых интересов той или иной группы рабочих с общими интересами пролетариата в данное время, хотя и там и тут рабочие. Задачей общепланового государственного руководства является предупреждение этой опасности, нельзя допускать превращения служебных финансовых органов государства в самодовлеющие, фискальные.

Разумеется, для органов Наркомфина вовсе не обязательно превращение в фискальные в указанном смысле, по характеру и типу своего отношения к делу. Они с успехом могут оставаться и государственно-настроенными, высшую цель свою видящими не в увеличении именно своего дохода (сдаваемого затем государству), а в увеличении размеров и доходности государственного хозяйства в целом. Даже тогда, когда им приходится уменьшением своих специальных доходов покупать гораздо более значительный выигрыш государства в других отношениях.

Влияние нэпа в первый период его развития повело к ослаблению руководства общеплановым моментом в деятельности самых различных госорганов, на место общеплановых соображений пытавшихся иногда ставить

фактически шедшие с ними вразрез собственные планы. Не избег, отчасти, такой участи и возникший в этот период Госбанк. Возникший для содействия росту хозяйственного оборота и удержанию курса рубля—при известных обстоятельствах Госбанк мог бы стать даже орудием некоторого стеснения дальнейшего развития оборота и одним из факторов (движущих сил) общего роста дороговизны в стране. Фактически линия его поведения пошла между последовательно государственным и определенно фискальным направлением, но с особо заметным уклоном в сторону последнего как раз в области финансирования внешней торговли и связанных с нею операций. Последствия этого для возрождения нашего хозяйства не могут быть признаны выигрышными, сравнительно с результатами, достигаемыми при определенном господстве государственной линии. Когда Госбанк определенно признает себя лишь служебным органом по отношению к хозяйству, а не смотрит на хозяйство с узкой точки зрения извлечения из него наибольших выгод именно им, Госбанком, тогда результаты лучше. Начинающееся ныне в области внешторговых отношений господство государственного плана (см. выше о твердом проведении монополии и пр.) позволяет ожидать, что назревающий второй период нэпа—«плановый нэп», «организованный нэп»—принесет улучшение и в этом отношении. Необходимость их может быть иллюстрирована нынешними методами работы Госбанка, сообщенными мне на основании конкретного опыта пользующегося его кредитом для внешторговых операций Госторга.

Чтобы организовать русский вывоз за границу, Госторг должен сначала заготовить, закупить подлежащие вывозу товары. Для этого он одалживает у Госбанка, скажем, 100 червонцев с тем, что обязуется вернуть полученный кредит английскими фунтами стерлингов (английскими деньгами) после того, как продаст вывозимый товар в Англии. Таковы условия сделки, происходящей, скажем, 10 марта. Английский фунт равен 9 рублям золотом с несколькими копейками.

Затем происходит следующее. Закупать у крестьян щетину, лен и т. д. приходится не на червонцы, а на советские дензнаки образца 1923 г. Поэтому прежде всего Госбанк пересчитывает 100 червонцев в советские деньги и выдает кредит этими дензнаками. Пересчет Госбанк совершает по биржевому курсу червонца (240 руб.) и выдает потому Госторгу 24 тыс. руб. Госторг на эти средства начинает скупать на вольном рынке товары для экспорта. На вольном рынке 1 золотой рубль стоит в это время (10 марта) 32 руб.

сов. (образца 1923 г.), и потому Госторгу удается купить всего на 750 руб. золотом.

Между тем. Госбанк потребует вернуть ему много больше. Потому что Госбанк считается не с действительным курсом золотого рубля на вольном рынке, где производит свои закупки Госторг, а с курсом золотого рубля, публикуемого котировальной комиссией. Как известно из индексов, котировальный курс золотого рубля на 25% ниже вольного курса золотого рубля. А курс банкнот (червонцев) соответствует котировальному курсу золотого рубля. Ибо государство выпустило банкноты в золотом исчислении и меняет их по своему котировальному курсу — столько примерно биржа за них и дает (это служит, кстати, подтверждением высказывавшейся уже в печати мысли, что фактически банкноты превратились в дополнение к эмиссии, обычных дензнаков, играя роль крупных купюр и не имея самостоятельного курса).

Определяя котировальный курс золота на 25% ниже вольного рыночного курса, Госбанк тем самым определяет примерно на 25% ниже рыночного и курс иностранной валюты тех стран, где она примерно паритетна с золотом (Америка, Англия, Швеция, Голландия, Швейцария и т. д.). Потому 1 фунт стерлингов Госбанк приравнивает 10 марта только 220 руб. вместо рыночных 285—290 руб. Сделав это, Госбанк считает, что 24 тыс. руб. (в которые превратились 100 червонцев) равны 109 фунтам. Затем он надбавляет по случаю перевода в валюту 15% и получает 125½ фунтов. Наконец, он считает 6% за предоставляемый кредит (сроком на пол года, чтобы Госторг успел обернуться, по 1% в месяц). Всего получается 133 фунта. которые Госторг обязан выплатить ему из своей лондонской выручки. Так как один фунт равен 9 золотым рублям, то это составляет 1.197 зол. рублей.

Следовательно, Госторг, или всякий иной госорган, получивший от Госбанка на внешторговые операции реально 750 руб. зол.,—в течение 6 месяцев должен вернуть реально 1.197 руб. зол., т.-е. на 60% больше. Следовательно фактически Госбанк за кредит для внешторговых операций берет 60% золотом (по исчислению т. Плавника, подробно приведенному и не вызывающему по своей элементарности сомнений).

Из этого проистекают следующие последствия:

1) Сокращаются заготовки для нашего вывоза за границу не менее, чем на треть (ибо из каждых 160 р. в конце концов Госбанку поступает 60 руб. вместо 10 руб., которых ему за глаза довольно при нормальной коммерче-

ской, а не фискальной кредитной практике с его стороны, и этим на 50 руб. сокращаются затем возможные заготовки для вывоза).

2) Уменьшается цена, которую Госторг (и всякий иной госорган) может платить производителю сырья в России, ибо из разницы между европейской и русской ценой он должен снять прежде всего указанные 60 руб. для Госбанка (потому псковские крестьяне предпочитают вывозить лен контрабандой в Эстонию и Латвию, чем продавать Госторгу). Этим в значительной мере парализуется толчок к развитию производства, какой должен даваться развитием экспорта за границу.

3) Если госорган вывозит товары собственного производства то, так как нельзя произвольно увеличить заграничные цены,—ему приходится меньше платить своим рабочим и поставщикам руского сырья и т. д. чтобы быть в силах выделить Госбанку его 60 руб. Этим задерживается рост производительности труда и проч.

4) Уменьшается количество оборудования и материалов, которые можно было бы купить за границей и привезти в Россию для русской промышленности, если бы не было столь крупного вычета в пользу Госбанка, как 60 руб. из каждых 100 руб. валовой выручки. Тем самым не только уменьшается об'ем нашей экспортно-импортной торговли но и теряется часть главного ее смысла.

5) Удорожается цена легально ввозимых в Россию товаров на те 60%, которые приходится выплачивать Госбанку (это служит как бы поощрительной премией для развития контрабанды, свободной от госбанковского кредита).

При всякой внешторговой операции, производимой на основе кредита Госбанка, имеет место один из указанных результатов, а иногда даже сочетание в известной степени двух или трех из них. В итоге относительно суживаются как товарный оборот, так и размеры внутреннего русского производства.

Но этим дело не кончается. Вот Госторг (или иной госорган, Северолес. Азнефть, и т. д.) продал в Лондоне свой товар, заплатил Госбанку его шейлоковские проценты (из формальных 6% искусно превращающиеся в реальные 60%), и осталось у него, скажем, 80 фунтов стерлингов, что равно 720 зол. руб. Так как на вольном рынке в Москве 10 марта курс золотого рубля равен 32 руб. сов. (образца 1923 г.), то, если бы Госторг на свои 80 фунтов мог купить советские рубли на московском вольном рынке, он получил бы около 23 тыс. руб. Но у нас есть вполне правильный

закон, по которому Госторг и всякий иной госорган обязан всю вырученную им за границей иностранную валюту сдавать Госбанку. Закон вполне правилен, ибо только сосредоточение в руках одного государственного органа по возможности всех принадлежащих России запасов иностранной валюты создает очень важную для нас возможность маневрировать ими по единому плану. И Госбанк является естественным органом для осуществления такой государственной монополии. Но эту свою вполне правильную монополию Госбанк немедленно использовывает для того, чтобы в обмен за фунты заплатить Госторгу (или Северолесу, или иному) не по рыночному курсу, а по котировальному, около 17 тыс. руб., т.-е., примерно, на 25% ниже. В результате вывозная организация из своей выручки, сверх оплаты кредита, получает на деле только 75% или 60 фунтов вместо 80 фунтов.

Спрашивается, на чей счет все это происходит и как должно отражаться на русском государственном и крестьянском хозяйстве? Возьмем наглядный пример. Госторг продает за границу 10 милл. пудов хлеба, взамен чего деревня, если бы не было 25% в пользу Госбанка из-за котировального курса, получила бы, скажем, 10 милл. руб. и на эти 10 милл. руб. купила бы ситца у текстильного синдиката. Что произойдет, если будет потеря в пользу Госбанка?

Себестоимость ситца слагается, допустим, из таких частей:

Сырье (хлопок)	45%.
Краски и др. материалы	10%.
Дрова и торф	20%.
Заработная плата и пр.	25%.

Хлопок и половина «красок и других материалов» выписываются из-за границы. Значит, половину себестоимости ситца, 5 милл. руб. из 10-ти, приходится заплатить иностранцам, т.-е. полностью—иначе не продадут. Остаются на вторые 5 милл. руб. продукты крестьянского труда (дрова и торф) и оплата рабочей силы пролетариев (да разные мелкие статьи). Но так как для Госбанка из всех 10 милл. руб. снято 25%, то для оплаты этих вторых 5 милл. остается не 5 милл. руб. (50% из нормальной себестоимости в 10 милл. руб.), а только 2½ милл. руб. Иначе сказать, для сведения концов с концами, для понижения себестоимости до 7½ милл. (вместо 10 милл.) приходится уменьшать вдвое оплату продуктов крестьянского труда и оплату рабочей силы, и платить рабочим реально только 50% нормальной заработной платы.

Или же достижение того же результата возможно другим путем. Изымая часть хлеба продналогом и монополизовав в своих руках значительную часть рыночной его заготовки—государство может до того господствовать на внутреннем хлебном рынке, что можно понизить хлебные цены, примерно, на 25% против их «нормального уровня» и таким путем взять у крестьян хлеба на 10 милл. р., заплатив им только 7½ милл. руб. (чтобы осталось 25% для Госбанка).

В жизни могут возникнуть различные комбинации обеих этих возможностей, жизнь может итти путем сочетания в известной мере обеих этих возможностей, если только дана для них предпосылка. А предпосылка эта очень проста, она заключается в определении Госбанком котировального курса на 25% ниже реального рыночного курса. Это очень выгодно с узкой фискальной точки зрения специальной доходности Госбанка. Но очень вредно с точки зрения интересов хозяйства в целом: сокращение товарного оборота, уменьшение внутреннего производства, удорожание иностранного оборудования и иностранных материалов, понижение цены крестьянского сырья, падение заработной платы—вот какой ценой покупается госбанковская политика котировального курса. Вот почему в наличности «котировального отставания» от реального курса на 25%—мы видим остаток, хотя уже и ослабленный, того «бесплановья», того временного ослабления общегосударственого планового руководства, каким вообще характеризовался, видимо заканчивающийся уже ныне, первый период нэпа.

Удивляться такому крупному влиянию фискального регулирования внешторговых отношений на наше хозяйство не приходится, если вспомнить, с какими крупными величинами мы имеем здесь дело. Ведь, один легальный ввоз из-за границы превысил в 1922 г. по современным ценам 300 милл. золот. руб., в то время, как все валовое производство государственной промышленности, если тоже считать по современным ценам, лишь на пару сот миллионов превысило за то же время один миллиард золотом. Не годится нам жаловаться на промышленную дороговизну, крестьянскую дешевизну, узкий товарный оборот—и в то же время держать самим в руках один из рычагов к усилению всех этих явлений в виде нереального установления курса.

Выше указано, что неполное определение Госбанком котировального курса, произвольное понижение его на 25% против реального, является уже лишь ослабленным остатком «детской болезни нэпа» в этом отношении. В

октябре—ноябре 1921 г. правительство утвердило предложенную автором этих строк инструкцию о ведении впредь всех государственных расчетов в золотых рублях («довоенных»), об исчислении в них государственного бюджета, об определении в золотом исчислении государственных налогов, тарифной заработной платы, арендной платы и пр.—с тем, что официальный курс золотого «довоенного рубля» должен ежемесячно устанавливаться и публиковаться Наркомфином на основании собираемых им фактических данных.

Я считал переход к золотому исчислению совершенно необходимой предпосылкой для удержания и дальнейшего укрепления общепланового государственного руководства. Невозможно строить твердую и вообще никакую сравнимую во времени программу, невозможно дать членораздельную калькуляцию и вести ясную политику реальной заработной платы—без наличности устойчивой расчетной единицы. Так как в жизни ее не было, то надо было ее выдумать—и считать на «золотые рубли, которых не существует в природе».

В то время Наркомфин не обладал достаточным запасом «государственной фантазии» и потому не очень склонен был пустить в оборот монету неосязаемую и невидимую, «умозрительную» и «статистическую» (ибо ее курс надо было улавливать статистической регистрацией многих отдельных фактов). Это было вообще временем больших надежд на стихию рынка, которая «сама образует», и временем ослабления внимания к требованиям планового хозяйства. Понадобилось личное письмо т. Ленина, чтобы дело сдвинулось с места и «довоенный золотой рубль» был принят НКФ на свое лоно.

Но брак с новоявленной монетой был не по любви, и Наркомфин отплатил нелюбимой подруге систематической, возведенной в правило, заведомой ее недооценкой, сводя таким образом на практике к абсурду все предприятие. Дошло до того, что НКФ из месяца в месяц об'являл курс золотого рубля, составлявший лишь 30% и 25% фактического (вот почему нынешнюю котировальную практику, признающую целых 75% фактического курса, считаю уже лишь ослабленным выражением начальной курсовой «детской болезни»). Не останавливало НКФ даже и то соображение, что, ведь, налоги собираются в золотом исчислении и, если он определяет курс неверно в три или четыре раза, то мы получаем соответственно меньше налогов. В то время налоги еще только начинали вводиться, так что давление этого соображения не было очень чувствительным. Его

перевешивал соблазн расплачиваться по бюджету не полным «золотым» рублем, а произвольно урезанным, в меру реальных возможностей эмиссии. Правильнее было бы, конечно, наоборот — сократить бюджет до реальных размеров (эмиссии и прочих доходов), но зато уж оплачивать полным рублем. Это давало бы возможность здорового, планового развертывания хозяйства, хотя и по суженному масштабу, но зато без хронических финансовых катастроф, поражавших то Донбас, то кого-нибудь другого. Только много спустя доработался на опыте до этого вывода и Наркомфин и теперь стоит за него со всем увлечением и преданностью неофита (неофитом называется недавний последователь).

Но в то время, год назад, НКФ, сведя счет на золотой рубль к абсурду своими неправильными курсами, добился 1-го апреля 1922 г. отмены его обязательности, введя счет на советские дензнаки и сохранив в виде компромисса публикацию курса Госбанка, замененную к осени публикацией курса золотого рубля котировальной комиссией. Рядом начала итти публикация курса товарного (золотого довоенного) рубля Госпланом, ни для кого необязательная, но вошедшая в практику профсоюзов при заключении колдоговоров (потом профсоюзы заменили индекс Госплана собственным бюджетным набором). Это толкало хозорганы на расширение применения счета в «твердом» рубле, затем и Госбанк перешел к золотому исчислению при оказываемом им кредите. Наконец, через год после законодательного упразднения обязательного счета на золотые рубли, в марте 1923 г. состоялось постановление Госплана (в заседании с НКФ по поводу бюджета на 1923 г.) о представлении НКФ ставок всех налогов в твердом рубле (с ежемесячным перечислением их в советские знаки по курсу). Теперь остается преодолеть лишь последний пережиток прошлого—нереальное определение курса.

Мы видели значение этого уклонения на 25% для характера влияния внешторговых операций на русское хозяйство. Оно дополняется столь же вредным влиянием на развитие внутренних рыночных операций, которое так было освещено в «Правде» еще в мае 1922 г. в заметке моей «Курс и торговля»:

«Чрезвычайно поучительными и практически весьма важными являются материалы по вопросу о влиянии денежных курсов Наркомфина, в частности Госбанка, на государственную торговлю.

«Как известно, государственная промышленность должна была сначала (до апреля 1922 г.) руководиться устана-

вливавшимся Наркомфином курсом «довоенного рубля», а затем курсом Госбанка. Было специальное постановление, по которому все договоры, заключенные в «довоенных рублях», т.-е. до 1 апреля, должны выполняться по курсу Госбанка, об'являемому им на 1-ое число соответственного месяца. Отличительной чертой устанавливаемого Наркомфином курса (в том числе и Госбанком) является отмечавшаяся много раз в печати его неправильность. Курс Наркомфина (Госбанка) гораздо ниже реального рыночного курса— благодаря этому государство несло уже большой убыток при взимании всякой платы и налогов, но и этот ущерб бледнеет перед тем, какой наносят Госбанк и Наркомфин своими курсами государственной торговле.

«При ВСНХ работала комиссия по выяснению реальных результатов торговых операций, материалы которой опубликованы в апреле «Торговой Газетой ВСНХ». Она приняла курс золота по Госбанку и по «черной бирже» (по вольному рынку) на 1-ое марта 1922 г. за 100% и определила, сколько процентов от этого составляли соответственные курсы на 1-ое февраля. Затем она приняла за 100% рыночные цены на 1-е марта, с одной стороны, для группы товаров, производимых частным хозяйством (ржаная мука, овес, пшено), с другой стороны—для 20 товаров, производимых государственными предприятиями (ситец, гвозди и т. д., и определила, сколько процентов от этого составляли соответственные цены на 1-ое февраля. В результате имеем такую поучительную таблицу цен:

	1-е февраля.	1-е марта.
Золото на рынке	37%.	100%.
Частные товары.	40%.	100%.
Золото по Госбанку. . .	55%.	100%.
Государственные товары .	56%.	100%.

«Эта таблица показательна до наглядности. Государство в лице Наркомфина (Госбанка) неправильно определяет курс золотого рубля и заставляет государственные предприятия придерживаться его—движение цен на государственные товары почти математически следует за движением курса Госбанка. При этом устанавливаемый государством курс золотого рубля гораздо ниже действительно существующего на рынке. Между тем, товары частных хозяйств (крестьянские товары), как видно из таблицы, изменяются в цене, понятно, тем же темпом (размером и быстротой), как и рыночный курс золотого рубля, а не как искусственно понижаемый курс Госбанка. Иначе сказать: неправильное определение Наркомфином

курса рубля создавало систематическое отставание цены государственных товаров от цены «вольных», «крестьянских» товаров.

«Мало было действующего в эту сторону голода, надо было прибавить еще политику российского финансового страуса, прячущего голову от действительного курса на рынке в возвышенных мечтаниях о благотворном воздействии на дело госбанковской уверенности:

«Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман...»

«При такой манере торговать, при такой системе регулировать торговлю, нельзя в конце концов не проторговаться. Если искусственно ставить государственные предприятия в худшие условия, чем частные (напр., крестьянские и базирующиеся на них частно-торговые), то нельзя ожидать процветания государственных предприятий: они будут нести убытки, и в конце концов неминуемо разорятся. Неправильная политика Госбанка в определении курса является одним из существенных моментов переживаемого государственным хозяйством кризиса.

«Таковы факты. Их надо или опровергнуть какими-нибудь удачными иллюзиями—или сделать практические выводы».

Теперь прошло около года, и хотя золото в натуре по прежнему почти не обращается, но расчеты в золотом исчислении привились уже широко. Значительное развитие поступления денежных налогов делает все более важным правильное, полное определение курса рубля и для Наркомфина, даже с узко-фискальной точки зрения. С другой стороны, постепенный переход к более реальному составлению бюджета, уменьшает стремления к искусственному понижению официального курса сравнительно с рыночным. Одно дело определить бюджет около 1.200 мил. руб. зол. на девять месяцев и наметить эмиссию при этом только в 138 милл. руб., как сделал в мае 1922 г. ориентировочный бюджет НКФина, против которого мы выступали тогда в майской сессии ВЦИК, доказывая, что эмиссия недооценена (и она в жизни оказалась действительно чуть не вдвое выше), ожидания от налогов преувеличены и бюджет нереально раздут (и он в жизни оказался таки более, чем вдвое меньше). Другое дело теперь, когда в марте 1923 г. новый ориентировочный бюджет Наркомфина, по сообщению т. Сокольникова в «Т.-Пр. Газ.», составлен в сумме лишь

около 1.200 милл. руб. зол. (по индексу кон. инст. НКФ) на двенадцать месяцев, при чем эмиссия намечена им около 300 милл. Здесь, в результате опыта сделан уже столь заметный шаг в сторону реальности, что заметно уменьшится и бюджетная заинтересованность НКФ в нереальном установлении котировального курса.

Потому можно ожидать, что если мы уже теперь дошли при публикации котировального курса до 75% реального рыночного, то сравнительно скоро приблизимся и к 100%,—что совершенно необходимо для устранения указанных выше неблагоприятных последствий производимых при таких условиях внешторговых операций для нашего хозяйства. Эти неблагоприятные последствия не перевешивают, конечно, благоприятных результатов ввоза в Россию нужного нам оборудования, материалов и пр.,—но являются для нас совершенно излишней «роскошью».

* * *

Даже по отношению к тем видам промышленного сырья, при заготовке которых на внутреннем рынке закупка для заграницы не имеет места,—связь с иностранным капиталом создает удорожание, поскольку часть соответственного сырья приходится покупать за границей. Типичным примером служит туркестанский хлопок. Он закупается только для русской текстильной промышленности. Но в начале 1923 г. для полного ее обеспечения начались закупки также иностранного, более дорогого хлопка. И уже 8 марта читаем в «Эк. Ж.», что в Туркестане имеется теперь «ажиотажное настроение на хлопковом рынке» и вообще происходит в связи с получением более дорогого заграничного хлопка повышение цен на внутреннем рынке» настолько крупное, что уже «значительно превосходит довоенные цены». Таким образом, в результате установления связи с иностранными капиталистическими рынками происходит выравнивание русских сырьевых цен с заграничными, п о в ы ш е н и е р у с с к и х ц е н д о м и р о в о г о у р о в н я—даже по отношению к той части материалов, какая не привозится из-за границы.

Разумеется, такое влияние возможно только б л а г о д а р я н е о р г а н и з о в а н н о с т и з а к у п о ч н о г о д е л а п р и з а г о т о в к е х л о п к а. Как известно, у нас нет теперь монопольного органа по закупке хлопка. Монопольный орган мог бы повысить цену хлопка только до уровня, оправдывающего все расходы производителя и обес-

печивающего достаточный для заинтересованности в дальнейшем производстве доход.

При отсутствии же «единой воли» в деле закупок, плановое руководство ценами хлопка выпадает из рук в силу взаимной конкуренции отдельных самостоятельных заготовщиков. Как пишет «Эк. Ж.», «ряд государственных и частных организаций, при содействии некоторых банков бросились на скупку хлопка» — и высшей границей конкурентного под'ема цен является, конечно, не уровень, способный удовлетворить хлопковода, а более высокий уровень цены иностранного хлопка в Москве (за вычетом провоза Ташкент—Москва и пр.). Выходом из положения, средством обессилить и здесь вредные стороны нашей связи с иностранным капиталистическим рынком, является более плановый подход к делу заготовок, об'единение всех заготовителей в одном органе, монопольные права этого органа.

Ибо вредное влияние не оканчивается вздорожанием сырья—за ним неизбежно следует и рост цен готового продукта в нашем случае изделий текстильной хл.-бум. промышленности. А она как раз из всех крупных отраслей промышленности больше других работает на рынок, а не на государство. По бюллетеню всеросс. текст. синдиката, за 5 месяцев март—июль 1922 г., если всю сумму продаж по каждому виду хл.-бум. изделий считать за 100%, было продано:

	Частным лицам.	Кооперации.
Готовые ткани	50 3%.	3,1%.
Вата	99,9%.	0,0%.
Пряжа	8?,4%.	0,0%.
Штучные изделия . . .	66,2%.	0,0%.
Нитки	45,5 %.	7,9%.

Остальные количества проданы государству. Даже в октябре—декабре 1922 г., когда доля государства значительно усилилась, на его долю из суммы сделок всех текстильных трестов приходилось в среднем: по продаже 53%, по товарообмену 71% и по покупкам 68% («Бюлл. Всер. Текст. Синд.» от 10 марта 1923 г.). По данным об оборотах московской товарной биржи за январь и февраль 1923 г., видно, что из суммы оборота по всем сделкам на бирже приходится свыше 60% на текстильные изделия, а из суммы всех зарегистрированных внебиржевых сделок—свыше 20%. Конечно, состав оборотов всего товарного рынка страны отнюдь не может быть точно характеризован составом оборотов московской биржи. Но, принимая во внимание цену поступающей на частно-кооперативный рынок половины текстильного про-

изводства и приблизительную цену всего оборота вольного рынка, городского и сельского, кроме внутри-государственных продаж от одного госоргана к другому, можно считать, что не менее 10% всего оборота вольного рынка страны приходится на текстильные изделия (скорее более). Понятно, каким существенным моментом в дело роста дороговизны в стране должен входить факт повышения цен сырья, в качестве прямого или косвенного результата:

1) влияния на русский рынок возникновения хозяйственных отношений с иностранным капиталом,

2) недостаточности плановых моментов в руководстве государственным хозяйством, что одно могло обезвреживать вредные стороны возникших связей и недостаточность чего особенно чувствовалась в первый, ныне видимо начинающий заканчиваться, период нэпа.

Восстановление экономических сношений между заграницей с ее высокими ценами и Россией с ее низкими реальными ценами подействовало, как создание связи между двумя сосудами с неравным уровнем воды. В русском сосуде вода начала подыматься—в разных областях пошло вздорожание промышленного сырья, а за ним готовых промышленных изделий. И когда теперь общественная мысль рабочего класса останавливается на вопросе о росте дороговизны в России—надо иметь в виду, что **одним из самых существенных моментов поддержки, укрепления и роста этой дороговизны является влияние наличности хозяйственных сношений с иностранным капиталом.** Отказаться от этих сношений мы не можем, ибо нам необходимы различные заграничные предметы и пр. Но мы можем ослабить вредные стороны этих сношений **усилением планового характера нашего государственого хозяйства.**

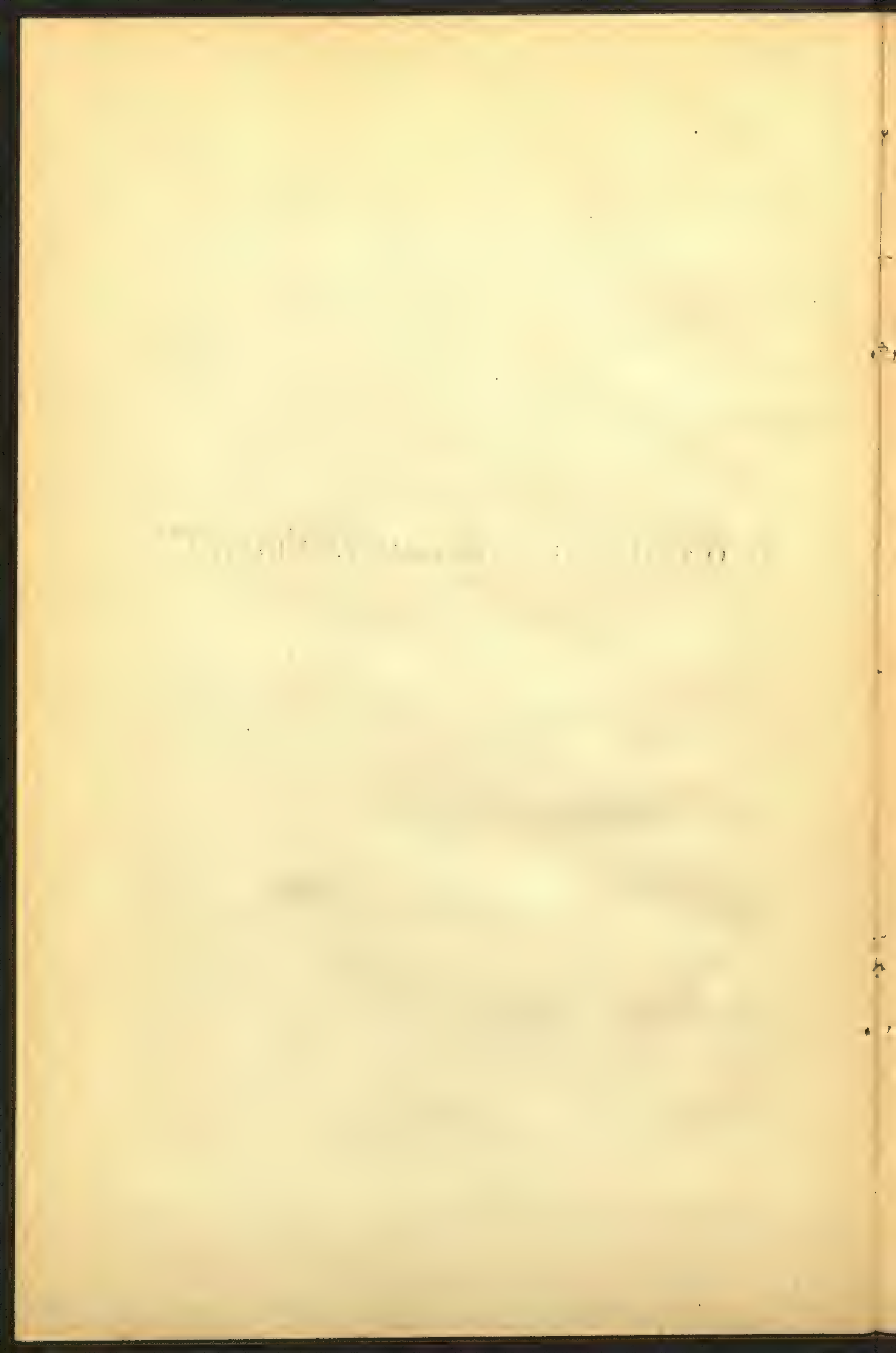
Усиление планового характера хозяйства является, таким образом, одним из могущественных орудий для борьбы против непрерывного падения курса рубля, роста дороговизны и реальной неустойчивости заработной платы. **Вопрос о дороговизне отнюдь не сводится к вопросу о наличности и размерах эмиссии** (печатанья новых бумажных денег). Может совсем не быть эмиссии, а дороговизна будет расти, если налицо будет, напр. недостаточно планомерно регулируемая связь между двумя сосудами с неодинаковым уровнем воды (цен). Когда наше государство было страной изолированной (отрезанной, хозяйственно отделенной от других стран), как это было в 1918—1920 гг.,—тогда еще могла существовать сравнительно

простая зависимость между размерами эмиссии и уровнем цен. И то она осложнялась процессом постепенно усиливавшейся натурализации части общественной экономики (особенно в области государственного хозяйства) и т. д. Теперь же для успешной борьбы с ростом дороговизны необходимо в первую очередь внимание к усилению активного, общепланового руководства всем хозяйством, а отнюдь не замыкание в узком кругу фискальных и специально эмиссионных вопросов. Сколь они ни важны, но они не могут стоять во главе угла: только вдвинув финансовые проблемы в общую перспективу народного хозяйства, только прочно усвоив на практике их служебное по отношению к совокупности хозяйства значение,—можно успешно, без лишних тяжелых жертв, решать и самые финансовые проблемы.

Наоборот, всякое перевертыванье естественного взаимоотношения между вещами на голову, вверх ногами,—может привести только к затягиванью процесса оздоровления хозяйства, к осложнению его совсем ненужными трудностями —образчиком чего может служить влияние валютно-курсовой политики Госбанка при внешне-торговых операциях.

Плановым хозяйством борясь против удорожания жизни, какое неизбежно несет с собой неорганизованная и неурегулированная связь с иностранным капиталистическим рынком, русский пролетариат, пролетарская государственная власть России—борются тем самым, между прочим, за удержание и под'ем реального уровня заработной платы. Это продолжение классовой борьбы пролетариата против буржуазии, против международного капитала,—только на этот раз не стачками и винтовками, а плановым руководством своим хозяйством, хозяйством шестой части нашего земного шара.

VI. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ



1. ВЧЕРАШНИЕ И ЗАВТРАШНИЕ ТРЕСТЫ.

Насаждение государственных трестов в России должно было по замыслу вооружить нас высшими организационными достижениями капиталистического руководства промышленностью. Мы хотели те высшие формы организации, до каких только доработался мировой капитал, поставить на службу пролетарской диктатуре. Советская Россия хотела использовать в устроении своей государственной промышленности «последнее слово», созданное для себя капиталистами, наполнив лишь его иным классовым содержанием и поставив на служение высшим целям.

Действительно, перед войной, в развитых промышленных странах, в индустрии господствовали тресты, примерно и приблизительно такого типа, какой насажден у нас в 1921—1922 г.г. Страной таких трестов была, напр., Германия, хозяйственная жизнь которой всегда внимательно изучалась у нас и оказывала на нас в соответственных случаях несомненное влияние. Эти тресты перед войной были об'единением не очень большого количества предприятий, и при том преимущественно однотипных: машиностроительный завод вступал в хозяйственную связь с машиностроительным, пеньковый с пеньковым и т. д. Такими обычно являются и сейчас наши русские государственные тресты—небольшие об'единения однотипных предприятий. Еще в юбилейной «Эк. Ж.» от 7 ноября. председатель ВСНХ тов. Богданов сообщает, что сейчас трестировано около 90% крупной промышленности, при чем создано 430 крупных трестов... с общим количеством рабочих около миллиона человек». Легко сосчитать, что на каждый «крупный», по оценке тов. Богданова, трест, приходится в среднем не многим более двух тысяч рабочих. При том, почти сплошь—это об'единения однотипных предприятий (за исключением немногих комбинатов—Югосталь, Химуголь и т. д.). В частности эти тресты делятся на три группы. В первую входят исключительно текстильные, металлические и горные тресты, подчиненные непосредственно ВСНХ или Промбюро.

Их всего 91 с общим количеством рабочих в 646 тыс. человек, т.-е. по 7,1 тыс. рабочих на трест. Во вторую группу входят остальные 79 трестов, подчиненные непосредственно ВСНХ и Промбюро. В них всего 170 тыс. раб., в среднем по 2 тыс. чел. на трест. В третью группу входят тресты, подчиненные губсовнархозам. Их 258, рабочих в них 159 тыс. чел., в среднем по 0,6 тыс. раб. на трест. Легко понять, какой громадной тяжестью ложится на такое карликовое образование одно только содержание правления с его аппаратом. Это тяжело не только для третьей и второй группы, но даже для первой, раз она в среднем обнимает всего 7 тыс. чел. Если у нас невозможно механическое комбинирование таких гигантов, какие есть за границей, то все же и у нас надо считать, что нормально в трест должно входить не менее 20 тыс. чел.—только тогда еще его существование не является для предприятий совершенно непосильным насосом для выкачиванья из них средств.

Если теперь посмотреть, какого же типа тресты в современной Германии, в Германии сегодняшнего дня, а не довоенной, то окажется, что мы уподобились той анекдотической кухарке, которая с упоением донашивала прошлогодние барынины наряды и считала себя одетой по последней моде. Много воды утекло за 10 лет, прошедших с того довоенного времени, какое описано в известных в России книжках того времени. За эти 10 лет барыня-Германия, не говоря уже о других, более далеких государствах, ушла далеко вперед в самом типе трестов—и наши можно считать последним словом капиталистического искусства управления промышленностью только по недоразумению или в насмешку.

Современный немецкий трест является прежде всего крупным и, во-вторых,—сложным. Время примитивных трестов, об'единяющих однотипные предприятия прошло; они годились еще в эпоху устойчивых золотых денег, в эпоху устоявшихся отношений. Теперь перед германским трестом (как и перед русским) стоит задача, прежде всего, удержаться, несмотря на трудности финансирования, на падающий курс немецких бумажных денег, на обеднение внутреннего рынка и т. д. В таких условиях законом самосохранения для германских трестов становится: во-первых, разнообразие состава входящих в них предприятий. Соединяются предприятия разных отраслей промышленности, напр.: 1) изготовляющие какой-нибудь предмет и использующие естественные изделия, 2) изготовляющие полуфабрикаты и добывающие сырье с вырабатывающими готовые изделия, 3) основные произ-

водства с целым рядом вспомогательных предприятий, лишь частью их обслуживающих, а частью работающих на сторону, 4) сочетание в едином хозяйственном целом всех трех типов, перечисленных выше. Таким образом, соединяются предприятия с разными сезонами работы, с разными предметами производства, с взаимно переходящими из предприятия в предприятие продуктами и т. д. Все это в высокой степени облегчает германским трестам зависимость от рынка и увеличивает их финансовую устойчивость. Вместо Гомзы, которая должна покупать металл у Югостали, а уголь у ЦККП Донбасса, в Германии Гомза, Югосталь и соответственная часть донбассовского угля соединяются в один трест. Больше того, Сормовский завод стоит сейчас в Нижегородской губ. в смысле хозяйственного управления изолированно, как «дуб среди долины ровныя». Всякие «теплоходы», мелкие и средние литейные заводы (которые до войны производили для Сормова всякие мелочи), кирпичные, лесопильные, канатные, кожевенные и др. заводы Нижегородской губернии, которые должны обслуживать такую махину, как Сормово, а отчасти работать на сторону, все они сейчас от него совершенно отрезаны. В Германии, наоборот, все эти разнообразные заводы были бы присоединены к Сормову, составили бы с ним одно хозяйственное целое, поскольку это для Сормова понадобилось бы.

Подобная группировка «легкой индустрии» вокруг «тяжелой промышленности» вместе с тем служила бы подходящим орудием для обращения избытков легкой на укрепление положения тяжелой индустрии. Интересно, что, когда трест (смешанный, частно-государственный) затевали не «диллетанты промышленности» (как нежно называют нас некоторые белогвардейские издания), а настоящие капиталисты, как известный Мещерский, они проектировали не наши нынешние обрубочные карлики-уродцы, а об'единения в нынешней европейской постановке трестовского дела. Мещерский соединял Гомзу с металлургией и углем Юга, с лесами Урала, со всяким вспомогательными и дополнительными предприятиями. Это должно было быть предприятие, в значительной степени само себя обслуживающее изнутри и потому испытывающее гораздо меньше затруднений с финансированием. А мы, как усердно перенимавшая прошлогоднюю моду кухарка, народили кучу маленьких, разрозненных, слабых уродцев и оставили их барахтаться в гуще жизни. При том—уродцев в полном смысле слова, ибо при образовании треста иногда, как

будто специально (может, есть и для этого сцены), разрывался по живому месту процесс производства продукта и одна стадия (часть) об'единялась в один трест, а другая—в другой. Таким образом и получилась описанная тов. Богдановым нелепая картина, когда меньше миллиона рабочих поделено между четыреста тридцатью трестами—центральными, областными и губернскими.

Надо сказать прямо: при такой нарочито нелепой организации промышленности, трудно было бы существовать даже и при лучших об'ективно условиях, чем те, какие достались нам на долю. Вместо того, чтобы итти по пути закрытия заводов, надо сначала пойти дорогой закрытия большинства существующих трестов. Это даст возможность останавливать и «консервировать» гораздо меньше заводов,—центр тяжести задачи заключается в мерах, поддерживающих промышленность, а не решающих вопрос «простым» способом закрытия заводов, «не обращая внимания на привходящие обстоятельства». Это та самая простота, про которую сказано: простота хуже воровства.

Поскольку речь идет о той доле облегчения, какую могут дать промышленности меры организационного характера,—в первую очередь необходим переход от трестов вчерашнего дня к трестам современным, т.-е., в частности:

1) Укрупнение размера трестов путем уничтожения подавляющего большинства существующих и создания таким путем более мощных организаций.

2) Широкое проведение начала комбинирования разнообразных предприятий вместо нынешнего господства однотипности.

3) Придача соответственных групп легкой индустрии к трестам тяжелой промышленности в целях внутреннего перераспределения средств и т. п.

4) Устранение изолированности наших гигантов (Сормово и т. д.) передачей в их ведение ряда средних предприятий их района (местные органы власти могли бы зато ввести своих представителей в правление завода, в наблюдательный совет треста и т. д.).

Чем скорее исчезнут смешные карликовые уродцы, по недоразумению именуемые теперь трестами, тем лучше будет для государственной промышленности. («Правда» от 11 ноября 1922 г.).

2. РЕФОРМА ТРЕСТОВ.

„Аппарат остался у нас старый и наша задача теперь заключается в том чтобы переделать его на новый лад"
Из речи т. Ленина 20 ноября 1922 г. в московском совете.

В центре вопроса о возрождении русского хозяйства стоит проблема промышленная, в разрешении которой, т.-е. в надлежащем росте промышленного производства, лежит ключ к оздоровлению финансов и к под'ему сельского хозяйства, ибо надлежащим оперированием промышленными продуктами мы удобнее всего можем сейчас регулировать земледелие, дальнейшее развитие которого упирается при том в сравнительную отсталость производства.

Необходимое с указанной целью в первую очередь увеличение оборотных средств государственной промышленности может быть достигнуто, во-первых, происходящим уже перераспределением средств между основными отраслями хозяйства (от торговли, земледелия и непроизводительных трат к промышленности и транспорту) и, во-вторых, более целесообразной организацией промышленности, позволяющей достичь больших результатов при данных средствах (подобно тому, как начатое коллективным снабжением изменение системы заработной платы, позволило в свое время достичь больших результатов при тех же средствах и тем самым создало дополнительные средства).

Расчеты на общее широкое оплодотворение русской промышленности иностранными капиталами путем концессий должны быть отброшены, как нереальные.

Организационные усовершенствования в управлении государственной промышленностью могут быть оправданы только в таких случаях, когда непосредственно приносят несомненную материальную выгоду. Преобразования, вытекающие из отвлеченных соображений (как общее акционирование всех трестов и т. п.), должны быть сейчас отброшены, как лишняя помеха и лишние пересадки с места на место без немедленной практической пользы.

Современная группировка предприятий в тресты (сотни преимущественно мелких трестов, обычно из однородных предприятий, охватывающих при том лишь часть производственного процесса какого-либо продукта) совершенно не приспособлена к условиям рыночного существования, а является пережитком

прежнего административного аппарата эпохи военного коммунизма. Нынешние тресты обычно—лишь осколки прежних главков.

Если в 1918—1919 г.г. главки были необходимы, и тогда их следовало наладить, то теперь, в условиях существования рынка и рыночной системы регулирования отношений,—теперь в основе организационной группировки предприятий должны лежать не соображения административной стройности и выдержанности стиля, а рыночной выгодности. Необходима такая организация, которая дает возможность легче держаться в условиях рынка и при уменьшении требований к финансированию обеспечивает производство большего количества товаров.

Для приспособления к условиям рыночного существования и увеличения производственных возможностей при наличных средствах государства—нынешние мелкие однотипные тресты должны быть рационализированы по образцу рационализации немецких трестов (концерн Стиннеса). Это означает необходимость замены их более крупными об'единениями, включающими в себя предприятия во всех стадиях производственного процесса (сырье, полуфабрикаты, готовые изделия и предприятия, их использующие) вместе с обслуживающими и дополняющими их производствами (топливо, леса, пароходы и т. п.).

Основными преимуществами таких более крупных по размеру и более сложных по составу трестов (концернов) являются следующие:

а) уменьшение непроизводительных накладных расходов и, в частности, сокращение количества служащих;

б) реализация значительной части продукции внутри самого концерна и соответственное уменьшение зависимости от рынка;

в) получение сырья, полуфабрикатов, топлива и вспомогательных средств по заготовительной себестоимости вместо рыночной цены и уменьшение требующихся оборотных средств или достижение больших размеров производства при тех же средствах;

г) устранение частных посредников при главной массе поставок и передвижек товаров, как производящихся внутри концерна;

д) использование сезонных колебаний производства в предприятиях разного рода (разных стадий производственного процесса и т. д.), путем обращения периодически высвобождающихся средств одних предприятий на усиление работы других предприятий (с несовпадающими сезонами),

и этим уменьшение потребности в финансировании со стороны;

е) достижение внутренней пропорциональности производства, неизбежно отсутствующей при нынешней системе мелких трестов, когда один трест по совокупности своих предприятий производит больше пряжи, чем может ее переработать в ткань, а другой, наоборот, производит больше ткани, чем может обеспечить собственной пряжей, — со всеми проистекающими отсюда перебоями в производстве и т. д.;

ж) большая обеспеченность производственного процесса в силу того, что вспомогательные, дополнительные и снабжающие предприятия, находятся в руках пользующихся или потребляющих предприятий (комбинаты), пользуются их особой поддержкой и, опираясь на эту заинтересованность, работают лучше, чем при изолированном (обособленном) существовании;

з) взаимная помощь друг другу со стороны могущих быть во многих случаях об'единенными в одном концерне предприятий легкой и тяжелой индустрии и, в частности, безболезненное переливание средств из легкой в тяжелую, напр., в горное дело (с выгодой для самой легкой: обеспечение топлива, некоторых видов материалов и т. д.);

и) ослабление или устранение конкуренции при заготовке сырья, особенно крестьянского типа (лен, кожи и т. д.), как об'единением закупок, так и присоединением (некрестьянских) источников сырья;

к) возможность технически более рационального сосредоточения производства в лучших предприятиях или цехах (т.-е. увеличение нагрузки), чем когда определение подлежащих консервации и т. п. предприятий производится внутри нынешнего маленького треста.

Нынешний мелкий трест однотипных предприятий является лишь маленькой деталью в общем потоке хозяйственной жизни,—он почти лишен возможности на нее воздействовать и потому живет обычно чисто стихийно. Преобразование его в сравнительно крупный концерн, продуманно комбинирующее взаимно связанные друг с другом хозяйственные предприятия, создает самостоятельную хозяйственную единицу с определенно-*плановым хозяйством*.

Тем самым создаются реальные предпосылки для необходимого нового укрепления планового хозяйства, но на этот раз уже в обстановке товарного хозяйства. Потому *господствующим типом плановых единиц теперь должны быть сравнительно круп-*

ные и сложные комбинаты, а не мелкие об'единения однородных предприятий. Без такого приноровления организации управления промышленностью к требованиям товарного хозяйства превращается в анахронизм и Госплан.

Система однородности внутри трестов и разорванности разных стадий единого производственного процесса — в условиях товарного хозяйства неизбежно означает подчинение стихийности (с острыми ежегодными сезонными кризисами, то Донбасса, то других отраслей и т. д.).

В случаях, когда какую-либо группу предприятий полезнее соподчинить одновременно нескольким укрупненным трестам (концернам),—может быть организован специальный «целевой» концерн путем акционирования соответственной группы предприятий и раздела акций между трестами, которым должна быть подчинена данная группа. Здесь акционирование является лишь вспомогательной формой для организации целевого концерна, акции не котируются и не передаются иначе, как по распоряжению высшего государственного промышленного органа, «концерна концернов»—ВСНХ.

Интересам выгодности государственного хозяйства должны быть подчинены интересы ведомственной стройности. Потому в надлежащих случаях не следует останавливаться перед соединением в один трест и промышленных и транспортных предприятий (напр., присоединение пароходства на Сухоне к бумажным трестам или присоединение некоторых сибирских угольных районов к Сибирской жел. дор.). Выступая на товарный рынок, пролетарское государство не должно лишать себя могущественного оружия капиталистов—соединения взаимно поддерживающих друг друга предприятий в одно крепкое целое. Остановиться перед создавшимися ведомственными границами значило бы принести им в жертву интересы производства и поставить русское хозяйство в худшие организационные условия сравнительно с хозяйством любой капиталистической страны.

Сведение сотен существующих мелких трестов (обычно вовсе не заслуживающих этого имени) в несколько десятков серьезных об'единений составляет в высшей степени желательную предпосылку как для развития системы массовых государственных заказов (безусловно необходимой для некоторых отраслей промышленности, особенно металлической), так и для постепенной концентрации торговли в руках государственых органов. На-

оборот, нынешняя система сотен трестов (мелких, слабых и неприспособленных по составу их предприятий к рыночным условиям) с неизбежностью должна приводить к господству в торговле частного капитала с переходом в его руки смычки с крестьянством—со всеми проистекающими отсюда политическими тенденциями.

Укрепляя промышленность и более реально выявляя истинное ее состояние—переход к укрупненно-комбинированным трестам (концернам) облегчает возможность более здорового налогового обложения государственной промышленности, чем какое существует сейчас. В частности, в значительной мере отпадает ненормальная посредническая роль Наркомфина, как перераспределителя (налоговым путем) средств между легкой и тяжелой индустрией. Вместо такого посредничества (оплачиваемого высокими процентами и уменьшающего перераспределяемые средства также на всю сумму высоких накладных расходов), перераспределение будет происходить внутри-промышленным образом, отчасти в рамках одного концерна, отчасти распоряжением «концерна концернов»—ВСНХ.

Выигрыш на сокращении правленческого аппарата (сейчас правления с их агентурой и т. п. занимают до 5% всех рабочих среднего треста), на уменьшении других накладных расходов и на преимуществах в области финансирования и использования наличных оборотных средств—может быть в значительной мере употреблен на увеличение заработной платы и на повышение таким путем производительности труда.

Это реальное улучшение должно перевесить в глазах профсоюзов то сравнительно нерешающее организационное удобство, какое при прежней (нынешней) системе проистекало из подчинения всех предприятий, где заняты члены какого-либо союза, одному и тому же главку (или его осколкам—однотипным трестикам). Профсоюзы должны научиться маневрировать среди сети различных предприятий, соединенных в хозяйственные комбинаты, отнюдь не ставя создавшуюся организационную привычку обслуживающих профсоюзы товарищей препятствием к установлению порядка, более выгодного и для их членов, и для промышленности, для всего пролетариата в целом.

В случаях, когда наиболее выгодная организация производства требует присоединения к крупному «трестовскому» заводу на началах комбинирования каких-нибудь мелких или средних «совнархозовских» предприятий,—это должно быть без колебаний сделано, при чем соответственный губисполком может быть компенсирован введением его пред-

ставителей в правление треста или завода или в особый контрольно-наблюдательный совет при тресте (в котором должны участвовать также профсоюзы, кооперация и наиболее заинтересованные ведомства-заказчики).

С целью указанной выше рационализации промышленной организации и облегчения тяжелого положения с оборотными средствами—все существующие несколько сот трестов должны быть пересмотрены Высовнархозом под углом зрения энергичного их укрупнения и комбинирования. Эта перемена создает и для самого ВСНХ возможность управления подчиненными ему органами, которой совершенно не существует на практике, раз число этих органов исчисляется целыми сотнями.

Наличная система группировки предприятий в тресты, обусловливая для ВСНХ невозможность управлять этими трестами, приводит к тому, что государство принуждено кустарно распылять естественные функции центрального управления промышленностью («концерна концернов» — ВСНХ) между другими органами власти, пытаясь в них создать подпорки пошатнувшемуся зданию ВСНХ, расползающемуся по указанной причине. Так, во второй половине 1922 г. определение цен на изделия отошло к Комвнуторгу, распределение оборотных средств между трестами—к Наркомфину и т. п., что еще более увеличивает рыхлый характер всей организации промышленного управления со всем проистекающим отсюда для государства вредом.

Реформа нынешних трестов в сторону указанного выше приноравливания их структуры к требованиям развитого товарного общества является поэтому необходимым условием для того, чтобы реально мог создаться такой ВСНХ, какой нужен государству и какого сейчас нет и быть не может: ВСНХ с твердой волей, с крепкой рукой, с ясной позицией, с определенной линией.

Задачей организации промышленного управления является сочетание централизованного государственного руководства с отсутствием того мертвящего чиновничьего духа, который был так характерен для всего режима (строя отношений) «казенных» предприятий былых царско-буржуазных времен. Как известно, не все благополучно в этом последнем пункте во взаимоотношениях между нашими трестами и входящими в их состав предприятиями. Уродливой реакцией (откликом) на это положение является слышная иногда в последнее время проповедь об уничтожении вообще трестов и о предоставлении каждому обособленному предприятию всей полноты инициативы (почина),

торговых и иных прав. Но т. к. нельзя одобрить такие скороспелые «ликвидационные» (упразднительские) замашки, когда с грязной водой из ванны выбрасывают и ребенка—то вполне пора подумать о замене грязной воды чистой на деле.

Производит смешное впечатление своей беспомощностью—«борьба с бюрократизмом», когда она сводится к поучениям о его вреде и к нравственному негодованию против него. Бюрократизм есть органический порок системы построения организационных отношений, и радикально лечить его можно только изменением организационных методов, самых форм организации. Кто этого не понял, тот ничего не понял в «борьбе с бюрократизмом».

Бюрократичность трестов проявляется по двум основным линиям. Во-первых, оторванность их от использования творческих возможностей отдельных предприятий, в виду существования только односторонней связи сверху вниз. Только правление треста обдумывает, решает, распоряжается. Отдельные предприятия не привлекаются часто даже к совещательному участию в управлении и в определении своей судьбы, они осуждены на пассивность. Разумеется, бывают и исключения, но мы говорим о распространенном типе отношений. Одностороннее действие только сверху убивает дух самодеятельности, не дает выразиться всему накопленному опыту отдельного предприятия, не дает проявиться тем предложениям и соображениям, учет которых обеспечил бы более жизненное и успешное руководство со стороны трестовского центра. Получается чиновничье управление, вместо общественного, между тем, как советский трест должен быть, понятно, живой общественной единицей организовавшегося в государство пролетариата. С этим соединяется еще иногда мелочность опеки, отсутствие у директора завода права самому заготовить метелку и т. п.

Вторая линия бюрократизма наших трестов характеризуется их полной оторванностью, изолированностью от общественного контроля, который, в условиях государства с рабочей диктатурой, может быть прежде всего только контролем организаций пролетариата. Правление треста сейчас фактически отвечает только пред господом богом, поскольку в него верит, и перед своей совестью, насколько находит нужным. Административное подчинение ВСНХ сводится на деле к возможности иметь более влиятельного ходатая «по финансовым делам» и вообще заступника. Контроль рабоче-крестьянской инспекции является часто

старым государственным чиновничьим контролем, приводящим, правда, иногда к судебным делам, но никоим образом незаменяющим и неспособным заменить живого общественного контроля рабочих организаций. Когда, два года назад, прекращали участие профсоюзов в непосредственном управлении отдельными предприятиями, то недостаточно заметили, что не только упразднили так называемую «двойственность в управлении», но и не создали взамен того организационных форм и легальных предпосылок для общественного контроля профсоюзов в новых условиях, необходимость которого никем, конечно, не оспаривалась. Правления трестов превратились в замкнутые корпорации, более законспирированные, чем любой капиталистический трест Германии.

На этой почве и развиваются такие явления, как устройство трестами «ужинов» на 50 миллиардов по случаю переезда «на другую квартиру» с одновременным отказом произвести выдачу на культ.-нужды «по недостатку средств» (см. «Труд» от 24 янв.), либо наблюдающийся уклон хозяйственников в сторону создания какой то коммерческой тайны от профсоюзов (засвидетельствованный длинным рядом профессионалистов до тов. Андреева включительно).

Оторванность трестов от общественного контроля пролетариата приводит не только к усилению так называемых «трений» с профсоюзами на почве заработной платы, не только к облегчению злоупотреблений со стороны преступных элементов, но и к росту недоверия партийной и вообще рабочей среды к руководителям трестов и предприятий. Создается та облекающая их враждебная атмосфера, которая тяжелым камнем лежит на деле хозяйственно-административного руководительства в нынешних условиях и которая заранее обеспечивает успех любому демагогическому выступлению против «советских предпринимателей». Автор этих строк меньше всего может быть заподозрен в стремлении приукрасить добродетели наших хозяйственных администраторов и достаточно бесцеремонно разоблачает их «правые уклоны» при наличности таковых. Тем более надо указать на другую сторону вопроса, на необходимость помочь им оберегаться от этих уклонов, помочь избавиться от явлений, вызывающих предложения в роде предложения тов. Преображенского (мобилизовать несколько тысяч коммунистов и бросить их в тресты на предмет надлежащей встряски) или т. Львова (об'явить главной задачей партии освобождение партийных хозяйственников от влияния на них буржуазных элементов). Для характеристики создавшегося настроения любопытно отметить, что

подобные статьи идут порой в «Правде» даже не в качестве «дискуссионных».

Между тем, исходным моментом для трений, нареканий. недоверия и отчасти даже для злоупотреблений—является именно отмеченный выше двойной бюрократизм нынешнего типа трестовской организации по отношению к внешнему миру и по отношению к собственному предприятию. Отчасти именно этот бюрократизм и вызывает поход некоторых «красных директоров» за автономию, корни которого. впрочем, отчасти питаются отрицательным отношением к плановым, организующим моментам в государственном хозяйстве и влечением к «свободной игре сил», распыленных, автономных на волнах рыночной. стихии.

Задача заключается не в том, чтобы убедительной проповедью уговорить трестовиков «не быть бюрократами», а в том. чтобы найти организационные формы, которые могут ослаблять ведущие к бюрократизму тенденции, не подрывая вместе с тем ни планового, централизующего начала, ни хозяйственной энергии руководителей.

Целесообразным организационным подходом к уменьшению бюрократических тенденций в практике трестов было бы на первое время, как нам кажется, создание двух учреждений при каждом промышленном об'единении: 1) совет треста, 2) наблюдательный комитет.

В совет треста должны входить от каждого подчиненного тресту предприятия его директор и председатель его фабзавкома. Совет треста собирается не менее четырех раз в год. Совет треста рассматривает вместе с правлением треста не только операционный (производственный, коммерческий и т. д.) план, но и ход его действительного выполнения. Совет треста имеет право представлять президиуму ВСНХ об отозвании мало пригодных членов правления и о пополнении его новыми кандидатами. Окончательное разрешение вопроса остается, разумеется, за президиумом ВСНХ, по соглашению с Ц. К. соответственного профсоюза, в требующихся случаях—с утверждением СТО. Понятно каждому, как такая практика изменяет самый дух взаимоотношений между трестами и входящими в них предприятиями. Правление треста перестает быть оторванным, в небесах восседающим недоступным олимпийцем (богом) и принуждено будет, во-первых, интересоваться голосом своих предприятий, во-вторых, прислушиваться к нему, в-третьих, отвечать перед общественным мнением управляемых. Своего рода зародыш «демократического централизма» в промышленной организации. Предприятие будет иметь возможность и интерес проявлять свою инициа-

тиву и применять свой опыт, не разрушая вместе с тем необходимого по политическим и хозяйственным причинам единства руководства данным промышленным об'единением. Право заготовлять для завода метелки и т. д. станет естественным достоянием каждого завода.

«Наблюдательный комитет» должен явиться противоядием против второй линии бюрократизма, по отношению к внешнему миру (в отличие от совета треста, являющегося внутренним органом, устраняющим «казенщину» в отношении к предприятиям). Наблюдательный комитет должен быть органом общественного пролетарского контроля над работой треста. Состав его: представители рабочей кооперации, представители профсоюзов, представители Промбанка и НКФина, представители крупнейших заказчиков треста из числа государственных ведомств (напр., НКПС для Гомзы, НКВоен для суконных трестов). Полномочия наблюдательного комитета, во-первых, должны охватывать тот круг, который предусмотрен германским законом 5 февраля 1921 г. По этому закону, предприниматель обязан пред'являть фабзавкому для подробного рассмотрения свой баланс и счет прибылей и убытков, подробно обосновывать каждую статью данными счета инвентаря, сырьевого, контокоррентного счета производственных и торговых издержек и т. д. Если акционерное общество обнимает ряд предприятий (как у нас трест), то баланс и пр. должны быть представлены не только фабзавкомам отдельных предприятий, но и об'единенному фабзавкому всего общества (треста).

Во-вторых, наблюдательный комитет должен иметь право во всякое время обсуждать вопрос о целесообразности действий треста с перенесением вопросов в ВСНХ. Это, кстати, создает такую внутреннюю инспекцию со стороны наиболее заинтересованных кругов, какой никогда не создать ВСНХ чисто чиновничьим путем. Особенно полезно может сказаться существование такого наблюдательного комитета при обсуждении трестом, напр., коллективного договора с рабочими или вопроса о ценах на изделия и т. д. Вместе с тем создание совета треста и наблюдательного комитета не вызывает ни организационной ломки, ни сколько-нибудь значительных дополнительных издержек, ни стеснения непосредственных распорядительных прав правления треста.

Следует заметить, что совет треста, как орган «законосовещательный» и не требующий участия каких-либо лиц и учреждений извне треста, может учреждаться также и простым постановлением правления отдельного треста. По-

целесообразнее, конечно, не полагаться на соревнование в «антибюрократизме» самих трестовских правлений, а помочь им несколько в этом отношении и извне. Наблюдательные комитеты считала необходимым для себя иметь даже буржуазия при своих буржуазных акционерных обществах, на директоров которых она в классовом отношении могла положиться на всех без исключения. Тем более необходимы они у нас. Здесь недостаточно одно право последующих ревизий отчетов, составляемых через несколько месяцев по окончании года, здесь нужен именно живой, активный наблюдательный комитет, как властный и неведомственный контрольный орган пролетарской государственной общественности.

3. ВСНХ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Как неоднократно отмечала за последнее время наша печать, последний период нашего строительства вообще может быть отмечен отсутствием достаточно твердой, последовательно проводимой практической линии у нашего руководящего промышленного органа—ВСНХ. Наиболее яркое выражение нашло это в слабом проведении (по почину самого ВСНХ, а не по давлению на него извне) концентрации скудных оборотных средств на лучших промышленных единицах, следствием чего было распыление средств, непомерные накладные расходы, удорожание себестоимости и т. п.

Как не без основания указывали не раз профсоюзы, именно в этом отсутствии твердой линии, а, напр., не в росте заработной платы, надо искать причины возникновения или усиления некоторых наших неустройств. Благоприятные об'ективные условия вели, однако, к под'ему промышленности и не взирая на недостаточность экономического руководства со стороны ВСНХ подчиненными ему органами, несмотря на то, что, как выразился тов. Андреев (из ВЦСПС), «общая линия партии, направленная на укрепление и развитие социалистических форм промышленности, на практике осуществлялась хозяйственными органами нерешительно и без системы».

Даже на наиболее боевых участках хозяйственного фронта, привлекших к себе общественное мнение всей партии, всего пролетариата, всей страны, сильно сказывалось это отсутствие твердого экономического руководства. Ибо подход к промышленности под экономическим,

а не просто под административным углом зрения, должен был вести к сосредоточению сил, средств, внимания на решающих, на основных пунктах хозяйственной жизни страны. Достаточно вспомнить судьбу Донбасса за эти два года, чтобы оценить, как мало было в промышленном руководстве твердого плана, ясной экономики, как основное тонуло в общей административной суете.

Донбасс давно провозглашен одним из самоважнейших моментов нашего хозяйства. Он, действительно, является командующей высотой. Низкий уровень добычи угля тяжелой гирей висит на подымающейся промышленности, парализует металлургию, обессиливает транспорт, гонит русское золото за границу.

Два года у нас не было войны. В 1921—1922 г. был голод. В 1922—1923 г. голода не было. А добыча угля в Донбассе, по данным ВСНХ, составила с октября 1921 г. по январь 1923 г., т.-е. в голодный год, примерно, на 25% больше, чем с октября 1922 г. по январь 1923 г., когда голода в стране в целом нет, когда идет уже второй год отдыха от войны. Можно ли назвать это экономическим руководством промышленностью?

Ведь, если дальнейшее укрепление возможности сытого существования, дальнейшее продолжение «мирной передышки» будет на деле приводить к дальнейшему понижению суммы добычи таким же темпом (быстротой), то мы заедем очень далеко назад.

Между тем, достаточно посмотреть на движение заработной платы шахтеров Донбасса, чтобы понять значительную часть тайны высовнархозского беспланья. В конце 1921 г., как мы знаем, заработная плата повышалась во всей стране, не был исключением и Донбасс. А в конце 1922 г., по опубликованному Ц. К. горняков и никем неопровергавшемуся подсчету, реальная заработная плата донецкого шахтера, если принять октябрь за 100%, составляла:

Октябрь 1922 г.	100%
Ноябрь „	85%
Декабрь „	75%
Январь 1923 г.	70%

Понижение свыше чем на четверть. Это в то время, когда вся страна твердит о необходимости повышения заработной платы именно в тяжелой индустрии. В то время, как Донбасс является подлинной и несомненной командующей высотой нашего хозяйства!

Руководителям ВСНХ и руководителям Главутопа при наличности экономического, а не административного подхода к промышленности, здесь надо было сосредоточить свое и общественное внимание, а не на знаменитом «юридическом уточнении природы треста». Вот уж, можно сказать, последнее, от чего страдает русская промышленность, так это от «юридической» неясности «природы треста»! А от безобразного обращения с Донбассом, от отсутствия у ВСНХ и Главутопа твердой линии, хотя бы в отношении такой элементарной вещи, как заработная плата донецкого шахтера, от недостаточной добычи угля,—от этого русская промышленность страдает весьма сильно.

Неумение бросить максимум наличных средств на наиболее важный хозяйственный участок страны, вместо механического их распыления. Утрявание в чиновничьих вопросах о «природе трестов», или о создании «при ВСНХ» или «около ВСНХ» нового «совета с'ездов». Систематическое прозевывание Донбасса, уменьшение добычи угля сравнительно с тем, что было достигнуто даже при худших условиях, вот проявления того осуществления «без системы» общей линии, о котором пишет тов. Андреев, вот проявления неоспоримого провала на экзамене, который постиг ВСНХ и Главутоп, несмотря на наличность более благоприятных общих условий в стране. (Одно отсутствие войны чего стоит).

Отсюда и несомненное падение авторитета ВСНХ, всеми чувствуемое и наглядно выражающееся ко вреду для промышленности в урезывании и распылении его функций (вспомните вопросы о порядке установления цен, о промышленном обложении и пр.), в той ставшей его уделом гибкости и сговорчивости, какая граничит с беспозвоночностью.

Неясность «природы трестов»—для кого она не ясна? Для адвокатов специалистов буржуазного времени, подсовывавших нам ныне уже отклоненное советской властью предложение, под предлогом «уточнения юридической природы» допустить продажу с молотка «за долги» наших государственных заводов и трестов, их формальную денационализацию.

«Совет с'ездов»—вот он существует, совсем, «как у людей», как в «настоящих государствах». Какая проистекла от него польза, кроме чрезвычайно неудачной, способной только скомпрометировать «записки по рабочему вопросу», о которой поведали в свое время миру «Эк. Ж.» и «Торг.-Пром. Газ.»? Пустышка пустышкой и останется—при на-

личности государственного руководства промышленностью, при наличности ВСНХ, любой «совет с'ездов об'единенной промышленности» будет только ребяческой игрушкой или конкурентом «Деловому клубу».

И на этих уклонах месяц за месяцем сосредоточивалось внимание ВСНХ, собиралось им всероссийское совещание промышленности и прочее,—а в Донбассе месяц за месяцем падала в то же самое время реальная заработная плата шахтера, падала и падала и задерживалась в выплате.

Неудивительно, что в «Труде» от 17 марта приходится читать признание специально собранным в Юзовке «техническим совещанием», что «понижение производительности вызвано систематическим затягиванием выплаты заработка», что «неудовлетворительное выполнение коллективного договора понижало количество выходов (рабочих дней) до минимума», что в январе и феврале 1923 г. производительные задания выполнялись едва на 80% в силу указанных причин и т. д.

Но и сама производственная программа Донбасса значительно понижена против той, какую еще в конце 1920 г. постановил С'езд Советов и к какой действительно Донбасс подошел уже в последние несколько месяцев 1922 г.— 600 милл. пуд. в год. За последние полтора года общего возрождения страны произошло и реальное и программное падение Донбасса,—вот разительный результат «невыдержанного экзамена», отсутствия последовательного проведения взятой было линии.

Если уже в настолько ясной, бесспорной, жизненной задаче, как «экзамен на Донбасс», у ВСНХ на деле не оказалось твердо проводимой линии, и добыча угля и заработная плата плясали там самую причудливую пляску,— то тем менее можно ее обнаружить, разумеется, в таком сравнительно мало выясненном и новом деле, как организация промышленности в нынешних условиях. Неопределенность, вечные колебания, нерешительность—в этом расплывчатом, бесформенном киселе расплываются попытки выделить, какую-же линию проводил собственно сам ВСНХ по своей инициативе.

В начале 1922 г. он подписывает один проект закона о трестах («комиссия Курского»), принятый затем «высшим экономическим советом», существовавшим в то время при СНК, чтобы через несколько дней высказаться за положение в основу значительно отличных начал: не получают силы оба. В организации и практике промышленности господствуют стихийность, случайность, разбрасывание.

В конце 1922 г. он настроен против предложения об «общем пересмотре трестов», как против неслыханного намерения «перетряхнуть» всю государственную промышленность,—для того, чтобы скоро учредить «центральную комиссию пересмотра трестов» с самой широкой программой, удовлетворяющей всем «первоочередным» желаниям относительно укрупнения, комбинирования, нагрузки и пр.

Подобно позициям на обеих этих гранях—и в течение самого 1922 г. не было со стороны ВСНХ в организационной области какой-либо определенной направляющей политики. После обычных для него колебаний и нерешительности, он примыкал к извне приносимым начинаниям, то к «синдикатам» т. Ногина, то к «совету с'ездов» т. Межлаука и Гольцмана.

Даже такой, казалось бы, ясный вопрос, как необходимость упразднения старых главков и общий переход к организации промышленности по трестам,—и тот вызвал сомнения, колебания, протесты в высшие законодательные органы. При том не в августе 1921 г., когда учреждались первые тресты, Льняной и Северолес, а через 4 месяца, когда линия, казалось бы, должна была уже достаточно выясниться. Комиссия ВЦИК по пересмотру советских учреждений приняла 2 декабря 1921 г. наше предложение об общем переходе к постепенному упразднению всех главков ВСНХ и переорганизации всей промышленности на «трестовский» лад. Президиум ВСНХ опротестовал это постановление и в СНК и во ВЦИК и примирился с ним только через полтора месяца (утверждено ВЦИК без изменений в январе 1922 г.).

Все эти шатания и отсутствие организационных перспектив об'ясняются прежде всего, конечно, недостаточной отчетливостью того основного экономического критерия (мерила), с каким надо теперь, более, чем когда-либо, подходить к оценке всей организационной работы, всех организационных исканий. Задачей надо ставить такие организационные изменения, какие могут принести материальную выгоду, а не только идеальное удовольствие от переименований и переорганизации в интересах стройности схем и т. п. Эта немудрая истина, простая, как колумбово яйцо, дает, однако, полную возможность отделять шелуху от зерна, находить здоровое ядро или полезную сторону во всех проявлениях того потока организационных исканий, какой естественно должен был возникнуть в процессе приспособления государственной промышленности к условиям жизни при новой экономической политике.

Ясное представление указанного выше характера организационных задач в настоящее время и подход экономиста, вот чего недоставало ВСНХ, вот почему он плыл без руля и ветрил, хватаясь то за ту, то за другую бросаемую какой-нибудь доброй душой масличную ветвь — сегодня Ногиным, завтра Гольцманом.

Пересмотрите отчеты экстренной партийной конференции 1921 г., обсуждавшей впервые вопрос о промышленности в условиях нэпа, незадолго только перед тем об'явленного. В выступлениях руководителей ВСНХ нет совсем представления, что нэп неизбежно потребует перестройки всего строя государственной промышленности. Речь идет, главным образом, о необходимости признания аренды, простора для кооперации и т. п. Своего рода ирония судьбы, что как раз мне, который потратил потом не мало энергии на борьбу с излишествами, с извращениями, с чрезмерностью внесения примитивно (упрощенно понятых) коммерческих начал во внутренний строй государственной промышленности,—как раз мне пришлось на этой конференции выдвинуть и подчеркнуть необходимость не ограничиваться заботами об аренде и кооперации, но провести «раскрепощение» государственной промышленности и перестройку ее на «коммерческих началах». Сначала дело раскачивалось медленно, хотя конференция упомянула в резолюции о необходимости облегчить самодеятельность крупной промышленности, но лишь с некоторым опозданием СТО назначил «комиссию по раскрепощению», а затем, еще позже, к августу, появился и первый трест, и «коммерческие начала» вошли в такую моду, что пришлось предостерегать уже от преувеличенного «разбазариванья» и от отдельных уклонов в «разбазарную» идеологию.

Теперешнего обсуждения вопроса об организации промышлености нельзя уяснить себе в подлинном его значении искания необходимых форм приспособления к условиям нэпа, если не вернуться к исходным моментам того времени.

Вот что писали в «Правде» в начальную эпоху новой экономической политики, когда приходилось еще только уяснять самую необходимость организационной перестройки в промышленности в связи с нэпом (статья «Советская кошка»):

«Многочисленные стеснения и ограничения, которыми опутаны крупные государственные предприятия, пытаются иногда оправдать необходимостью бдительного надзора, инспекции за нецелесообразностью их действий. Мы всегда утверждали, что этим путем можно

только связывать и убивать д у х п р е д п р и и м ч и в о с т и, дух здорового почина, но никак не приносить пользу делу.

«Яйца курицу не учат. Лучший знаток дела ставится и будет ставиться во главе самого дела. На долю инспекции должны оставаться люди, которые в целесообразности дела меньше понимают, меньше могут о ней судить. Умно ли этим менее подготовленным давать командовать более сведущими в деле, разрешать или запрещать последним по соображениям целесообразности то или иное их распоряжение. Самое большее, чего можно требовать от подобных инспекторов—и в этом они на своем месте,—это формальной проверки законности и добросовестности действий предприятия после достижения им определенных результатов.

«Теперь по всему экономическому фронту у нас происходит возврат к здоровым идеям 1918 г. (первого полугодия советской власти), возврат от их бюрократического и военного извращения некоторых из них, создавшегося неизбежно в исторических условиях 1918—1920 г.г. Тогда, в первое полугодие, мы были очень далеки, и на практике и в теории, от всесторонней, сковывающей мелочной опеки, превратившей управление предприятием в нечто пассивное, ждущее поневоле всего извне, не могущее использовать собственных сил и средств предприятия. Каждый завод имел тогда много таких прав, какие теперь придется лишь восстанавливать, напр., право иметь и организовывать подсобные предприятия, право отчуждать часть производимых продуктов для расплаты с возчиками, грузчиками и разными кустарными поставщиками, право участия в заготовке сырья и топлива, право свободной передвижки кредитов внутри сметы, право самостоятельного изменения численности рабочих и служащих и т. д. А относительно смет существовавший еще тогда пленум ВСНХ (из представителей ЦК всех профсоюзов) принял в апреле 1918 г. мой доклад, по которому предприятие об'являлось совершенно свободным в распоряжении отпущенными ему денежными и вещевыми средствами, но должно было строго отвечать за достижение полезных результатов. Но в силу указанных обстоятельств законодательство и практика на целых три года пошли в этом направлении по другому пути.

«Теперь, перед лицом свободы частного, мелкого производителя, особенно необходимо освободить от связанности и крупное государственное предприятие и, наделив его, таким образом, правами, оздоровив условия его действования, возложить на него и всю тяжесть ответственности.

Необходим контроль не со стороны над целесообразностью работы предприятия, осуществляемый неизбежно менее подготовленными людьми, чем занятые в производстве специально, а нечто иное. Необходимы: 1) компетентное (понимающее дело) руководство предприятиями вообще, ставящее им свыше реальные задачи и жизненные программы, 2) свобода работы отдельного предприятия и периодическая точная отчетность его о достигнутых результатах и затраченных усилиях и средствах, 3) умение высших руководителей оценить эти результаты и соответствие их с затратами и действительное производство такой оценки по каждому предприятию, 4) неуклонная суровая судебная ответственность за недобросовестность—и это все.

«Это «все» на русском языке называется постановкой работы государственных предприятий на коммерческих началах вместо той мертвящей бюрократической казенщины, которую развили у нас за последние годы соединенными силами неподготовленность и непонимание одних (т.-е., коммунистов) и чуждые промышленной жизни чиновничьи навыки, а иногда, может быть, и злонамеренное издевательство над жизнью других (т.-е. пошедших на службу к коммунистам чиновников).

«Чиновничий саботаж, встретивший пришествие нашей власти, был окончательно сломлен к весне 1918 г. Старое чиновничество пришло с собственными методами, с собственными идеями, и уродовало на свой лад, порой не без злорадства, получаемые им общие директивы самым простым способом, так называемым «развитием до логического конца»—сведением к экономическому абсурду.

«А, вы хотите социализма, вы заставляете нас служить вам—извольте, получайте». И на место организованного руководства хозяйственной жизнью (социализм) практика создает безумную централизацию даже мелких административно-экономических распоряжений (буржуазная казарма, буржуазная тюрьма, глупость—спичку нельзя получить со спичечной фабрики в провинции, даже в счет всяких норм, без специального наряда из Москвы). Мелкобуржуазное и среднебуржуазное чиновничество всегда ненавидело социализм, ожидало увидеть в нем тюрьму и казарму, и, когда пришлось против воли поступить на службу к этому социализму, они ничего не могли и не хотели с собой принести, кроме тюремно-казарменного принципа: «воспрещено все, что не разрешено особым постановлением».

«Среди вызванного войной ослабления внимания коммунистов к внутреннему строительству и при наличности чиновничьих «ста тысяч делопроизводителей» (осуществляв-

ших на практике управление—всем известна ничтожность процента коммунистов среди служащих ВСНХ и Компрода в этот период), наконец, при превращении беды в добродетель в головах только что вступивших в партию «молодых коммунистов», особенно из мелкобуржуазной интеллигенции (даже не подозревавших, что практиковавшаяся, напр., «разверстка» есть в тогдашних русских условиях вынужденная принудительной необходимостью мера, и воображавших иногда, что в таких мерах—чуть ли не суть большевизма, его святая святых), при образовавшейся затем в результате всего этого силе инерции, косности—при таких условиях неудивительно, что даже на законодательстве эпохи последнего трехлетия отражались все эти бюрократические извращения—до знаменитого «предварительного контроля» включительно.

«Если понять, что «новым экономическим курсом» (т.-е. возвратом к идеям и методам 1918 г.) мы не разрушаем социализма, а разрушаем лишь его извращения (созданные войной и фактической ролью унаследованного нами старого чиновничества), что суть нового курса заключается вообще не в выдвигании буржуазии, а в приноровлении государственного хозяйства к наличным условиям экономического уклада России, то естественно уляжется в эти рамки и отстаиваемая нами свобода деятельности крупных государственных предприятий, вместо паутинной мелочной регламентации, коммерческая их постановка вместо казенщины. Свобода комбинировать свои средства, легкость маневрированья: вот жизненная необходимость для успеха промышленного управления. При царизме это было в несвязанных «циркулярами» частных предприятиях, и этого не было в подчиненных чиновникам предприятиях казенных, где господствовала все душившая, мелочная опека, связывавшая возможность успешного доведения до конца почти всякого полезного почина. Отсюда появилось употребление названий «коммерческой» и «казенной» постановки. Конечно, социализм вовсе не должен скатываться назад от уровня, достигнутого уже буржуазной коммерческой постановкой, к уровню феодально-чиновничьей казенщины. Социализм способен и должен дать еще больший простор свободе творчества, радости хозяйственного созидания, чем эпоха господства буржуазии. Централизм социалистического хозяйства—это централизм плана, единство руководства, но отнюдь не централизация исполнения, которая может только душить жизнь и является бюрократической утопией, по социальным корням чуждой пролетариату. Этот важный пункт молодым или мало-

подготовленным товарищам необходимо хорошо продумать.

«Роль многотысячного буржуазного чиновничества в аппарате управления пролетарского государства еще недостаточно изучена—выше набросаны лишь некоторые беглые намеки. Во всяком случае, ясно, что идеал заключается не только в разрушении старого, унаследованного от буржуазии аппарата, но и в достаточном наполнении нового аппарата свежим личным составом. Это возможно, конечно, только при сокращении численности бюрократии со все большим приливом в нее партийных, или дружественных партии, или хотя бы нейтральных сил.

«Но если взять 1918—1919 г.г., то картина получалась как раз обратная: экономически более подготовленные коммунисты быстро отливали из промышленной жизни, а бюрократия быстро разросталась (тов. Бухарин останавливался уже в «Правде» на связи последнего явления с поисками буржуазных слоев местечка для пережидания «большевистской грозы»). Вместе с явлением, указанным в статье моей «Отступление или выпрямление», роль старого чиновничества в управлении служила одним из существенных элементов в создании извращений и отступлений последней пары лет от правильной экономической жизни.

«Ныне коммунисты получили возможность с полным вниманием вернуться к внутреннему строительству и произвести генеральную чистку. Одну за другой просматриваем мы отрасли русского хозяйства и возвращаем руководство ими на правильный путь. Сначала естественно поставлен был вопрос о крестьянском хозяйстве, и декрет 7-го апреля о замене разверстки продналогом и товарообменом послужил практическим рубежом. Потом восстановлена в правах мелкая и кустарная промышленность—декрет 13 мая. Затем осуждено на устранение третье «извращение»—знаменитые «карточки» вместе со всей политикой снабжения и тарифов—декрет 18 июня о коллективном снабжении. Теперь приходит очередь следующего шага—изгнания подобных же извращений из области управления промышленностью, открытия дороги творческому почину и полному использованию общественно-организаторских способностей и опыта рабочего класса.

«Наши противники не раз предсказывали, что мы падем жертвой «легкомысленной дерзости», с какой строим наш аппарат управления из почти сплошь враждебных нам и чуждых по духу элементов. Они предсказывали, как этот аппарат постепенно так разрастется и укрепится, что начнет сам делать всю политику и сбросит власть пролетариата, «освободит Россию от большевизма».

«Наши противники ошиблись и просчитались. Правда,

Россия три года являла оригинальный (своеобразный) пример страны, где высшее правительство и выдвинувший его пролетариат одинаково отрицательно и даже оборонительно настроены были по отношению к стоявшему между ними аппарату управления. Правда, накопилось не мало различных, иногда довольно чувствительных извращений и искривлений. Но за всем тем, мы использовали их, а не они сбросили нас. Заставив их все эти годы войны хоть кое как поддерживать работу механизма управления,—наша партия, развязавшись с войной, имеет возможность теперь со свойственной ей энергией взяться за исправление и выпрямление всего, что в этой области нуждается в исправлении и выпрямлении».

Это было напечатано еще на заре нэпа (июнь 1921 г.). В жизни перестройка на «коммерческий лад» с конца лета 1921 г., когда нэп стал развертываться на практике, пошла стремительным потоком. Новые отношения давили со всех сторон, предприятия принуждены были действовать, как будто бы они уже были «на хозрасчете», тресты начинали иногда функционировать чуть ли не полуявочным порядком, не имея еще утвержденных уставов или положений о себе. ВСНХ был захвачен и увлечен этим потоком. Но именно потому, что он понесся по нему, не будучи предварительно подготовленным к нему достаточным экономическим предвидением и достаточным уяснением организационных задач,—именно по этой причине он не мог иметь необходимого руководящего влияния на процесс создания трестов. Он не руководил этим процессом, он не намечал точной программы трестовского строительства, он держался лишь в сфере общих слов и на практике ограничивался утверждением проектов различных инициативных групп.

Не руководил, а утверждал, в этом заключается основной тон, характеризующий всю стихийность дела трестирования. Потому и сеть трестов получилась такая случайная, пестрая и нередко явно нецелесообразная. На практике происходило массовое перекрашиванье бывших главков и их осколков в «тресты». И если еще и теперь нередко жалуются на сохранение внутри треста «донэповских отношений», то не малую часть корней этого обстоятельства надо искать в указанном характере истории возникновения трестов [1]).

[1]) Автор имел возможность близко наблюдать ее, между прочим, и потому, что был приглашен посещать заседания комиссии ВСНХ по крупной промышленности, под председат. т Богданова, специально рассматривавшей доклад об образовании новых трестов, и основные части первого устава первого треста (льняного) разрабатывались для этой комиссии даже специальной тройкой: представители ВСНХ и ВЦСПС и автор.

Сплошь и рядом, правильнее говоря, главным образом,— в лице нынешних трестов мы имеем просто осколки главков, составлявшихся совсем по другому принципу, а не по тому, какой необходим при господстве рыночных методов. Главки же были расчитаны на господство административно-ордерных методов. Потому по другим признакам совершался подбор предприятий в главк,—почти совсем исключено было, напр., начало комбинирования, наоборот, совершенно необходимое при коммерчески-рыночной постановке.

Потому можно было совершенно безошибочно ожидать, что после некоторого опыта непременно будут услышаны и проведены в жизнь принципы организации, оставляемые пока на практике без внимания по отсутствию достаточной экономически подготовленной и организационной определенности. Так было, например, с тем же самым началом комбинированности, еще весной 1921 г. энергично выдвигавшимся тов. Смирновым, как соответствующее новым условиям деятельности (см. нашу статью по поводу учреждения Госплана в «Э. Ж.» от 5-го апреля 1921 г.). На практике оно тогда почти не проводилось, кроме Югостали, Химугля и т. п. Теперь понимание необходимости этого начала, можно сказать, уже господствует. Когда осенью 1922 г. я выдвинул ту же по существу мысль под именем «концернов», проще говоря, укрепленных и комбинированных трестов, то главные возражения шли уже только против намерения добиться всеобщего пересмотра трестов. Неизбежность на практике развития в сторону укрепления и разнообразнейшего комбинирования, если кое-когда и оспаривалась, то не особенно удачно или результатно, и практика получила явный наклон в эту сторону.

Вот несколько примеров, приведенных в «Правде» еще от 5-го января 1923 г.:

«Резинотрест заканчивает уже успешно переговоры об укреплении и комбинировании его путем слияния с уральской горной азбестовой промышленностью, продукты которой (азбест) он из всех внутренних потребителей, главным образом, и перерабатывает на своих заводах. Здесь мы имеем типичный случай концерна, об'единяющего доходную легкую индустрию (резинотрест) с дефицитной тяжелой индустрией (азбест) к великой пользе для обоих. Этим об'единением создается, кстати сказать, мощное средство возрождения русской азбестовой промышленности без концессионной уступки большей ее части иностранному капиталу. Здесь происходит взаимно выгодное внутреннее

переливание рессурсов из легкой индустрии в тяжелую. спаивающее обе стороны в одно крепнущее органическое целое.

Тот же резинотрест ставит далее на очередь вопрос о слиянии своем с трестом Технокань, изготовляющим текстильные ткани для пропитки их резиной (изготовление машинных ремней и т. п.). Здесь на лицо также все производственные и рыночные соображения, оправдывающие об'единение. Вообще целесообразно было бы концентрирование в одних руках всех машинных ремней (резиновых, текстильных и кожаных), как заменяющих друг друга.

В кожевенной промышленности за это время успели высказаться не только сами тресты за свое упразднение в нынешнем виде и за «слияние с комбинированьем», но даже успело уже одобрить соответственно выработанный кожсиндикатом план всероссийское совещание рабочих кожевенной промышленности (на пленуме Ц. К.). Согласно этому вместо нескольких десятков разрозненных трестов организуется один крупный комбинированный трест, включающий в себя кожевенные (сырье), экстрактные, тексовые (вспомогательные материалы), обувные и шорно-седельные (готовые изделия) заводы. В то время, как сейчас не хватает у этих десятков трестов оборотных средств и они стоят перед острым кризисом,— при указанном преобразовании, по подсчету кожсиндиката, хватает наличных в кожевенной промышленности оборотных средств не только для обеспечения продолжения нынешнего, но даже для увеличения производства, при том с закрытием целого ряда таких предприятий, которые при системе целых десятков разобщенных трестиков неизбежно влачили бы бесполезное существование, оттягиваньем средств не давая и другим стать на ноги.

В силикатной промышленности, по сообщению ее руководителя тов. Лугановского 20 декабря в «Эк. Ж.»,— «на очереди дня вопрос об уплотнении трестов путем перегруппировки предприятий, отбора наиболее жизнеспособных, соединения мелких трестов в мощные об'единения и т. п. Разрабатывается вопрос об об'единении фарфоровых заводов в единый всероссийский фарфоровый трест. Ведутся переговоры относительно слияния заводов Гусевского комбината со стекольными заводами центрального стекольного треста. Намечается об'единение небольших новгородского и петроградского стекольных трестов в единый трест Северо-Западного района и т. д.

Тяжелая индустрия Урала, наша металлургия, по сообщению предоблэкосо Урала тов. Ломова, считает уральские условия особенно благоприятными и выгодными для такого своего преобразования (по линии концернирующего «укрупнения и комбинирования») и полагает, что на Урале оно должно быть проведено в жизнь в одну из первых очередей, сравнительно с прочими частями республики.

Из печатного доклада комиссии СТО С'езду Советов, вышедшего в конце декабря, мы узнаем, что в настоящее время уже практически разрабатывается вопрос «о слиянии всех льняных трестов в единый всероссийский льняной трест» (давно пора. Выгоды превысят еще успех от об'единения кожевников), а равно о слиянии комбинированных трестов Химуголь и Стеклосода и т. п. (вып. 3, стр. 33).

В Туркестане тамошний ВСНХ успел уже и практически тамошние 13 трестов преобразовать в 7 и на этом, можно думать, не остановится.

Крупнейшая организация лесной и деревообрабатывающей промышленности, Северолес подымает вопрос о передаче ему в его районе целого ряда отраслей и предприятий, естественно его дополняющих (до рыбопромышленности включительно) и складывающихся вместе с ним в действительно целесообразное, внутренно-связанное, органическое целое. Понятно, насколько это должно повысить успешность работы самого Северолеса.

Деятели московской бумажной промышленности намечают об'единение московского и петроградского бумажных трестов, с присоединением к ним пароходства по Сухоне и лесного района—интересно, что при буржуазии это пароходство принадлежало бумажным фабрикам, т. к. их почти исключительно и обслуживает. Современная мудрая теория «административного об'единения», вместо «об'единения хозяйственного», разорвала эту хозяйственную связь по живому месту—и с плохими результатами.

В текстильной промышленности в настоящее время обсуждается вопрос о создании всероссийского треста,—мысль, по моему, идущая слишком далеко; здесь правильнее было бы в ближайший период ограничиться сведением кучи нынешних трестиков в несколько крупных единиц по основным отраслям: шерстяной трест, хлопчато-бумажный, льняной, пеньковый, шелковый, с дополнением каждого из них соответственными торфяными болотами, механическими заводами и иными вспомогательными и дополнительными предприятиями.

В Иваново-Вознесенске и в Москве, как сообщает «Эк. Ж.», уже утверждены, а в Петрограде

подготовляется к утверждению об'единение рассеянных по мелким трестикам предприятий в «единые местные концерны». Здесь, по рыночно-финансовым соображениям, об'единяются иногда вместе даже такие отрасли, как полиграфия, металл и текстиль.

Мысль о необходимости и выгодности комбинирования и укрупнения наших трестов стала фактически среди самих непосредственных хозяйственников регулятивной (направляющей практику) идеей в деле приспособления организации государственной промышленности к условиям хозяйственной деятельности, требующим применения рыночных методов.

Ряд актов «укрупнения» и «комбинирования» трестов был также проведен и намечен на Украине, в этом духе высказалось в недавно изданном своем годовом отчете «Моссукно» и т. п.

Всеобщий пересмотр трестов, который теперь производится, вызывал протесты из-за опасения больших издержек «генеральной реорганизации», «перекраивания сверху» и т. п., и ему противопоставлялась иногда необходимость вместо этого «внимания к мелочам».

Однажды тов. Троцкий написал статью о том, что не следует плевать на пол и надо чистить пуговицы, пришивать их на место, когда оторвутся, и т. д. Одним словом— нельзя пренебрежительно относиться к мелочам, надо всякую работу выполнять добросовестно, иначе и крупное дело можно погубить из-за того, что неподготовлены или оставлены без внимания мелкие частности.

Статья эта была своевременна и полезна, у нас действительно замечалась недостаточная отчетливость, точность, внимательность в выполнении всякой работы, слишком развито было верхоглядское отношение «с высоты птичьего полета», только разве что «птичий полет» был иногда не выше куриного с соответственными результатами для кругозора.

Но пуговица тов. Троцкого соблазнила кое-кого, и они провозгласили: ничего кроме пуговицы «на данный период» не существует и существовать не должно. Наше время не время великих задач.

Очень хорошо, что тов. Троцкий сам пом[illegible] другим напоминает, что есть на свете и пу[illegible]цы.

Очень плохо, когда это понимают так и [illegible]чают, что на свете есть только пуговица[illegible]цкому придется писать еще популярнее, чем он э[illegible]лает.

После крушения революционного движ[illegible]одов, русская мелкобуржуазная интеллигенция[illegible] ло-

зунг: довольно большого масштаба, «наше время—не время великих задач», да здравствует пуговица и только пуговица. С таким упадочным настроением обжегшегося на неудачах революции интеллигента проповедь тов. Троцкого не имеет ничего общего.

Наше время—время великих задач, упорной, творческой, смелой, организационной работы. Именно потому и важно нам иметь пуговицы на месте и помнить о них, чтобы о неряшество в частностях не споткнулось основное. Проповедывать только одно самодовольное ограничение пуговицами, «мелочами», как это в отличие от тов. Троцкого делают некоторые,—значит лить воду на мельницу пошлой, мещанской обывательщине, угашать дух, а не поднимать хозяйство. Мой возражатель не понимает того, что озабачивающие его «мелочи» (к которым он относит также приспособление трестов к условиям рынка, уменьшение количества в них служащих и т. п.) как раз и решаются, как раз и могут решиться серьезно только соответственными изменениями в самой организации трестов и их работе. Иначе сказать: можно быть просто растерянно подавленным сотней мелочей, а можно стремиться стать господином их, найдя такую мерку для платья, чтобы пуговицы стояли на месте, вместо того, чтобы упорно не сходиться на животе и прочих частях туалета. Обратите внимание на «великую задачу», т. е. на правильное снятие мерки, и тогда вы не будете подавлены массой «мелочных забот» о каждой незастегивающейся пуговице в отдельности. (Но если и тогда какая случайно оторвется, то, согласно тов. Троцкому, обязательно пришейте, да не забывайте застегивать).

Таким извращением явилась попытка не сочетать нормальную хозяйственную работу директора отдельного предприятия с руководящей и управляющей ролью треста,—но противопоставить «красного директора» тресту, по хорошо звучащим, заманчивым лозунгам «перенесения центра тяжести работы на фабрику, завод, рудник». Совершенно несомненно, конечно, что центр тяжести внимания треста, как и всех хозяйственных органов, должен быть именно на положении дел в предприятии. Но ниоткуда не следует при этом, что для этого каждое предприятие [illegible]но превратиться в отдельную единицу, самостоятел[illegible]тупающую на рынке (т. Трифонов и др.). или связан[illegible]ругими только путем договорных отношений довол[illegible]дного» типа (тов. Сабсович). Здесь мы сталкива[illegible]вым вопросом о распыленности или организо[illegible]зяйственных сил, о плановом или стихийном [illegible] С другим классовым содержанием, с более

глубоким смыслом и в иных формах,—это та же организационная проблема, которую решала когда-то буржуазия: оставаться ли при разрозненности отдельных частных предпринимателей, или перейти к капиталистическим трестам, синдикатам, концернам.

Уже отдача предпочтения организационным идеям Тит Титычей перед магнатом капитала Стиннесом, или не особенно марксистское противопоставление «мелочей»—«великим задачам», уже это заставляет насторожиться. Но особенно яркое впечатление получится, если «противотрестовские» рассуждения о рынке, торговле, плане и т. п. сопоставить с вполне правильной и меткой характеристикой партийной линии, которую редакция «Правды» дает в передовице январьского номера:

«Будущее принадлежит плановому хозяйству, как бы ни трудна была его организация в мелкобуржуазной стране, в условиях рыночного распределения».

Даже в этих условиях мы должны стремиться к «сознательному руководству», когда надо, «меняя свои методы и формы руководства» (из той же передовицы), овладевать рынком, организовывать рынок, об'единять государственные предприятия для господства над рыночной стихией. В результате годового опыта нельзя было не понять, как нам необходимо соединять свои силы в виду наличности рынка. Большая часть государственной промышленности добровольно об'единилась за этот год в синдикаты. Она рассматривает начальное хаотическое «разбазариванье» прошлого года, как результат недостатка средств, стоившего ей потери значительной части оборотных средств, как свое несчастье, как беду.

Но противопоставляющие директоров трестам находятся еще всецело во власти изжитого уже большей частью хозяйственников примитивного романтизма (упрощенного мечтания) начальных нэповских времен, когда иным показалось было, что вся премудрость заключается в сепаратной (отдельной) торговле каждого на все четыре стороны. Для них год опыта прошел даром. Они выставляют лозунг распыления государственных сил, лозунг (призыв) переносить центр тяжести из «чиновничьего соединения высовнархозом трестов» в маневрированье на рынке «отдельных предприятий». Беду начального периода нэпа они хотят превратить в добродетель наших дней. Хорошо бы мы подготовляли свое господство на рынке, если б от уже начавшегося и все ускоряющегося об'единения государственных сил перешли к хаотической торговле всех против всех.

Не противопоставлять надо «торговлю» — «плану», но необходимо внести план в самую торговую деятельность государства, вот задача, которая тщательно должна учитываться при оценке различных форм организации нашей промышленности.

Уже по одному тому должно быть отвергнуто чрезмерное подчеркивание «ставки на директоров» (см. также главу I-ю «Рынок и социализм»). Интересно, что рядовые деятели государственной промышленности уже достаточно воспитаны жизнью, чтобы преодолеть такой соблазн. Так, состоявшееся без «крупных мира сего» 23 марта в ВСНХ большое совещание директоров предприятий и представителей трестов и синдикатов крупным большинством высказалось против далеко идущих «автономистских» и «сепаратистских» предложений и приняло тезисы тов. Шеина, закрепляющие лучший тип уже существующих отношений с достаточным учетом директорской свободы в покупке метелок и т. п. Основные доводы собрания более, чем убедительны: тенденция к автономии отдельных предприятий «подрывает борьбу за концентрацию производства», запрещение перемещать с завода без его согласия на другой завод оборотные средства, машины и пр. приводит к попыткам «развития производства, не считаясь с условиями и общими рессурсами». Довольно страдают тресты от отсутствия над ними одного настоящего хозяина, а подобные тенденции «переносят это отсутствие хозяев в самую глубь промышленности из ее верхов». Господство «точки зрения местных интересов» приводит к «несогласованности и склоке» и т. д., и т. п. («Т.-Пр. Газ.» от 24 марта).

Так в процессе жизненного опыта выкристаллизовывается правильное нащупыванье соответствующих условиям времени организационных отношений в среде самих рядовых работников по руководству нашей промышленностью. Со стороны же самого ВСНХ по обыкновению нет руководящего направления и в этом столь важном для всей работы промышленности вопросе. Несколько месяцев уже развертывается дискуссия «о директорах и трестах», и все еще не видно определенной позиции президиума ВСНХ. Как и всегда за последние годы, он обычно оказывается в нетях, когда нужно руководить, направлять, проводить линию. И заключительным аккордом, на собрании 23-го марта, ответственные работники ВСНХ, как сообщает его орган, «Т.-Пр. Газ.», вносят две, исключающие друг друга резолюции, между которыми и производится голосование. За два года нэпа, казалось бы, хотя бы руководящий про-

мышленный орган должен был составить себе представление о нормальных при нэпе типах взаимоотношений между директорами и более крупными об'единениями.

Слабость экономического руководства, слабость организационного руководства нашей промышленностью со стороны непосредственно возглавляющего ее органа, «невыдержанные экзамены» и вытекающая отсюда недостаточная авторитетность—все это является, конечно, весьма определенным моментом в нашей хозяйственной жизни, который нельзя не учитывать.

Влияние его проявляется в более медленном и менее полном использовании наличных предпосылок возрождающегося хозяйства страны. А для использования этих предпосылок вопросы организационного совершенствования на практике (а не в установлении «юридической природы») представляют собой далеко не последнюю спицу в колеснице. Ибо для увеличения русской продукции, для поднятия русской промышленности в данный момент есть три основные направления.

Первое—это увеличение оборотных средств промышленности путем извлечения из других отраслей народного хозяйства: из торговли, от крестьян. Второе направление, по которому нужно итти, это лучшая, более целесообразная организация промышленности, которая была бы способна извнутри увеличить ее силы и позволить гораздо лучшее их использование, чем то, которое сейчас происходит. Третья линия—это внутреннее перераспределение средств внутри самой промышленности, внутри легкой и тяжелой индустрии. Вот те три линии, которыми исчерпываются в данный момент реальные возможности для ускорения развития промышленности. Ибо привлечение иностранного капитала не может в наших условиях играть решающей роли, оно есть лишь подсобное средство. Между тем, именно в поднятии промышленности и заключается ключ к прочному устранению наших и финансовых и сельско-хозяйственных проблем. В резолюции последнего партийного с'езда (весной 1922 г.) было сказано: «без развития государственной промышленности невозможно никакое серьезное оздоровление финансов» (п. 10 резолюции о финансовой политике). Это означало, что все меры в области народного хозяйства и финансов, в частности, нужно рассматривать под углом развития промышленности. Все, что полезно для увеличения производства, хорошо, хотя бы в ближайшей перспективе это не соответствовало тем или иным финансовым ожиданиям. Все, что улучшает финансовую перспективу данного мо-

мента, но покупается ценой сокращения промышленности,—нужно отмести в сторону, ибо серьезное оздоровление финансов возможно только на почве развития русской промышленности. (См. во 2-м вып. главу VII-ю «Политика и практика наших финансов»).

История колебаний курса нашего рубля ясно показывает, что в основе движения наших финансов лежит масса товарная, которая выбрасывается на рынок. В центре хозяйства стоит не узко-финансовый вопрос, а общий вопрос о производстве. Но, додумавшись до того, что ключ к открытию лучшего будущего заключается прежде всего в развитии производства, многие полагают, что первое внимание должно быть направлено на развитие и расширение производства сельско-хозяйственного, в виду того, что Россия страна земледельческая, что сельско-хозяйственное производство по массе его у нас доминирует над промышленностью. Это значит, напр., если мы имеем некоторое количество иностранной валюты, оно должно употребляться прежде всего на оборудование сельского хозяйства заграничными материалами, заграничными предметами и т. п. Представление о таком соотношении сельского хозяйства и промышленности является неправильным, ибо сельское хозяйство сохранилось в гораздо большей степени, чем промышленность, и достигло, сравнительно с индустрией, уже гораздо более высокого уровня производства, Между тем промышленность не достигла даже одной трети довоенного уровня, если брать всю промышленность в целом. Такое сильное отставание промышленности делает ее слабой, и она не сумеет противопоставить эквивалента той продукции, которую может дать сельское хозяйство при его дальнейшем развитии. Дополнительные продукты сельского хозяйства от дальнейшего его развития, от дальнейшего расширения посевной площади,—не могут быть извлечены на рынок, если вместо них нельзя будет дать крестьянам продуктов промышленности. Нужно будет либо выбивать их теми способами, какие мы употребляли раньше, со всеми отрицательными последствиями для мелкого крестьянского хозяйства, либо они останутся лежать в деревне праздно, в виде своего рода страхового фонда. **Вызвать продукты сельского хозяйства на рынок может только развитая промышленность.** Значительное превышение промышленными ценами уровня цен сельско-хозяйственных не может остаться вечным, хотя бы, при данном положении, в течение пары лет страна могла переносить его безболезненно, и искусственные меры для поднятия хлебных цен в текущий год являлись бы не-

нужными. Равным образом и в производственном обслуживании сельского хозяйства деревня уперлась в недостаток промышленного развития, потребность в металле и пр. Ключ к под'ему сельского хозяйства в России лежит в увеличении промышленного производства. Это есть единственное средство для того, чтобы широкие мелко-крестьянские массы заинтересовать в превращении своего потребительского хозяйства в хозяйство товарное, для того, чтобы заинтересовать его в поставке дополнительных сельско-хозяйственных продуктов.

Промышленность, под'ем промышленности является не только политической, но и экономической осью современной России.

4. НЕМЕЦКИЕ И РУССКИЕ ТРЕСТЫ[1]).

В немецких трестах до войны преобладал тип однородных трестов, похожих на существующие в России, и сверх того имелись некоторые комбинации, которые в значительной степени были либо в зародыше, либо ограничивались преимущественно вспомогательными предприятиями. Например, металлургический трест покупал угольные копи, то, что ему непосредственно нужно, и то, что тесно связано с его производством. Это первая стадия комбинатов-трестов. Следующие стадии представляют переход от трестов к концернам. Концерны—это есть тот высший тип организации промышленности, который заменил старый тип трестовских организаций, господствовавший до войны. Не буду приводить данные об оборотах, производстве и т. п., а перечислю только образцы и укажу, насколько разнообразные предприятия, даже целые отрасли промышленности, входят в отдельные концерны, каждый из которых является единым хозяйственным целым. Концерны включают в себя разнообразные группы предприятий, руководимых одной волей. Руководство это выражается иногда, между прочим, в том, что некоторые концерны имеют при себе так называемые плановые советы, являющиеся рычагом в руках той единой воли, которая каждым таким концерном руководит.

Концерн является громадным предприятием. Во главе каждого концерна стоит какой-либо один крупный промышленный деятель. Очень интересно, что концернов, во главе которых стоял бы банк, в настоящее время можно ска-

[1]) Доклад в московском Деловом клубе в ноябре 1923 г.

зать, почти нет. Почти все крупные концерны рождены промышленностью, во главе их стоят старинные предприниматели, крупнейшие промышленники, которые вокруг себя собрали значительные предприятия, иногда целые отрасли промышленности, как путем покупки, части их, так и путем соглашения—или окончательного, или на срок. Чаще всего практикуется срок до 2000 года, примерно, на 80 лет. Немецкие крупные промышленники, как Крупп, Ратенау, Стиннес, Клекнэр, Штумм, Тиссен, Ганиэль и др., каждый стоит во главе подобного концерна.

Возьмем концерн Стиннеса. Стиннес у нас называется обычно металлургическим королем. Это потому, что ядро его предприятий составляют крупные металлургические заводы и расположенные вблизи от них каменноугольные копи Рурского бассейна. Но вместе с тем в концерн Стиннеса входят такие крупные предприятия, как пароходство по Рейну, океанские линии, связывающие Германию с Бразилией, с Восточной Африкой, Южной Азией и т. п. Туда входит целый ряд металлообрабатывающих заводов, которые вырабатывают всевозможные инструменты, орудия, предметы массового потребления, локомобили, машины для горного дела, для мельниц и т. д. Туда входит и добыча руды, производство аммиака, бензола. У нас раньше для производства бензола существовал отдельный главк, «Главбензол». Вероятно, он в настоящее время превратился в Бензолотрест. Это возможно, судя по характеру наших трестов, судя по тому, как производилась группировка предприятий в тресты. Весьма вероятно, что если у нас какое-либо предприятие добывает уголь и дальше из него изготовляет кокс, то в тот момент, когда из кокса отходит газ, который нужно ловить для производства бензола,—ловля эта поручена отдельному тресту, а не тому, который изготовляет сам кокс. В отличие от этого нашего порядка Стиннес, который не дожил до такой степени разумения, не устраивает для бензола отдельных трестов или главков, а включает в свой концерн не только бензол, но даже вагоностроительные заводы, фабрики винтов, всевозможных железнодорожных принадлежностей, труб, машиностроение, добычу железной руды в Германии, а отчасти и в Австрии.

Дальше, в концерне Стиннеса имеются громадные электрические районные станции. У нас—обособленные электрические станции в Кашире, Шатуре и т. д. Затем у нас отдельно существуют Главторф и управление Подмосковного каменноугольного, бассейна, и отдельно существуют электростанции, которые этим торфом и углем пользуются. Стиннес, по своему необразованию, устроил таким образом, что

у него в трест входят и каменный уголь, и бурый уголь, и работающие на них электрические станции. Одна из них обслуживает все города Германии, расположенные между голландской границей и Кельном и Дюссельдорфом. Затем имеются в концерне газовые заводы, снабжающие газом 25 городов. В концерн Стиннеса входит также целая сеть электрических трамваев и под'ездных путей.

Все развитие концерна произошло, главным образом, в годы после войны. В 1918 году Стиннес присоединил к своему ядру оптовую торговлю керосином в виду того, что керосином торговать в Германии выгодно и доходом от этой торговли можно заткнуть разные дыры, которые имеются в разных других отраслях производства. Известно, что в Германии, кроме «Всеобщей компании электричества» (Ратенау), существовала крупнейшая электрическая организация Сименс-Шуккерт. Вся эта организация со всеми подчиненными ей заводами и электрическими районными станциями вошла в концерн Стиннеса в 1920 году. В концерн вошли также такие фабрики, как производство грузовых автомобилей, легких автомобилей и т. д. Наконец, в концерн Стиннеса входит много самых крупных типографий и т. п. Как это вышло?

После войны усложнились и ухудшились топливные условия в Германии, Германия лишилась значительной части своего угля, цена на лес значительно возросла. Для того, чтобы лучше обеспечить крепежным лесом свои угольные копи, концерн Стиннеса приобрел обширные леса в Восточной Пруссии и в других местах, стал доставлять крепежный лес и заодно для полного использования доставшихся ему лесов поставил много всякого рода производств. Концерн скупил ряд лесопильных и целлюлозных заводов, затем скупил много бумажных фабрик, отчасти в Восточной Пруссии, отчасти в других местах Германии. Идя по этому пути, он приобрел много крупных типографий в Берлине, а затем около 60 газет в Германии, в том числе некоторые очень крупные, например, «Дейтше Альгемейне Цейтунг», которая ранее служила официальным органом германского императорского правительства. После того, как императорское правительство пало, газета эта осталась и известным влиянием продолжала пользоваться. Затем он открыл судоходство и заодно приобрел верфи в приморских городах для постройки пароходов, чем особенно усиленно заинтересовался—речные пароходы были у него уже раньше. Наконец, Стиннес приобрел обширные предприятия по строительному делу (один из поводов к последнему договору его с французским представителем Люберзаком).

Некоторые громаднейшие немецкие гостиницы, громаднейшие отэли принадлежат концерну Стиннеса.

Разнообразие предприятий, об'единяемых одним концерном и управляемых одной волей, столь велико, что оно почти непонятно для нашей традиционной точки зрения, привыкшей к тому, что все автомобили должны быть у одного, все чернила должны быть у другого, все карандаши у третьего, или, как сказал тов. Сосновский или Троцкий,—на Красной площади должна стоять большая чернильница, и все должны туда ходить и макать. Такая психология совершенно несоединима с психологией Стиннеса.

Почему Стиннес об'единил такие разнообразные предприятия: бумажные заводы, тяжелую металлургию, угольную добычу, отэли и пароходства? Почему он все это соединяет, исключительно ли по своей глупости и недомыслию? Он это решительно отрицает в своих заявлениях, а нужно сказать, что он любит писать длиннейшие обоснования своих взглядов. Он выясняет, что он стал на эту дорогу соединения самых разнообразных предприятий, во-первых, в поисках обеспечить наиболее легкий сбыт изделий всех тех предприятий, которые имеются у него; во-вторых, для того, чтобы наилучше использовать те продукты, которые даются и могут даваться вспомогательными к ним заводами, но полностью не могли быть использованы первоначальными основными предприятиями; в-третьих—для создания такого рода предприятий, которые непосредственно потребляли бы продукты его производства, до пароходов и до электрического освещения включительно, которое он проводит в квартиры своих служащих и рабочих.

Ограничусь еще лишь парой примеров. Кто бывал в Берлине и в других германских городах в последнее время, тот видел на каждом шагу вывеску «Берлинер Киндль» или «Кальбаум»,—все это пивные или водочные заведения, иногда с рестораном. Все они открыты крупнейшим трестом пивных заводов, который в 1920 и в 1921 г. соединился с крупнейшими спиртовыми заводами Германии, а также с заводами стекольными и заводами сельско-хозяйственных машин. Этот концерн принадлежит к числу наиболее крупных и наиболее удачно развивающих свою деятельность германских концернов. Во главе другого концерна стоит фамилия, очень известная в России,—Крупп. Крупп об'единяет не только металлические, но и машиностроительные заводы, автомобильные заводы, производство карандашей и т. п. вещей, а также и производство фотографических и кинематографических принадлежностей. Известная фирма по изготовлению фотографических камер—Эрнеманн—вхо-

дит в этот концерн. Мы видим здесь то же самое смешение легкой и тяжелой индустрии, какое наблюдали и в концерне Стиннеса.

Все типы немецких концернов могут быть сведены к четырем группам. Эти четыре типа концернов таковы: во-первых, соединение вертикальное — от производства сырья до производства окончательного готового фабриката включительно. Это у нас в России, как общее правило, как система, большей частью отрицалось. Если взять наши тресты, то почти во всех найдем разрыв производственного процесса, начиная от момента заготовки сырья, до того момента, когда готовый продукт идет к потребителю. Процесс производства на разных его стадиях подлежит у нас ведению двух или трех различных трестов. Второй тип концернов—это такое соединение преприятий, когда к основным предприятиям прибавляются вспомогательные, непосредственно его обслуживающие. Третий вид—это соединение, получившее в Германии название «использовательного». В России не существует соответственного термина, но смысл заключается в том, что концерн организует целый ряд предприятий, которые дают возможность использовать для организации непосредственного потребления фабрикаты, производимые концерном. Если Стиннес имеет известковые, кирпичные, бетонные, лесопильные и т. п. предприятия, если он имеет в совокупности все материалы, необходимые для постройки дома, то его концерн берет на себя постройку жилых домов, громадных заводов, электрических станций и исполнение других крупных строительных работ. Если Стиннес имеет бумажные фабрики, то он заводит и типографии, а в них печатает и затем продает свои газеты, издания и т. п., употребляя для этого свою же бумагу, свое топливо. У нас устроено таким образом, что бумажная промышленность и бумажный трест нуждаются в скудных грошах: по крайней мере, я читал в «Экономической Жизни», что бумтресты просят на квартал один триллион рублей, а полиграфическая промышленность как будто никаких субсидий не получает, но и бумтресту не помогает, стоит изолированно. Четвертый вид—это соединение группы тяжелой индустрии с легкой индустрией, не обслуживающей непосредственно данную группу предприятий, но облегчающей концерну существование на рынке. Например, соединено производство пива с заводами сельско-хозяйственных машин, или соединены бумажные фабрики, типографии и кинематографические фирмы с заводами Круппа и Стиннеса.

Организация германской промышленности в виде концернов, создающих крупные размеры каждого хозяйственного об'единения и разнообразие его производств, приводит к ряду последствий, которые я мог бы изложить в семи пунктах.

Переход от однотипного треста к сложному комбинату (концерну), обнимающему предприятия не только однотипные, но самые разнообразные, как производство полуфабрикатов, сырья, топлива, изделий легкой индустрии, так и все производства «использовательные», которые более или менее могут быть притянуты сюда,—приводит, во-первых, к тому, что в смысле финансирования концерн ставится в гораздо более легкие условия. При создании концерна немцы выпускают проспект. Это делается особенно в тех случаях, когда концерн организуется не путем скупки более слабых предприятий более сильными, а путем добровольного соглашения (чтобы ни одному из предприятий не было обидно, что его с'ели,—об'ясняют буржуазному общественному мнению, что сами об'единились). В этих проспектах обычно указывают, какие продукты, нужные для производства—сырье, полуфабрикаты, топливо,—можно купить не по рыночным ценам, а по себестоимости, так как все эти продукты получаются из разных предприятий того же самого концерна. Это значительно уменьшает величину необходимых оборотных средств, ибо все предприятия концерна являются как бы отдельными мастерскими одного предприятия, и товар из одной мастерской в другую передвигается, хотя и на основании точнейшего учета,—но по себестоимости, а не по рыночным ценам. Поэтому с прежними оборотными средствами можно достичь больших результатов, чем до об'единения в концерн.

Во-вторых, в концернах используется различная сезонность различных предприятий,—сезонность не в том смысле, что фабрика останавливается на часть года, а сезон в смысле сезона сбыта. Почти в каждой отрасли промышленности имеются свои основные сезоны, когда главным образом идут в оборот ее товары. Остальную часть года она в значительной степени работает преимущественно на склад, в запас. У нас в России, необходимость для промышленности работать на склад и в запас, повидимому, недостаточно понята иногда даже ответственными руководителями всего народного хозяйства. В течение 1922 года делались напр., усилия со стороны, если не ошибаюсь, Госбанка заставить тресты во что бы то ни стало выбросить товар на

рынок в то время, когда на этот товар нет спроса, когда нет достаточного крестьянского спроса. Трестам приходилось выбрасывать товар по пониженным ценам. Руководители такого давления на тресты не понимали, как это тресты имеют готовые товары и все же не выбрасывают их на рынок. Германские предприниматели хорошо знают, что у каждой промышленности есть свой сезон сбыта, и они, соединяя предприятия различных отраслей промышленности с различными сезонами сбыта, получают наилучшее распределение, наилучшее использование тех средств, которые у данного концерна имеются. Так как, при этом, в каждом крупном предприятии периодически освобождаются средства, то эти средства, периодически находящиеся в свободном состоянии, вместо того, чтобы быть вносимыми в банк, используются внутри своего концерна—его же предприятиями другого типа, нуждающимися в свободных средствах именно в то время, когда они освобождаются в предприятиях первого типа. Каждый крупный концерн превращается, таким образом, в своего рода собственный банк. Это находит себе выражение и в том, что он, напр., привлекает дополнительные капиталы подпиской на выпуск облигаций путем выпуска этих облигаций самим концерном, а не банками. Вот первая группа преимуществ,—реальных, материальных преимуществ,—которая вытекает из того, что однотипные тресты заменяются сложными комбинатами—концернами. Первая группа преимуществ заключается, следовательно, в облегчении условий финансирования предприятий, в облегчении их существования в финансовом отношении, поэтому это особенно ценно было для германской промышленности в послевоенные годы.

Вторая группа преимуществ, которую подчеркивает обыкновенно учредительный проспект германских концернов,—это улучшение условий сбыта, условий рынка, путем соединения в одном хозяйственном целом различных отраслей промышленности. Основные предприятия, которые данный концерн организует, облегчают себе таким путем самую возможность сбыта. Создается сложный круг. Посмотрите на концерн Стиннеса или Ратенау. Вы найдете в концерне Ратенау такие предприятия, как электрические заводы по производству сильных токов, оружейные заводы, машиностроительные заводы, взрывчатых веществ, резиновых изделий, медных изделий, аллюминиевых, производство лампочек, производство телефонов, стекольные заводы и т. д. Это чрезвычайное разнообразие дает возможность почти каждому концерну р а с п р е д е л я т ь з н а ч и т е л ь н у ю ч а с т ь п р о д у к т о в с в о и х п р е д-

приятий внутри своего концерна. Для них искать внешний рынок не приходится, что облегчает условия существования этих концернов, ибо каждый такой концерн является как бы плановым хозяйством. и большая часть его продукции в нем же и идет в дело. Мы в России несколько лет тому назад не совсем удачно пытались создать сразу всеоб'емлющее плановое хозяйство, где все основное делается по заранее обдуманному намерению, где все основное должно точка в точку выходить. К сожалению, по всем известным причинам, у нас точка в точку не выходило, не могло выходить. Немецкие концерны, которые обнимают каждый не миллионы рабочих, как хозяйство всей России, но лишь десятки и изредка сотни тысяч, такие концерны внутри себя сумели осуществить плановое хозяйство, взаимную организацию сбыта внутри самого концерна и т. д. в таких размерах, что условия их существования на рынке значительно облегчились.

Третье преимущество—это устранение посреднической торговли. У нас вопрос о посредниках одно время был модным. В одном из докладов т. Рыков говорит, что, по его подсчетам, у посредников остается приблизительно около 30% всей цены идущей через них продукции наших трестов. Я не знаю, насколько точен подсчет, но, во всяком случае, остается не мало. Германия в крупной мере устраняет посредничество благодаря организации концернов. Это является крупным и существенным выигрышем на непроизводительных накладных расходах при коммерческих методах организации хозяйства.

Четвертым существенным преимуществом является то, что концерны могут дать промышленности большие выгоды в области перераспределения средств безболезненно внутри самой промышленности. Суммы, которые собираются у нас промышленностью в виде чистого дохода, получаются промышленностью легкой и полулегкой. Вот эти суммы при об'единении промышленности в концерны остаются у них и идут на укрепление входящей в концерн тяжелой индустрии непосредственно по усмотрению самой промышленности, самого ВСНХ. У нас теперь этот чистый доход тоже передается из легкой в тяжелую индустрию (и в другие отрасли легкой), но только сначала он отдается Наркомфину, потом передается Наркомфином Госбанку для выдачи промышленности уже в качестве ссуд с чрезвычайно большой потерей на процентах. Такая наша система уменьшает для промышленности те средства, какие накопляет сама промышленность.

Следующее материальное преимущество, какое дает такая организация управления промышленностью, это та вза-

имная помощь нефинансового характера, которую оказывает как легкая промышленность тяжелой, так и тяжелая промышленность легкой внутри об'единяющего их концерна. Помощь эта очень значительна не только в смысле взаимного сбыта, но и в смысле улучшения постановки, оборудования предприятий, условий работы и т. д. Далее, в области регулирования оплаты труда также нужно отметить преимущества, какие может дать концерн. Концерн, обнимающий самые различные предприятия, имеет возможность удовлетворить требование государства о переходе к более здоровому установлению заработной платы, более учитывающему важность крупных предприятий тяжелой индустрии, путем соответственного распределения внутри всех предприятий концерна всего фонда заработной платы.

Наконец, существенно то, что организация концерна, имеющего крупный завод, окружает этот крупный завод рядом скупаемых мелких и средних предприятий данного района, создает, как выражается Стиннес, *хозяйственный район вокруг данного крупного завода*. Возьмем наш Сормовский завод. Представьте себе, что Сормовский завод не обособленно, как дуб «среди долины ровныя», стоит, а что окружающие его и нужные ему мелкие и средние заводы входят в тот же концерн, образуя с Сормовским одно хозяйственное целое и отчасти работая на него. Благодаря этому, Сормовскому заводу легче жить. Он может сосредоточиться на главном. Детали могут вырабатывать окружающие его мелкие чугунно-литейные и металлические заводы и т. д., и т. п. (как это было уже отчасти до нас, при капиталистах). У нас теперь, наоборот, существует полное отграничение крупного предприятия от окружающих его средних и мелких. Крупное предприятие об'единено трестом, среднее и мелкое губсовнархозом. Хорошо, если они в добрых отношениях, а иногда бывают в весьма плохих. Пора прекратить эту разрозненность и оторванность, признав, что крупный завод является центром своего района. Надо вовлечь в круг влияния такого промышленного гиганта расположенные вокруг него средние и мелкие заводы, поскольку они необходимы для его усиления и материального укрепления, чтобы силы и средства средней и мелкой промышленности также служили на пользу крупной индустрии.

Вот основные материальные выигрыши в области финансирования, в области рынка и сбыта, в области посредничества, в области налогов, в области увеличения оборотных средств, которые германская промышленность получает от замены однотипных трестов более крупными и бо-

лее сложными концернами. Этих преимуществ достаточно для того, чтобы от системы трестов перейти и у нас к системе концернов, перейти не случайно. Если посмотреть, что делается в России, то мы найдем около 430 трестов с количеством рабочих по 2 и 2½ тысячи в среднем на трест. В Московском районе ряд хлопчато-бумажных трестов, в одной Москве чуть не десяток, которые могут быть соединены в один. Соединить эти хлопчато-бумажные тресты и прибавить к ним торфяной трест, который фактически для них и работает, и придать им еще тресты электрических предприятий этого района, которые работают отчасти на эти же предприятия,—получится об'единение гораздо более мощное и гораздо более обслуживающие изнутри свои нужды, при чем текстильная промышленность в собственных же интересах будет поддерживать и электрическую и т. п.

Возьмем ряд бумажных трестов—петербургский и московский. У нас очень много лесотрестов. Есть лесотрест в Вологде, потом Волголес, Северолес и т. д., чуть ли не в каждой губернии есть лесной трест. Если соединить оба столичные бумажные треста, да прибавить какой-нибудь Вологдолес, да еще столичные полиграфические тресты, да пароходство на Сухоне, преимущественно бумажные фабрики и обслуживающее, то получится хозяйство, с которым нестыдно и в люди показаться, да и типографии будут иметь бумагу путем внутренних расчетов, а бумажная промышленность будет гораздо тверже стоять на ногах.

Возьмем Гомзу. Ни один немецкий промышленник не согласился бы работать на таких условиях, на каких работает Гомза. В настоящее время в Германии в области металлообработки нет таких крупных предприятий, которые не были бы соединены в одно хозяйственное целое с крупными предприятиями по добыче топлива, с одной стороны, и по металлургии—с другой. А у нас Гомза существует сама по себе, как почти чистый металлообрабатывающий трест; затем, металлургические тресты существуют сами по себе, далее, угольный район Донбасса сам по себе. Это нелепость, что промышленные отрасли, составляющие лишь стадии одного и того же производства, живут обособленно друг от друга, принуждены друг с другом расчитываться за наличные и взаимно отравляют друг другу существование, вздувая необходимые оборотные средства только по вине противоречащей элементарному коммерческому смыслу организации. Такого явления вы не найдете в Германии, ибо это просто невыгодно.

Больше того, в Германии наблюдается, по тем же соображениям выгодности, и соединение транспорт

ных предприятий с промышленными. В этом отношении мы должны дозволить себе некоторую смелость мысли и сказать, что и у нас в России мы должны будем в некоторых случаях произвести подобное об'единение транспортных и промышленных предприятий. Если некоторые угольные районы Сибири обслуживают, главным образом, Сибирскую железную дорогу, то не может быть никаких препятствий для того, чтобы Сибирскую дорогу и сибирские копи об'единить в одно хозяйственное предприятие, и тогда, разумеется, мы гораздо вернее избегнем тех случаев, какие были у нас, когда сибирские копи оставляли без угля железную дорогу первостепеннейшего значения.

Нынешняя практика настолько уже выяснила наличность «недочетов» и «невязок» в наличной промышленной организации, что, мне кажется, мы должны теперь дойти в области специально промышленного управления хотя бы до следующих преобразований. Во-первых, решительно перейти от системы мелких, раздробленных и хозяйственно слабых трестов к их укрупнению. Вместо 430 трестов, которые у нас есть, оставить, может быть, лишь 43 или 83, но зато являющихся такой мощной силой, с которой будут считаться в гораздо большей мере и рынок, и другие отрасли хозяйства и управления. Если уж укрупнение губерний постоянно двигается вперед, то много легче укрупнить тресты и, пожалуй, еще необходимее, ибо тут речь идет не только о сокращении аппарата, но и о материальном выигрыше для промышленности. Второе, это переход от системы однотипных трестов к системе концернов, т.-е. расширение нынешних трестов путем присоединения как предприятий, вырабатывающих сырье, топливо, полуфабрикаты, так и предприятий, вырабатывающих готовые изделия. Эти две вещи—укрупнение и широкое комбинирование—кажутся мне бесспорными.

Третье—соединение некоторых отраслей легкой индустрии с некоторыми предприятиями и отраслями тяжелой индустрии, напр., азбеста с резиной. Эта мысль наиболее непривычна для русского практика,—она, вероятно, с наибольшей медленностью сможет войти в жизнь. Здесь, очевидно, придется итти путем наименьшего сопротивления, в первую очередь соединяя предприятия легкой индустрии с такими предприятиями тяжелой индустрии, для которых можно найти обоснование не только в смысле взаимного финансового укрепления, но и в смысле некоторых серьезных производственных выгод, как обеспечение топлива, сырья и т. п. Наконец, четвертая линия

в сторону которой, мне кажется, нужно итти,—это постепенное прикрепление к нашим крупным заводам обслуживающих их предприятий средней и мелкой промышленности, чтобы они не были изолированы от своей хозяйственной среды, от своего района.

Такой переход к переорганизации наших трестов, конечно, не является делом одного дня. И я не думаю, что вместо 430 трестов завтра же будет их только сотня. Я знаю, что это требует некоторого времени, но так как, с другой стороны, об'ективная польза этого дела совершенно предрешает его осуществление, совершенно преодолевает все препятствия, то несомненно оно будет осуществлено.

И это осуществление будет вместе с тем одной из существеннейших предпосылок для нового под'ема планового хозяйства в России—единственного соответствующего нашим идейным стремлениям и наиболее, по кроющимся в нем возможностям, рационального. Концерны, т.-е. укрупненные и комбинированные тресты, как крупные плановые единицы в своей внутренней деятельности, послужат естественными составными элементами в деле общепланового руководства всем хозяйством страны, в его совокупности. А нынешний ВСНХ превратится тогда, в конечном счете, в своего рода «концерн-концернов».

* * *

В заключение я хотел бы сделать еще одно частное замечание по поводу указаний на воображаемую непоследовательность перехода от главков к концернам, т.-е. к трестам высокого типа. Преобразование наших трестов в концерны пройдет, я надеюсь, легче, чем учреждение в свое время главков. Известно, что главки были учреждены чуть ли не против большинства товарищей, руководивших тогда хозяйственной жизнью. Но главки оправдывала и укрепляла тогда сама жизнь: надо было выйти из состояния всеобщего хаоса, который тогда царил—и, отчасти, пользуясь этим же хаосом для проведения определенного плана, сильная рука дала толчок к организации нашей промышленности в сторону главков. Это внесло некоторый порядок.

Все дело в том, что всякому овощу свое время. На второй день после того, как совершилась в 1917 г. октябрьская революция, мы совершенно не имели бы возможности справиться с промышленностью, если бы не взяли какую-либо простую и жесткую, суровую форму управления. И явились главки, которые, как теперь концерны, были тоже из Германии взяты, а не из головы выдуманы. Я взял немецкие

«Кригсгезельшафтен» (центры регулирования индустрии в военное время), перевел их «на русский язык», влил в них рабочий дух и под именем главков пустил в оборот. С тех пор прошло несколько лет. Кое-чему мы научились, прошла полоса военного коммунизма, которую собой открыли и в течение которой удержаться дали нам возможность, между прочим, не кто иной, как именно эти главки. Некоторые товарищи с короткой памятью, «Иваны непомнящие родства», любят еще сейчас делать выпады против военного коммунизма. Это дурной вкус. Военному коммунизму мы обязаны тем, что мы управляем русским государством, что пролетариат в открытой борьбе удержал свою диктатуру в течение ряда лет тяжелой войны. Это обстоятельство подчеркнуто уже и нашей партией. А стало быть и за эти самые главки, за учреждение этого злого исчадия военного коммунизма, без которого не могли бы существовать в это время русское хозяйство, русская промышленность, не могла бы существовать армия,—стало быть за это остается только благодарить, а не пред'являть претензии задним числом. Но если тогда, в иных условиях, в начале революции, против воли многих, я звал к главкам, то теперь, когда мы перешли к новому состоянию, когда мы посвободнее, когда мы не ведем войны, когда мы можем строить хозяйство органичнее, теперь надо уметь перейти на высшую ступень, понять, что созрело время для другого овоща, надо уметь перейти на высшую ступень, на которую я и тяну,—к концернам.

Как только началась новая экономическая политика, в начале апреля 1921 г. я напечатал в «Экономической Жизни» большую статью, где доказывал, что теперь от главков нужно перейти к комбинированию промышленности, самому широкому, что это должно стать основной руководящей задачей переорганизации нашей промышленности, делающейся необходимой с новой экономической политикой. Для того, чтобы дойти до этой мысли, не надо было ездить в Германию, до этого можно додуматься и в России, на основании собственной экономической обстановки, как дошел самостоятельно целый ряд товарищей. Но тогда это осталось почти без последствий—слишком чуждо было успевшему закостенеть в главковской традиции русскому практику. А ведь по принципу подбора предприятий нынешние тресты—преимущественно те же главки, только в уменьшенном издании. Но интересно, что даже теперь, когда давно начался новый период, когда мы переходим к тому, что надо нашу промышленность по-людски устроить, и после того, как наша партия больше полутора лет всем

вбивает в голову, что нужно развивать наше пролетарское хозяйство с применением наиболее совершенных методов капиталистической организации, после всего этого, когда речь идет о том, что у Стиннеса имеется лучшая и оправдавшая себя организация,—иные товарищи пугаются и говорят: «это Стиннес, это капиталист, не хотим стиннезации русской промышленности». Полтора года говорим, что нужно научиться у Стиннеса тому, что лучше у него, а у Стиннеса лучшая организация. Значит, этой организации надо учиться, надо уметь поставить ее себе на службу, а не падать в обморок от имени Стиннеса.

Нужно знать, когда время главков, когда время трестов и концернов. Пять лет тому назад я говорил: вместо всеобщего хаоса, вместо того, чтобы рабочие каждого завода захватывали свой завод, стройте главки, чтобы как-нибудь прибрать хозяйство в руки нам, как целому, как государству, как диктатуре пролетариата. Это была самая простая организация, но мы и с ней плохо справились, а для более сложной тогда и совсем не годились. Теперь я говорю: перейдем к правильной организации на почве рыночных отношений, значит, к сложному составу трестов—к концернам. И что же получается у некоторых товарищей? Когда я предлагаю остатки главков, нынешние однотипные тресты, заменить более высоким типом,—опять смущаются. Это показывает и неподвижность мысли и недостаточность делового подхода. Речь идет о том, что *широкая комбинация различных предприятий приводит к взаимной выгоде и должна стать правилом*. Я утверждаю, что это будет выгоднее. *Кто боится новых слов, может не называть этого концерном, лишь бы однотипные и мелкие осколки бывших главков, нынешние тресты, заменены были крупными и сложными об'единениями*. Для того, чтобы тресты стали *богаче*, они должны стать *больше и рациональнее по составу*. Время не терпит. Если за один год можно поставить нашу промышленность при помощи высшей организационной техники на более твердую материальную основу, то этими материальными преимуществами пренебрегать не приходится. Важно именно материальное улучшение промышленности, чтобы от этого в кармане стало гуще, чтобы товара на рынке было больше, а не переорганизации во имя идеального совершенства схем, которую у нас так любят. Нам нужно учиться применять такие организационные формы управления промышленностью, от которых отраслям ее делалось бы легче

жить. Не нужно бояться соединять железную дорогу с углем, когда это выгодно. Не нужно бояться сливать Льнотрест с дровами и торфом, когда это выгодно. Нужно руководиться принципом выгодности в управлении промышленностью, а принцип выгодности означает, в применении к условиям рынка, во-первых, переход к принципу взаимного обслуживания друг друга предприятиями разного рода, взаимно уменьшающими свою зависимость от открытого рынка, и, во-вторых, принцип наибольшего уменьшения накладных непроизводительных расходов производства. Соединением того и другого на практике в условиях товарного рынка и является концерн, т.-е. крупный сложный трест. И, поскольку русская государственная промышленность живет теперь в условиях товарного рынка,—для нее не существует более целесообразных путей организации. Надо взять высшее, до чего доработалась организационная техника капитализма, и употребить это на постройку впоследствии еще более мощного здания, а не довольствоваться вчерашним днем старого мира.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Глава об «организации промышленности» представляет собой, главным образом, собрание различных докладов и статей от ноября 1922 г. о необходимости общего пересмотра наших трестов в целях внесения в их организацию большей целесообразности по существу (а не по «юридической природе»), в целях действительного приноровления их состава к требованиям государственного хозяйства в условиях применения рыночно-коммерческих методов.

Сначала, как нередко бывает с каждым кажущимся новым предложением, это было воспринято, как ересь. Самое слово «концерн» пробовали об'явить «новым» и страшным, почти как «жупел» для купчихи Островского. Дело было не в слове, а в борьбе против существа, т.-е. против всеобщего пересмотра трестов для рационализации их состава, которая должна была укрупнением выбросить из строя менее пригодные предприятия и тем повысить среднюю нагрузку и комбинированием укрепить финансовое положение. Еще на декабрьском 1922 г. Всероссийском С'езде Советов т. П. А. Богданов доказывал, что сеть трестов организована вполне хорошо и состав предприятий каждого треста тщательно продуман и экономически и технически.

А скоро за тем, с обычной последовательностью ВСНХ, начался всеобщий пересмотр. И начался как раз под зна-

ком стремления к увеличению нагрузки, к обеспечению цельности производственного процесса, к укреплению коммерчески-финансовых позиций и т. д. От прежней оппозиции нашим ересям остался, пожалуй, только страх перед словом «концерн»—помилуйте, кто же когда мог бы действительно не желать на практике признать, что состав наших трестов следует действительно пересмотреть, что особо смешных маленьких уродцев следует поизбивать, что разумное применение комбинированности действительно должно иметь применение не только в умозрении, но и в жизни? Это же самоочевидно!

Так было и так еще будет не раз. Вот почему судьбу экономических идей, в том числе и столь усердно подчеркиваемую нами за последние полтора года мысль о необходимости не в отдаленном будущем, а уже в самых условиях нэпа строить наше хозяйство, как плановое, а не как распыленно-стихийное,—вот почему судьбу экономических идей всегда надо расценивать не только по приему их в момент начальных их резких выступлений, но и по отвечающей им линии развития в дальнейшем ходе вещей.

Кажущаяся «ересь» сегодня, делается до того самоочевидной завтра, что забывается даже ее прошлое. И самое большее, что, в «лучшем случае», остается—это память о том, что ее первые носители, взламывавшие в свое время лед общественного мнения, быть может, иногда и грубыми, резкими взмахами,—вообще предлагали, помнится, что-то еретическое: беспокойные люди, неудобные люди, вечно что-нибудь выдумают, растревожат...

Помню, как два года назад, при начале новой эконом. политики, Ларин и Гольцман подняли в газетах и на собраниях агитацию за изменение господствовавшей ранее системы заработной платы. Ларин и Гольцман проповедывали форменную по тем временам ересь: все получаемое рабочим должно засчитываться в состав заработной платы, сама заработная плата должна быть поставлена в прямую связь с результатами труда (спор по поводу «коллективного снабжения» вместо прежнего «собеза»). У меня сохранились еще (забавнейшие при чтении в настоящее время) вырезки с протестами против «утопических мечтаний» Ларина, якобы соблазнившего еще к тому же «увлекшегося Гольцмана».

Требовать изменения политики заработной платы—значит проявлять меньшевистский уклон—договаривались отдельные возражатели, считающие обязанностью провозглашать идеалом любое конкретное положение, раз оно есть в наличности, как лягушка, всегда довольная своим боло-

том. Кто не узнает теперь в основах тогдашней ереси, основ нашей ныне давно общепризнанной политики в важнейшей для нас области оплаты наемного труда?

Взламывать лед общественного мнения не всегда сразу благодарная работа и требует достаточно крепких нервов. В применении к другой области, к другой жизни, к другим людям и отношениям, вот какие строки попались мне в рецензии тов. Завадовского, в февральской книге «Красной Нови» за 1923 г., на серию биографий, изданных в последнее время:

«...Еретиками, отрицателями сегодняшнего, такого, как будто, незыблемого и непогрешимого,—жив мир; только еретики открывают новые горизонты в науке, искусстве, социальной жизни, только еретики, отрицающие сегодня во имя завтра, являются вечным бродилом жизни, обеспечивают бесконечное ее движение вперед.

На первый взгляд может показаться странным, что сопротивление новой идее возникает, прежде всего, в кругу ближайших специалистов; а между тем это так естественно вытекает из природы людских отношений.

Признать новую идею, идею революционера—для многих равносильно признанию своего банкротства, своего отмирания, своей ненужности.

Нередко неосознанная в связи с этим тревога за свой авторитет и положение ведет к оппозиции и недружелюбному приему нового пришельца, прежде всего, в тех кругах, которые, как сработники по специальности, казалось, должны были бы первыми правильно оценить вновь народившуюся мысль.

В протесте более молодых не малую роль играет рабское доверие к авторитету старших.

Крупное начинание неизбежно ведет за собой не только холодный прием, но и реальные затруднения—«палки в колеса». Нередко прием выливается в отвратительную форму борьбы с их пропагандистом.

Противопоставление внешнему натиску сильной воли в защиту своих прав, попытку завоевать право на работу, если ее не дают без борьбы, быстро и злостно окрещивают честолюбием.

В такой психологически нездоровой атмосфере суждено пробивать себе путь всему новому, всему, что противоречит обычному шаблону. Всей тяжестью подобная обстановка обрушивается на нарушителя раз установившегося течения жизни.

Даже тогда, когда идея становится на ноги, враги ее носителя сначала заявляют, что идея высказана и развита

другими, что она, пожалуй, и имеет кое-что за себя; наконец, с нагло-наивной улыбкой говорят, что все это известно каждому и всякому, что доказывать ее глупо и наивно. Сначала уверяют, что открытие вздор, а затем заявляют, что все это давно известно каждому дураку.

Все это тысячу раз повторялось и имеет повторяться, то в большом, то в малом масштабе». («Кр. Новь», стр. 348).

* * *

Выпуская теперь настоящую книгу, подводящую за последние два года итоги, автор подводит вместе с тем заодно как бы и некоторый итог своим выступлениям по поводу разных экономических вопросов за это время.

Не все еще, конечно, из того, что рисовалось нам желательным в области упорядочения нэпа, воплотилось в жизнь. Но автор чувствует себя правильно участвовавшим в намечании того пути советской власти в сложной обстановке современности, какой прокладывала и постепенно вырабатывала коллективная мысль партии.

Линия советской власти была не только принципиально правильна, но и оправдала себя в жизни. Отдельные неудачи или несовершенства не могут изменить этой основной оценки. Тем более решительный отпор надо давать всяким «болотным» тенденциям к созданию на практике каких-либо уклонов вправо от этой линии.

Линия нашего дальнейшего внутреннего развития проходит через усиление планового начала и через преодоление этим путем отрицательных сторон нэпа — по пути к полному осуществлению социалистического строя.

Наша книга дает достаточно материала для характеристики конкретных очередных шагов на этом пути и довольно приводит примеров неимевших до сих пор успеха тенденций к уклонам вправо, чтобы требовалось здесь еще специально на этом останавливаться.

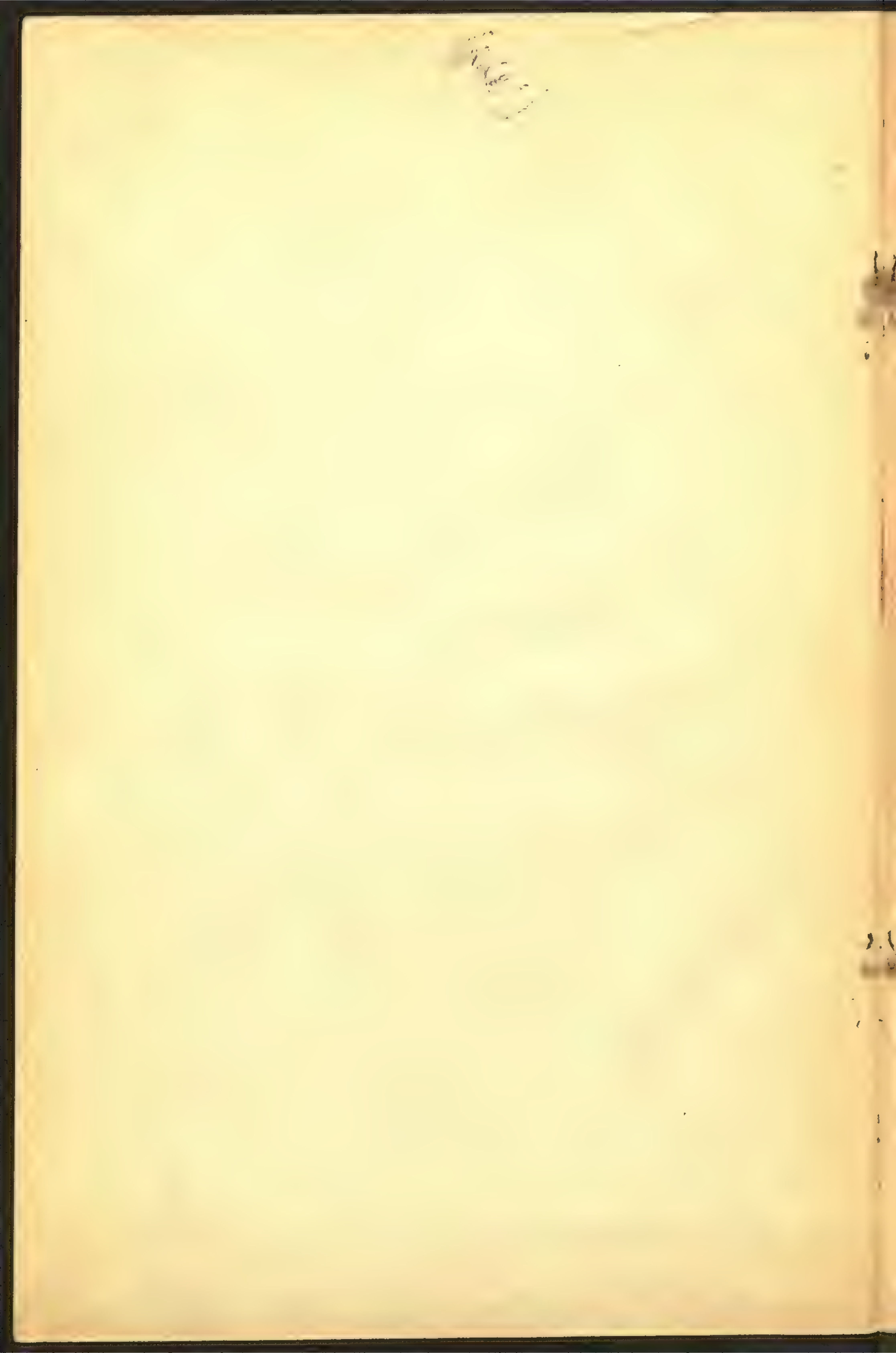
Реализм пролетарской диктатуры, сочетание выдержанности и трезвости ее—обеспечат нам не только прочность существования ее в стране с крестьянским большинством, но и такое руководство крестьянством, при котором насущные интересы укрепления нашего экономического базиса получат достаточное удовлетворение.

Нэп, упорядоченный на началах планового хозяйства, облегчит укрепление нашей военной мощи—которая не может не быть в центре внимания овладевшего государственной властью в России пролетариата, как передового отряда мировой рабочей революции, сознающего свое международное значение.

Четкость и твердость проведения на практике принципиально взятой партией линии, усиление настороженности по отношению к тенденциям, в «буржуазную сторону нэпа» тянущим «болотные» элементы,—обессилят, обезвредят и перевоспитают даже сами поддавшиеся какому-нибудь виду политического или экономического «либерализма» группы и единицы.

Мы не сомневаемся, что «правые уклоны», порожденные «потрясением нэпа» будут изжиты столь же безболезненно и полно, как это случилось в свое время с «левыми уклонами», порожденными «потрясениями Бреста».

ОГЛАВЛЕНИЕ



Стр.